

О Переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons "Forgotten Realms". Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Переводчики: **Pike, Redrick**

Редакторы: **Лиза Рекстина, Bastian**

Спонсоры: **nikola26, semrai, Валерий, Алекс, Алексей Кузьмин, Outlawz92**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» - этого будет достаточно. ;-)

Баал мёртв! Но его служители хотят вернуть его к жизни. Кровь бога убийства течет в жилах его детей, и дурная кровь притягивает дурных людей.

Теневые Воры, вампиры, ассасины, каменные черви обрушатся на Побережье Мечей в захватывающей новелизации компьютерной игры Baldur's Gate II от BioWare и Interplay.

Глава 1

Абдель Адриан, сын Бога Убийств, поздним летом года Знамени вернулся в Крепость Свечи героем.

Врата, которые всего несколько недель назад закрыли перед ним, на сей раз были открыты. Человек, которого он знал всю жизнь, человек, обвинивший его в убийстве, заперший его в клетке, как животное, человек, который практически отдал его в руки Железного Трона, с облегчённой и искренней улыбкой обнял Абделя.

— Абдель, — сказал Теторил, и ему на глаза навернулись слёзы. — Абдель, я так рад, что ты вернулся к нам. Надеюсь, в этот раз ты останешься надолго и...

— Абдель! — раздался позади тонкий, пронзительный голос. Абдель повернулся, чтобы увидеть лицо, которого не видел... сколько? Год?

— Имоэн, — выдохнул Абдель, оказавшись в объятиях стройной девушки. — Имоэн, ты превратилась...

— Молчи, — оборвала она, смягчив свой приказ улыбкой.

— Ты — улада для уставших глаз, девочка, — сказал он ей, и они снова обнялись.

Не отпуская его, она сказала:

— Мне так жаль Гориона. Так жаль.

У Абделя встал ком в горле. Он выдавил усталый вздох.

— Его смерть была не напрасной, — вставил Теторил.

Абдель поднял взгляд и с удивлением заметил, что Теторил оказался дальше, чем был. В небе над массивными стенами Крепости Свечи клубились серо-зелёные тучи. Абдель чувствовал запах молнии, но не видел её. Приятно было вернуться домой с гордо поднятой головой, но в воздухе висело напряжение, и рядом... не хватало слишком многих. Где Джахейра? Она ушла из Врат Балдура вместе с ним. А ещё Ксан. Но разве он не потерялся где-то по дороге? Абдель вспомнил, как Ксан спорил с гулем Кораком, а затем что-то случилось...

— Абдель, — прошептала Имоэн. Её дыхание холодило его обнажённую грудь. Абдель не помнил, как снял рубаху. Имоэн дрожала, прижимаясь к нему. Он

посмотрел на неё. Он был выше фута на полтора. Имоэн начала изменяться, её острые локти подростка округлились, руки стали гладкими, бедра налились, там, где торчали ребра, осталась гладкая, бледная кожа. Её длинные волосы сдуло в лицо Абделю, прямо в глаза. Он испустил слабый смешок и попытался аккуратно её отстранить, но девушка не отпустила.

Имоэн сжимала его крепкие руки всё сильнее и сильнее. Затем прошептала:

— Что со мной происходит?

Абдель снова произнёс её имя, затем моргнул, когда один из её ногтей пронзил его кожу. Из раны засочилась кровь, потекла вниз по пальцу Имоэн и дальше, к её запястью.

— Со мной что-то происходит, — прошептала она, её голос превращался в гортанный, нечеловеческий хрип. Она чихнула, окатив Абделя холодной, как лёд, слюной.

— Имоэн, — сказал Абдель, и когда она не отозвалась, оттолкнул её сильнее.

Возможно, он был единственным мужчиной на всём Побережье Меча, который сумел противостоять её неожиданной сверхчеловеческой силе, но времени радоваться собственной физической форме у Абделя не оставалось. Он зашипел, увидев лицо юной девушки. Правильные черты её лица стали уродливыми и искажёнными, рот превратился в зияющую, полную клыков пропасть. Наружу выстрелил язык, длинный и раздвоенный, как у змеи, и лизнул грудь Абделя. Касание было таким холодным, что крупный мечник задрожал.

Существо, которое недавно было Имоэн, издало звук, от которого Абдель закричал в ответ — как будто их голоса могли бороться друг с другом. Краснеющие глаза Имоэн раздулись, стали в несколько раз крупнее. Их взгляд был испуганным и недоумевающим — но в той же степени голодным и злым. Её дрожащий рот исторг череду проклятий, истекая кровью в тех местах, где бритвенно-острые клыки вжимались в фиолетовую массу губ.

Абдель оттолкнул её дальше. Обнажённая кожа девушки была ледяной, сухой и грубой наощупь, похожей на чешую. Абдель потянулся за спину и нащупал рукоять меча, хотя мог поклясться, что не чувствует ремня, пересекавшего грудь. Меч вышел из ножен со скрежетом металла по металлу, прозвучавшего в унисон звериному, надрывному вою Имоэн. Абдель не думал о том, что собирается сделать с девушкой, которую знал с младенчества, которая на протяжении их общего детства терпела его приступы дурного настроения и периодические жестокие насмешки, с ребёнком, который хотел сопровождать Абделя в его приключениях и которого он отталкивал на каждом шагу.

Абдель обрушил свой меч быстро и сильно. Он отрубил ей голову и закричал, когда голова упала на сухую пожухлую траву Крепости Свечи. И по-прежнему кричал, когда проснулся, оказавшись в новом, на этот раз чересчур реальном кошмаре.

* * * * *

Абдель, может, и стал героем, но в Крепость Свечи он не вернулся. Сначала он увидел свет от жаровни, затем закрыл глаза и почувствовал её жар. Медный котёл,

полный раскалённых углей, стоял слишком близко. Он попытался отстраниться, но уже через долю дюйма его голая спина встретила грубую и холодную поверхность стены. Абдель отдёнулся и снова попробовал отстраниться. Как бы он ни пытался, в эти ускользающие мгновения между сном и реальностью он не мог найти счастливую середину, которой так требовало тело.

Беспощадные железные кандалы висели на его запястьях. Звон цепей, звучавший, когда Абдель шевелился, как будто насмехался над ним. Абдель зарычал — низким, звериным рыком, зародившимся глубоко в горле — и стиснул кулаки.

Он поморгал, заставляя взгляд проясниться, и увидел, как в камеру входит мужчина. Мужчина был невысоким и толстым. Между опоясывающими его ремнями из кожи выпирало слишком много жирной и потной плоти. На ремнях висели инструменты, большую часть которых Абдель не узнал. Станный мужчина встретился с ним взглядом и улыбнулся, демонстрируя единственный жёлтый и неровный зуб на верхней десне. Борода мужчины была неровной — её рассекал глубокий шрам от ожога, который не добавлял ни капли привлекательности или характера круглому лицу своего обладателя.

— Ты проснулся, — медленно произнёс мужчина, чётко выговаривая каждое слово, как будто язык был для него в новинку, или, по крайней мере, не родным.

— Тюремщик... — начал Абдель, но пересохшее горло подвело его, и в глазах проступила влага. Он втянул в себя воздух и закашлялся от дыма из жаровни, обезвоживания и боли от ушиба, которого даже не помнил.

— Хозяин подземелья, — проворковал мужчина, отведя взгляд от Абделя, затем замерев, как будто видел жаровню впервые. Потянувшись, чтобы взять кочергу, свисавшую с крюка на стене справа от Абделя, он добавил: — Хозяин подземелья, а не тюремщик. Это не тюрьма, это подземелье.

Абдель вздохнул, пытаясь поймать пустой, стеклянный взгляд мужчины, но не сумел. Тот был умственно отсталым.

— Как... — прохрипел Абдель, когда мужчина сунул кочергу в пылающие угли и оставил её там. — Как тебя зовут, хозяин подземелья?

Мужчина улыбнулся, но на Абделя не посмотрел.

— Бутор меня зовут, — сказал он. — Меня зовут Бутор.

— Где я? — спросил Абдель, к которому начал возвращаться голос. — Как я сюда попал?

— Дома у моего босса, — растягивая слова, ответил Бутор, кончиком кочерги проводя по дну медного котла. — Мой босс забрал тебя. Не знаю, откуда он тебя забрал.

— Кто твой босс? — спросил Абдель, подозрительно разглядывая кочергу. Он чувствовал, как растёт гнев, и хотя начал смутно вспоминать, что уже пытался вырвать цепи из стены и потерпел неудачу, постарался сохранить голос ровным.

— Кто твой босс? — снова спросил Абдель, когда Бутор вытащил кочергу из горячих углей и провёл ею по груди Абделя. Абдель закричал, почувствовал запах собственной горелой кожи и волос, почувствовал каждый волдырь, каждый обожжённый дюйм плоти, почувствовал боль, которая сама по себе практически была живым существом. Его крик заглушил большую часть ответа Бутора, но Абдель был уверен, что слышал, как тот говорит: «Теневые Воры».

Он ведь не мог оказаться в Амне, правда?

* * * * *

Абдель видел, как Джахейру убил Саревок. Джахейру вернули в мир живых жрецы Гонда по просьбе Анжело, будущего великого герцога Врат Балдура, когда Абдель отправился проливать испорченную кровь своего брата по отцу. Только через день после смерти Саревoka Абдель снова увидел Джахейру живой. Она рыдала в его руках, и Абдель, исчерпавший тогда способность испытывать какие-то чувства, просто держал её в объятьях. Они мало спали, хотя и испытывали облегчение. Всё закончилось, но в процессе слишком много было утрачено. Вместо сна они долго бродили по тёмным улицам Врат Балдура. Горожане, купцы, торговцы и солдаты узнавали Абделя и кивали ему, безмолвно выражая признательность. Слухи о зловещих планах Саревoka быстро разошлись по городу — Врата Балдура, как и многие другие города, жили слухами.

Той последней ночью они опять гуляли вместе — и оба молчали. Рука Джахейры висела на сгибе его локтя. За каждые два её шага Абдель делал один, и хотя уставшим в битвах коленям было больно от такой медленной походки, он был счастлив, что может идти с ней рядом. Периодически он бросал взгляд на Джахейру, и она улыбалась.

Из теней, как профессиональные похитители, возникли люди. Они заранее окружили Абделя и Джахейру, прежде чем показаться им на глаза. В мгновение ока Абдель осознал, что происходит, и сразу же выхватил меч. В тот самый миг трое похитителей двинулись к нему.

Абдель размахнулся мечом над головой, и его испугал пронзительный визг стали, столкнувшейся со сталью. Резкий рывок вырвал оружие из его рук. Руки продолжали опускаться, быстро и сильно — уже быстрее, потому что меч больше их не замедлял — и легко было изменить направление удара, чтобы тяжёлый кулак вонзился прямо в лицо человека в маске. Раздался громкий треск, и Абдель почувствовал, как ломается нос нападавшего.

Джахейра захрипела. Оглянувшись, Абдель увидел, что человек в чёрной маске схватил полуэльфийку болезненным захватом за шею.

— Я сломаю ей... — начал мужчина, но резко выдохнул, когда Джахейра вонзила ему под рёбра свой острый локоть. Его хватка достаточно ослабла, чтобы она вывернулась.

Абдель бросил короткий взгляд за спину.

Ещё один человек в маске торопливо разматывал чёрную цепь, опутавшую тяжёлый меч Абделя. Абдель сделал к нему два длинных шага, и мужчина с неожиданной скоростью нырнул под первый удар его ноги. Скользнув по влажной мостовой, чтобы избежать левого кулака Абделя, нападавший высвободил цепь и предупреждающе сощурился.

Крупный наёмник лишь улыбнулся и сделал финт. Человек в маске купился на него и хлестнул цепью, целясь в лицо Абделя, но немного не достал. Абдель с силой ударил его левой по рёбрам, вышибив воздух из лёгких. Нападавший рухнул на землю. Абдель успокоил его ударом ноги в голову.

Джахейра выбросила локоть назад и вверх, на этот раз в лицо противнику. Этот тоже рухнул на землю. Джахейра улыбнулась Абделю и хотела подмигнуть, но тут её схватил сзади ещё один похититель.

— Довольно, — с сильным акцентом произнёс голос из тени. — Просто заберите их.

Голос был властным и нетерпеливым, но люди в масках, казалось, никак на него не отреагировали.

Джахейру потащил назад мужчина намного крупнее её, и кровь Абделя закипела, когда он увидел это. Кто-то грубо схватил его сзади, Абдель быстро согнулся, бросая нападавшего через себя. Раздался удар, проклятья и звон металла по камню — кинжал противника вылетел из рук.

Абдель поднял ногу, чтобы ударить его, и голос позади произнёс:

— Баалово отродье!

Голова Абделя повернулась почти так же быстро, как остальное тело, и он оказался лицом к лицу с человеком, осмелившимся использовать это имя — после всего, через что ему пришлось пройти, чтобы избавить Фаэрун от своего брата.

Что-то сухое и поразительно лёгкое ударило Абделя в грудь. Раздался хлопок и в воздухе перед ним повисло облачко лёгкого, похожего на дым порошка. Абдель набрал воздуха, чтобы выругаться, во рту возник резкий, горький привкус, и его потяжелевшие веки захлопнулись.

— Абдель! — крикнула Джахейра.

Абдель зарычал, у него кружилась голова. Он перенёс центр тяжести на другую ногу, чтобы подстроиться под неожиданный сильный крен лодки, в которой стоял... но погодите-ка, не было никакой лодки...

Раздался ещё один лёгкий хлопок, и Абдель увидел, как перед лицом Джахейры выросло такое же облачко. Она повернулась к нему, но её глаза просто закатились, и она обмякла в руках человека в маске.

Абдель попытался зарычать снова, но вместо этого просто закашлялся. Он почувствовал чьё-то прикосновение к своей руке, понял, что это не Джахейра, и попытался сжать кулак. Пальцы негнулись, и он успел лишь подумать, что это странно, прежде чем колени подкосились, и он потерял сознание, не успев даже увидеть взметнувшуюся навстречу мостовую.

* * * * *

Абдель кричал от ярости, раздражения и жажды крови, но не от боли — даже когда Бутор захватил второй ноготь своими щипцами.

— Это тоже будет больно, — провоцировал самопровозглашённый хозяин подземелья и с силой дёрнул, вырвав ноготь одним быстрым и жестоким движением.

Абдель крепко сжал зубы и поклялся всем богам, даже тем, которые вряд ли его слышат, что скоро убьёт этого «хозяина подземелья» самым жестоким образом.

Глава 2

Джахейра попыталась закричать, но ее челюсти были туго сжаты железной полосой, не давая ей раскрыть рот даже на долю дюйма. Она лишь могла дышать сквозь зубы и пить воду, но совсем не могла говорить, и хотя чувства подсказывали ей, что она провела в заключение уже по меньшей мере два дня, ее ни разу не покормили. Видимо замаскированные похитители идентифицировали ее как мага, хотя это было и не совсем так. Друид, служащая Леди Леса, Миликки, Джахейра конечно могла призывать божественную мощь для создания маленьких чудес, которых люди называли «заклинания», но она вовсе не была никаким магом. Хотя она вынуждена была признать, что у ее похитителей были все основания заткнуть ей рот. В противном случае она, например, могла бы деформировать древесину двери, не позволявшей ей покинуть эту темную, вонючую камеру, или воззвать к корням, переплетавшимся под ветхими каменными блоками, из которых состояли стены, или хотя бы просто убрать всякую гниль и прочую дрянь из застоявшейся, протухшей воды, которой их тут потчевали. Но увы, для того, чтобы сделать что-либо подобное, она должна была бы иметь «свободу слова», а ее-то как раз не было и в помине.

Джахейра не забыла, как их с Абделем схватили во время прогулки по Вратам Балдура, и предположила, что ее приволокли в то же самое место, что и его, хотя и не видела Абделя начиная с того момента, как очнулась в клетке. Придя в сознание, она увидела двух мужчин. Каждый из них сидел в отдельной клетке. Они могли видеть друг друга, могли разговаривать, но содержались обособленно.

Одни из них был странным, коренастым, хорошо сложенным человеком с длинными рыжими волосами и клочковатой русой бородкой. Судя по всему, он откопал где-то какую-то маленькую крысу или большую мышь и держал ее в качестве компаньона. Джахейра покосилась на болтливого сумасшедшего со смесью опасения и жалости. Она не боялась, что он мог как-нибудь повредить ей — они ведь были в разных клетках, в конце концов. Нет, Джахейра боялась, что сама закончит также. Если она долго будет взаперти, где не с кем перекинуться парой слов, то где гарантия, что она не станет похожей на этого бедного дурака?

— Все в порядке, Бу, — пробормотал рыжеволосый человек своему компаньону-грызуну. Он заметил пристальный взгляд Джахейры и прежде чем она поняла, что смутила его и отвернулась, она увидела зубчатый, плохо затянувшийся шрам, протянувшийся чуть ли не по всей правой стороне его головы.

«Здорово ему досталось, — подумала Джахейра, — неудивительно, что он так себя ведет. Но шрам то не успел затянуться, значит, он здесь сравнительно недавно и...»

— Хорошенькая же компания подобралась, а? — прервал ее размышления второй заключенный, очевидно заметив, как она посмотрела на рыжего. — Молчаливый грызун, болтливый сумасшедший, я и ты.

Джахейра безучастно посмотрела на него, не зная, что ответить. Впрочем, невозможность говорить спасла ее от необходимости придумывать ответ.

Обратившийся к ней заключенный был странно выглядевшим человеком, с почти эльфийскими чертами, хотя эльфом он явно не был. До этого Джахейра только раз видела другого такого же человека: женщину Тамоко, любовницу Саревока. Абдель сказал, что Тамоко родом из Кодзакуры, которая находится к востоку от бесконечного Хорделенда. Этот был, конечно, человеком, но кое-чем все же отличался от Тамоко. Его лицо было более круглым, более мягким, так же как и его тело. Он выглядел упитанным, но не жирным, сильным, но не мускулистым. Одет он был в простую черную блузу и широкие черные брюки, униформу, мало чем отличавшуюся от тех нарядов ее похитителей. По этой, а также ряду других причин, Джахейра решила, что доверять ему не стоит.

— Эх, если бы мое имя было Бу, — попробовал пошутить кодзакурец, — то я точно был бы в более лучшей ситуации.

Она пробовала выжать улыбку, но поняла, что в ее положении это было больше похоже на усмешку. «Хотя, — подумала Джахейра, — усмешка в этой ситуации действительно была бы более уместным ответом».

— Я хочу убраться отсюда, Бу, — обратился рыжеволосый человек к своему маленькому другу.

Грызун промолчал, но зато вместо него ответил кодзакурец.

— Действительно, Бу, — громко сказал он, — вытащи нас от...

Его прервал резко лязгнувший замок и дверь с треском распахнулась, посылая громкие, почти болезненные волны звука через всю тесную камеру. В открывшийся проем хлынул яркий, трепещущий свет факела, заставив Джахейру прикрыть глаза. Тот же самый жирный, вкрадчивый полуорк в кожаных доспехах, который время от времени приносил им воду, протиснулся в камеру с чем-то на плече. Большой тюремщик с трудом справлялся с тяжелым грузом и Джахейра быстро поняла, что это был человек, а затем поняла, что это был не кто иной, как Абдель.

Она попыталась позвать его по имени, но смогла только застонать под железной скобой на подбородке. Тюремщик остановил и слегка дернул плечом, поправляя свою ношу, которая вдруг взорвалась движением, заставив Джахейру, с ужасом созерцавшую его рассыпавшиеся по спине пропитанные кровью волосы, остолбенеть от удивления. Тюремщик, теряя равновесие, начал заваливаться назад, когда Абдель всем своим немаленьким весом навалился ему на плечо, а когда Абдель вдруг соскользнул с его плеча и врезал ему ногой в грудь, у тюремщика не осталось никакого выбора, кроме как с тяжелым грохотом распластаться в грязи на полу. К несчастью для тюремщика, руки Абделя были связаны спереди и он, не теряя времени, на практике объяснил невезучему полуорку, почему таким как он нельзя связывать руки спереди.

Придя в себя от удивления, Джахейра поняла две вещи: во-первых, она не хочет, чтобы Абдель убил этого жирного уродца, и во-вторых, что она вряд ли сможет этому помешать. Отчаянно пытаясь придумать, как остановить Абделя, Джахейра заметила многочисленные порезы и ожоги, в изобилии покрывавшие его тело. Тем временем Абдель быстро опустился на колени. Джахейра задохнулась при виде того, как огромные руки Абделя опустили и сжали горло полуорка в стальном захвате.

Почему Джахейра хотела, чтобы Абдель остановился? Этого она не знала, просто не хотела, чтобы он убил из мести, когда убийство не являлось жизненно необходимым. Или оно было необходимо?

За долю секунды перед тем, как схватить тюремщика за глотку, Абдель мельком заметил Джахейру и, решив удостовериться, что глаза его не подводят, быстро осмотрелся по сторонам. Их глаза встретились, и Джахейра к своему удивлению заметила слабую желтую вспышку, внезапно промелькнувшую в глазах Абделя. Она поняла, что он заметил железную скобу на ее голове. Она понятия не имела, через что он прошел и не могла знать, что он думает по поводу того, что сделали с ней. Ей совсем не хотелось, чтобы он подумал что-то не то и взбесился окончательно. Поэтому она распахнула глаза пошире и попробовала издать протестующий крик. В какой-то степени у нее это получилось.

Абдель конечно не понял ни слова, но та часть ее лица, которую не закрывала скоба, достаточно ясно объясняла ее просьбу, и Абдель быстро ослабил захват. Он сжимал шею тюремщика, не пытаясь сломать ее, и тюремщик, едва успев вздохнуть, потерял сознание.

— Джахейра, — прошептал Абдель, предпринимая попытку избавиться от веревки, которая крепко стягивала вместе его запястья.

Она закрыла глаза и качнула головой в надежде, что он поймет. Абдель прекратил попытки освободить руки и двинулся к ней. Выглядел он ужасно. Его грудь и бедра были испещрены фиолетовыми пятнами ожогов и кровь сочилась из более чем двух дюжин небольших порезов. Он подошел к ее клетке и запустил руки вовнутрь. Джахейра не раздумывая скользнула ближе к нему, прижавшись всем телом к прутьям решетки. Слеза скатилась вниз по ее щеке, и она закрыла глаза, когда он наклонился к ней. Она почувствовала ласковое прикосновение к своему плечу, затем услышала громкий металлический лязг, свидетельствующий о том, что он всерьез взялся за ее кляп, почему-то игнорируя тот факт, что она все еще в клетке.

Абдель, выругавшись, осторожно, но сильно разгибал кляп, стараясь не свернуть Джахейре шею. Наконец раздался резкий скрип, потом треск и железная полоса, охватывавшая подбородок Джахейры, отвалилась со звоном. Не теряя времени, Абдель взялся за дверцу ее клетки. Мускулы, узлами покрывавшие его мощные руки, на мгновение напряглись, и дверца клетки была вырвана вместе с петлями. Куски железа загремели по каменному полу, аккомпанируя своим звоном страшному грохоту упавшей дверцы, которую Абдель небрежно отбросил в сторону.

— Къёутендаучт! — изумленно воскликнул кодзакурец. — Теперь освободите нас!

Абдель проигнорировал его, мягко взяв Джахейру за подбородок своими все еще связанными руками.

— Он..? — спросил Абдель, и желтый свет на мгновение вернулся в его глаза.

Джахейра открыла рот, чтобы ответить, но ее челюсть болезненно щелкнула. Ответить удалось только со второй попытки.

— Нет, нет, он просто оставил меня здесь с этими двумя, — тихо сказала она. — Я не знаю, кто они.

Абдель мельком посмотрел на других заключенных, затем повернулся к Джахейре.

— Возьми ключи, — подсказала Абделю Джахейра. — Возьми ключи у тюремщика.

Абдель мрачно улыбнулся.

— Повелитель подземелья, — хмыкнул он, доставая ключи.

Он собрался было отпереть клетку кодзакурец, но Джахейра остановила его.

— Во имя Леди Леса, властью верховного следопыта, мощью дочери Сильвануса, — закрыв глаза, произнесла она.

Абдель почувствовал, что прохладная волна прошла по его телу, и когда он машинально коснулся груди, то с удивлением обнаружил, что не чувствует боли от порезов — впрочем не удивительно, ведь никаких порезов на нем больше не было.

— Я и не знал, что ты так можешь, — потрясенно прошептал он.

— Я не так уж часто прибегала к помощи Миликки, — краснея, призналась Джахейра, — и стараюсь как можно меньше делать это на людях.

— Это всё очень интересно, молодая леди, — подал голос из своей клетки кодзакурец, — но я и мой дражайший товарищ по заключению все еще надеемся поучаствовать в этом побеге, который вы тут затеяли.

Абдель покосился на улыбающуюся Джахейру и открыл его клетку.

— Премного благодарен, уважаемый господин, — преувеличенно вежливо поклонился тот, выбираясь из клетки. — Я — Йошимо с Далекого Востока, мои новые друзья.

Абдель удивленно хрюкнул при виде стоящего перед ним человека, который, выпрямившись, оказался всего на два фута ниже его макушки.

— Я Джахейра, — произнесла полуэльфийка-друид, с наслаждением потягиваясь и разминая затекшие, ослабленные голодом мускулы, — а это Абдель.

Она не потрудилась пронаблюдать за реакцией на ее имя или на имя Абделя, так как была слишком занята, пытаясь привести в норму свою воспалившуюся челюсть и разминая ноги.

— Вот и все, Бу, все в порядке, — несколько раз подряд пробормотал рыжеволосый человек, пока Абдель отпирал его клетку. Огромный наемник был немало озадачен таким поведением заключенного.

— Кто-нибудь из вас знает, как отсюда выбраться? — поинтересовался Абдель.

Джахейра молча пожала плечами, а Йошимо вопросительно покосился на рыжего, как будто был уверен, что тот знает ответ.

Рыжий удивленно пожал плечами.

— Может это? — спросил он, указывая на единственную дверь, ведущую из помещения.

Джахейра позволила себе рассмеяться и направилась к двери; Абдель и остальные потянулись за ней.

* * * * *

Выйдя в дверь, они обнаружили, что оказались чуть ли не на поле боя.

Четверо сбежавших заключенных следовали на звуки сражения, с тех пор как установили, что попросту заблудились в лабиринте узких петляющих туннелей,

которые путали чувство направления даже у Джахейры. Рыжеволосый человек, казалось, все еще не обращал внимания ни на что кроме грызуна, которого он нес в сложенных чашечкой ладонях. Время от времени он спрашивал животное, разумно ли повернуть за этот угол, безопасно ли подняться по лестнице, мудро ли проходить через некоторые двери. Никто кроме него не слышал ответов грызуна, но он неизменно следовал за остальными убегающими заключенными.

Они вошли в широкое помещение с низким потолком, в центре которого стоял огромный, похожий на опухоль, оранжевый кристалл. Одетые в черное люди сцепились в схватке с другими одетыми в черное людьми и ни одна из сторон никак не могла взять верх. Все были так увлечены схваткой, что поначалу никто вообще не заметил их присутствия, и даже когда некоторые из сражающихся заметили их, все равно они были слишком заняты, чтобы сделать или сказать что-нибудь.

— Ну не знаю — может лучше было бы сидеть в клетке, — сумрачно прокомментировал ситуацию кодзакурец.

— Туда! — крикнула Джахейра, указывая на дверь с другой стороны помещения.

— Это нам подойдет, Бу? — поинтересовался рыжеволосый у грызуна.

— Похоже, это единственный выход, — высказался Йошимо, положив руку на плечо чокнутого.

— Бу говорит, что нам туда, — отозвался тот, впервые обращаясь к кодзакурцу.

Один из людей в черном с криком упал на землю всего в дюжине шагов перед ними. Два ассасина, которые весьма профессионально выпотрошили его, резко повернулись к небольшой группе беглецов и стали быстро приближаться, угрожающе занося мечи.

Джахейра закрыла глаза и воззвала к Миликки, но все-таки успела заметить, как Абдель выдвинулся вперед, принимая вызов ассасинов. Джахейра, не теряя времени, достала крошечную веточку, которую она выдрала из стены в камере с клетками и спрятала под порванной блузой. Корень начал расти в ее руке, и она улыбнулась ощущению, возникшему при этом в ее ладони. Не больше чем через пару мгновений в ее руке уже был меч из полированного дерева с мерцающим лезвием, которое, видимо, было куда как острее любой бритвы.

— Что теперь? — крикнул рыжий как раз в тот момент, когда Джахейра увернулась от боевого молота, летевшего на нее слева.

Обладатель одного молота был задрапированный в черное ассасин, в глазах которого странно смешались страх и жажда крови. Джахейра отступила на пару шагов, выиграв достаточно времени, чтобы сгруппироваться и поднять свой деревянный меч как раз вовремя, чтобы отразить очередной тяжелый удар боевого молота. Затем она резко перевела меч вниз и нанесла быстрый удар сначала по левому колену ассасина, а затем по правому, и человек, подобно мешку влажного риса, рухнул на пол.

— Вы еще узнаете цену вашего отказа, вы... — завопил резкий мужской голос, ненадолго перекрыв шум сражения, но остальная часть его высказывания все же потерялась в царившем вокруг грохоте. Джахейра услышала, как кто-то произнес заклинание, и в этот момент другой ассасин бросился на нее, высоко занося боевой посох. Она бросила в него меч, стараясь при этом не упустить его из вида. Ассасин дернулся в сторону, пытаясь избежать брошенного клинка, но, к его великому

удивлению, неправдоподобное оружие внезапно зависло в воздухе и полностью изменило направление удара, целясь ему в горло, как будто им управлял какой-то невидимый фехтовальщик.

— Мы знаем нашу цену! — раздался пронзительный мужской голос. — Дай нам нашу оплату, паршивый некромант!

Ассасин пока что умудрялся отражать каждый выпад данного богиней меча, но скоро оказался припертым к стене из каменных блоков. Джахейра изо всех сил концентрировалась на мече, используя собственную волю для управления им на расстоянии, как будто своей рукой управляя клинком.

Одновременно она пыталась понять, что делали Йошимо и рыжеволосый мужчина, что случилось с Абделем и правда ли, что другая дверь действительно была выходом, когда единственное слово — «Сон!» — прозвучавшее где-то справа, просто заставило ее сделать это.

* * * * *

Абдель знал, что столкновение с зеленым облаком было не самой лучшей идеей, но оно внезапно появилось прямо перед ним, когда он полным ходом неся на двух одетых в черное людей, так что это облако охватило и его, и пытавшихся защититься от него ассасинов. Облако очевидно было наколдовано каким-то магом, находившимся среди ассасинов. Звуки бормочущих голосов, в общем-то, были частью царившей вокруг весьма неблагозвучной какофонии. Абдель и двое ассасинов были побеждены мощным зловонием смерти и гниения. Хотя все они горели желанием выпотрошить друг друга, всё, на что они оказались способными, было рвотоизвержение. Если бы у Абделя было хоть что-нибудь в желудке, то все моментально оказалось бы на полу. Но так как желудок был пуст, то он просто стоял и вовсю кашлял, пока какой-то человек с силой не врезался в его спину, буквально вытолкнув его за пределы облака.

— Я уничтожу вас всех! — надрывался странный человек, которого Абдель не мог видеть. — Ваша кровь послужит мне лучше, чем ваши жалкие усилия!

Абдель протер отчаянно слезившиеся глаза и оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как Джахейра мягко падает на пол, Йошимо, бессильно стоявший сбоку от нее, отступил на несколько шагов от двух нападавших мужчины, один из которых сграбастал ее. Человек с рыжими волосами внезапно оказался рядом с Абделем, ухмыляясь такой ухмылкой, которая, по мнению Абделя, была просто наклеплена на его физиономию.

— Абдель! — раздался тонкий и слабый женский голос.

Абдель был более чем удивлен, что Джахейра могла видеть его, да еще в придачу была в состоянии говорить вообще, но затем быстро догадался, что это не был голос Джахейры.

— Имоэн? — задохнулся он от удивления, вполне безуспешно пытаясь перебороть сухой кашель, буквально рвавший его тело на куски. Повертев туда-сюда головой, он увидел лицо, которое последний раз видел во сне, а в реальной жизни не видел уже в течение многих месяцев. Неправдоподобность ее присутствия окатила Абделя подобно ведру холодной воды, и наемник почувствовал, что окончательно сбит с толку.

— Мы должны идти, — на удивление весело крикнул рыжий. — Бу настаивает!

— Мы сначала убьем тебя, некромант, — заорал видимо предводитель одной из атакующих сторон где-то в гуще сражения. — Потом сами возьмем то, что ты должен нам... возьмем сына... — Шум сражения заглушил конец фразы.

Волна яркого пурпурного огня прокатилась по помещению, и Абдель был с силой отброшен на неровный пол. Повсюду в подземном помещении люди оказались сбитыми с ног. Куски оранжевого кристалла торчали из потолка, стен и пола. И вдобавок взрывная волна вышибла у всех присутствующих оружие из рук и по крайней мере один сапог, слетевший с чьей-то ноги, смачно врезался в лицо Абделя. Воздух был буквально насыщен тяжелыми, опасными и острыми предметами и людьми, вверх торماشками пролетающими мимо и врезающимися в потолок, стены, пол и друг друга.

— Джахейра! — взревел Абдель, окидывая помещение диким, горящим взглядом. — Имоэн!

Что здесь делала Имоэн? В последний раз Абдель видел молодую девушку, лишь немногим большую, чем маленькая девочка, за надежными стенами Крепости Свечи. Она была непоседливым ребенком, который в принципе не принимал Абделя всерьез, был открыто непочтителен и ехиден, а еще был одним из немногих друзей Абделя в крепости-монастыре, где он вырос. Он никак не мог понять, что она делала в таком месте. Конечно, она была пленницей этих людей, которые наверняка были Теневыми Ворами, но как, когда и зачем они похитили ее из Крепости Свечи?

Горстка враждующих ассасинов была охвачена огнем, очевидно порожденным вызванным с помощью магии взрывом. Дышать было весьма затруднительно из-за густого смрадного зловония паленых волос, дыма и крови. Некоторые из представителей обеих враждующих группировок безжизненно валялись на полу. Другие ползали вокруг в поисках оружия. Остальные уже начали убивать друг друга. Большая часть комнаты была скрыта от взгляда Абделя растущим покровом дыма, но поиски так или иначе пришлось возобновить.

— Имоэн! — громко позвал он и был уверен, что услышал ее ответ, хотя все нарастающий звон стали о сталь снова начал наводнять помещение. Потолок подозрительно затрещал и Абдель успел отскочить в сторону буквально за секунду до того, как часть его рухнула прямо на то место, где он был мгновение назад. Кто-то резко сграбастал его за плечо, и Абдель мгновенно развернулся, одновременно замахиваясь кулаком.

Рыжий хрюкнул и быстро отскочил в сторону. Абдель был настолько удивлен, что промахнулся и не заехал этому чокнутому туда, куда намеревался, то есть по зубам.

— Надо идти! — настойчиво сказал рыжий. — Бу требует этого! Требования Бу...

Он остановился, когда увидел, что Абдель снова замахнулся кулаком и вздрогнул, решив, что Абдель собирался ударить его. Вместо этого наемник оттолкнул его одним плечом и этим своевременным нехитрым поступком спас ему жизнь. Клинок сверкнул как раз в том месте, где мгновение назад была макушка рыжего. Абделю и самому пришлось отклониться назад на пару дюймов, чтобы избежать его кончика клинка.

Выждав полсекунды, которые потребовались лезвию меча, чтобы достигнуть низшей точки траектории, он съездил кулаком левой руки по физиономии нападавшего с такой силой, что у того чуть шея не сломалась. Кровь хлынула из рассеченных губ солдата и, ошеломленно моргая, он стал оседать на пол. Пока он падал, Абдель успел ловко выхватить меч из его руки и прежде, чем голова его противника коснулась развороченного взрывом пола, Абдель уже использовал меч для отражения неловкого выпада другого нападавшего.

Солдаты, одетые в камзолы, немедленно опознанные Абделем как амнийские, хлынули в помещение из всех дверей, имевшихся в нем, большую часть из которых наемник впопыхах успешно не заметил. Среди дыма, криков и всеобщего столпотворения Абдель не мог точно понять, что происходит, но ответ напрашивался сам собой — солдаты попросту хватали всех, кто попадался им под руку.

— Надо идти! — снова подал голос рыжий, вновь оказавшись перед Абделем.

Абдель не слушал, отражая очередной выпад от очень смущенного солдата, которому, очевидно, никогда не доводилось драться с голым противником. Сын Баала отбил меч амнийца с такой силой, что тот упорхнул далеко в сторону, как осенний лист, подхваченный ветром, и врезал кулаком ему в лицо с достаточной силой, чтобы тот присоединился к своим двоим товарищам, уже валявшимся на полу.

— Имоэн, — снова позвал Абдель.

Он никак не мог понять, как эти похитители сумели выкрасть Имоэн из Крепости Свечи. Она была сиротой, которая находилась на попечении Уинтропа, владельца гостиницы, хорошо известного и уважаемого в Крепости Свечи. Уинтроп был более простым человеком, чем Горион, менее требовательным, так что фривольное поведение Имоэн было неудивительно. Но она была хорошим ребенком и не заслуживала быть здесь.

— Бу, — воскликнул рыжий, небрежно давая пинка в пах подвернувшемуся под ногу ассасину и выхватывая у него меч из руки до того, как тот упал, точно так же, как и Абдель, — говорит «надо идти»!

Глава 3

Даже меньший вампир достаточно силен, чтобы сломать человеку шею. Что и было доказано трижды в течение одной минуты, когда двое рабов Бодхи защищали ее от мчащихся на нее стражников.

Бодхи окинула взглядом заполненное дымом помещение и испустила вздох глубокого разочарования. Теневые Воры появились несомненно очень недовольными из-за Абделя и девчонки. Она даже не видела этого человека, Абделя. Теневые Воры попросили Бодхи и Айреникуса захватить его, но Айреникус оказался столь же заинтересованным и им, и этой девчонкой, которую он назвал сводной сестрой Абделя, как и Теневые Воры. И именно из-за того, что Теневые Воры тоже

хотели их получить, пришлось продержать пленников здесь несколько дольше, чем было запланировано.

Ответ от ассасинов представлял из себя смесь их нетерпения и желания, с которыми они хотели заполучить, по крайней мере, этих двух заключенных. Бодхи надеялась, что гильдия убийц, которых она лично собрала по приказу Айреникуса, будет достаточно преданной.

А теперь вот появилась стража, привлеченная чем-то, что Бодхи никак не могла понять. «Возможно, среди Теневых Воров был осведомитель. Возможно, они как-то услышали или почувствовали шум и сотрясение земли на поверхности. А возможно, — подумала Бодхи с кривой усмешкой, — соседи нажаловались».

Она покрепче сжала в руке длинные, мягкие волосы девочки и, расхохотавшись, влепила атаковавшему ее солдату такого пинка в пах, что тот взлетел, по крайней мере, на два фута и мешком свалился на пол, истекая слезами из глаз и кровью из штанов.

— Имоэн! — раздался откуда-то из побоища твердый, глубокий голос, и Бодхи стала осматриваться, пытаясь высмотреть его источник.

Она чуть не задохнулась от удивления при виде огромного голого мужчины, легко сдерживающего рыжеволосого человека, который пытался вытолкнуть его из комнаты. Он был красив, этот голый. Он, казалось, почти пылал. Бодхи внезапно почувствовал нечто, чего не чувствовала уже долгое время, с тех пор как перешла в немертвое состояние. Это ощущение вызвало у нее улыбку.

— Абдель, — радостно взвизгнула девчонка, чьи волосы вампирша все еще держала мертвой хваткой.

Усмешка Бодхи стала еще шире.

— Это и есть Абдель? — прошептала она, не заботясь, что Имоэн не могла услышать ее из-за шума боя.

Какой-то солдат торопливо приблизился к ним и навел арбалет ей в лицо.

— Освободите девочку и отойдите... — пронзительно закричал он, но его речь как обрезало, когда один из рабов шагнул к нему.

Меньший вампир выкрутил арбалет назад, прямо в горло солдата. Стальной наконечник болта проколол кожу, и солдат непроизвольно дернулся, выпустив стрелу в собственное горло. Человек захрипел, а раб тем временем, оскалившись, впился ему в шею. Глаза солдата уставились на раба с презренным ужасом, затем мигнули, когда брызги крови покрыли его лицо. Прислужник Бодхи стал кормиться, и она позволила ему насытиться.

Бодхи перевела взгляд туда, где маленькая группа солдат сражалась с парой умелых Теневых Воров. Они сражались над телом молодой женщины — той, которую захватили во Вратах Балдура вместе с Абделем.

— И эту тоже? — громко спросила Бодхи.

О да, — немедленно раздался голос Айреникуса в ее голове, — и эту тоже.

Где ты? — беззвучно спросила она.

По дороге отсюда, ответил он, я предлагаю и тебе сделать то же самое. Эти солдаты столь же бесконечны, как капли дождя, и раздражают куда сильнее. Ты потратишь многие дни, убивая их.

«Тогда придется убивать каждой рукой по одному»,— с улыбкой подумала она, затем громко произнесла:

— Абдель, пока мы не встретимся снова...

* * * * *

Абдель вывернулся из рук его друга и стал всматриваться в заполненное хаосом помещение. Он мельком увидел лицо Имоэн. Кто-то, кого он не мог видеть, тянул ее волосы. Абдель тряхнул головой. Что она здесь делает?

Взревев от гнева и расстройства, он собрался было предпринять что-нибудь для спасения Имоэн, когда два солдата прицелились в него, одновременно крича:

— Немедленно остановись! Остановись сейчас же!

Абдель бросился на них, пытаясь подойти поближе, чтобы стрелки не смогли подстрелить его, но попав в полосу дыма, так закашлялся, что весь его маневр пошел коту под хвост. Он только услышал, как тренькнули две тетивы и через мгновение почувствовал вспышку боли в груди, потом еще одну. Он глубоко вздохнул и попытался продолжить выполнение задуманного, но только раскашлялся еще сильнее и боль только усилилась. Вдобавок Абдель еще зацепил ногой обломок балки и еле удержал равновесие. Потом до него смутно донесся смех одного из солдат, затем другого... или может это с хрипом выходил воздух из его легких? Абдель предпринял еще одну попытку двинуться вперед, больно подвернул лодыжку и с проклятием свалился на пол.

Когда голова Абделя коснулась каменных плит, звук сражения был заглушен глухим стуком. В голове раздался рев, кусок пола перед его глазами стал туманным пятном. Абдель попробовал моргнуть, но веки стали какими-то уж слишком тяжелыми. Ему показалось, что он застонал, но не был уверен. Потом Абдель ощутил, как на него опускается холодная ночь.

* * * * *

Следующая вещь, которую ощутил Абдель, лучше всего описывалась словом «потребность», потом снова навалилась боль. Рев все еще звучал в его голове, и по всему телу периодически вспыхивали специфические вспышки покалываний, свидетельствующие о том, что его тело постепенно возвращалось к жизни. Не открывая глаз, Абдель попробовал дотронуться до виска, но перемещение руки вызвало в его голове целую бурю неприятных ощущений, так что он опустил руку, ощутив под ней грубый камень.

— Я знаю, Бу, — раздался странный голос. — Я знаю.

— Вставай, мой друг, — потребовал другой голос.

Приказ показался Абделю абсолютно смехотворным, так как его намерения были как раз противоположными.

— Бу! — раздался первый голос.

Тут Абдель вспомнил, что он принадлежит рыжему, а также, что этот рыжий не давал ему броситься к кому-то.

— Вставай скорее, вставай! — второй голос явно принадлежал Йо-как-его-там.

— Йо... шо... йо... — пробормотал Абдель, и звук его голоса, казалось, проехал внутри его черепа на небольшой колеснице из тупой боли.

— Да, господин, да, это Йошимо, — подтвердил голос.

«Этого не может быть, — подумал Абдель. — Они разлучили меня с Джахейрой и...»

— Имоэн, — резко открывая глаза, взревел Абдель и увидел приятный оранжевый свет и лица мужчин, которые не дали ему спасти жизни двух женщин, которые так много для него значили.

Абдель сел и, преисполнившись неприятных мыслей, стал тщательно планировать, как убить эту парочку.

— Я — Минск, — представился рыжий, улыбаясь и демонстрируя довольно неприятный порез на своей правой щеке, — и это честь для меня, сражаться рядом с тобой. Бу говорит мне, что твое имя — Абдель.

— Бу? — машинально переспросил Абдель.

Минск носил простую, изодранную тунику, которую придерживал на груди левой рукой. Он улыбнулся и открыл стиб грязной ткани, чтобы показать крошечного коричнево-белого грызуна с глазами, похожими на черные кнопки. Резкий розовый нос и усы подергивались, поскольку грызун старательно нюхал воздух.

— Это Бу, — сказал Минск с улыбкой довольного малыша. — Он помогает мне своим интеллектом!

Абдель быстро перебрал в голове несколько возможных вариантов ответа и решил, что ответ «Отлично» вполне подойдет.

Наемник поискал глазами кодзакурца, но кроме Минска рядом никого не было.

— Йошимо! — позвал он, но не дождался никакого ответа.

— Как скажешь, Бу, — прошептал Минск, затем обратился к Абделю: — Он, должно быть, уже ушел. Я имею ввиду, что Бу говорит, что он уже ушел.

Абдель вздохнул и отряхнул песок и пыль разрушенного оранжевого кристалла со своего тела. Тут до него внезапно дошло, что он был все еще голый, но краснеть в присутствии сумасшедшего он не потрудился.

— Бу говорит — нам сюда, — сказал ему Минск, показывая на один из проходов, идущий вниз.

— Это путь назад? — спросил Абдель, вознамерившись приступить к поискам Джахейры и Имоэн.

— Боюсь, что нет, мой друг, — раздался голос Йошимо из темного бокового прохода.

— Йошимо, это ты? — крикнул Абдель, поднимая меч.

Кодзакурец появился темноты, довольно улыбаясь.

— Действительно, это я, господин, — ответил он. — Я нашел выход.

— Но я не хочу выходить, — категорически заявил Абдель. — Я должен вернуться туда, где мы оставили Джахейру.

— Если бы это было возможно, мой друг, — покачал головой Йошимо, — я бы поплодировал твоей храбрости и пошел бы с тобой. Но увы, тот проход завалило, как только мы прошли по нему.

— Бу говорит, нам сюда, — повторил Минск.

Йошимо игнорировал сумасшедшего и осмотрел Абделя сверху до низу.

— Ты сейчас не в том состоянии, чтобы помочь ей, — резюмировал он. — Нам стоит поскорее убраться отсюда, подготовиться как следует и только потом заняться возвращением твоей подруги. Я, конечно, видел ее в течение очень короткого промежутка времени, но, по моему мнению, она вполне способна позаботиться о себе, не так ли?

Абдель стиснул зубы, чтобы сдержать рвущийся с языка резкий ответ. К своему сожалению, он вынужден был признать, что кодзакурец в общем-то прав. Йошимо кивнул и пошел обратно в темный проход. Абдель встал и последовал за ним, так как собственной идеи, каким путем лучше уйти, у него не было.

* * * * *

Возможно, что ученые мужи из Крепости Свечи, библиотеки-крепости, где вырос Абдель, и знали название этого специфического чувства узнавания, но если они и знали, то Абдель то точно не знал.

— Там будет грязная картинка, выцарапанная на ограде у начала лестницы, — сказал Абдель Минску и Йошимо, которые с недоумением покосились на него.

Они вышли из туннелей, вскарабкавшись по ржавой железной лестнице, приведшей их в пыльное, пустое помещение размером с приличную конюшню. На одном конце прямоугольного здания были и широкие двухстворчатые двери и еще одна небольшая дверь на другой стороне. Небольшая дверь была ближе к деревянному люку, из которого они поднялись, так что они воспользовались ею и вышли в неясный свет раннего вечера.

За дверью обнаружился ровный деревянный настил. Его окружала низкая деревянная ограда и еще имелась исцарапанная лестница, ведущая вниз к складу. Вокруг них кипела контролируемая суматоха города в преддверии окончания трудового дня.

Минск, зевая от усталости, неторопливо подошел к ограде и посмотрел на выцарапанную на перилах картинку, на которую показал Абдель. Потом улыбнулся, обнажив желтые зубы.

— Откуда ты узнал?

— Я бывал здесь прежде, — рассеянно ответил Абдель, осматриваясь по сторонам и проклиная необходимость прищуриваться даже при таком неярком освещении. — Я однажды охранял это место с человеком по имени Кэмон, которого мне позже пришлось убить.

— Тогда, значит, ты знаешь, где мы, — утвердительно сказал Йошимо.

— Где мы? — спросил Минск у своего грызуна.

— Аткатла, — ответил Абдель вместо животного. — Мы находимся в городе Аткатла, королевство Амн.

— Но ты голый, — хихикнув, заметил Минск, и посмотрел на грызуна. — Он голый, Бу.

Абдель вздохнул и посмотрел на свое грязное, испещренное кровоподтеками тело. Раны от стрел не только прекратили кровоточить, но начали закрываться и больше вообще не болели. Он перевел взгляд на два ногтя, которые были выдраны, и почему-то не удивившись, заметил, что они оба начали снова отрастать. Абдель

только теперь понял, что понятия не имеет, почему на нем все стало заживать с такой скоростью.

— Мы должны найти какую-нибудь одежду для тебя, мой друг и, возможно, найти хоть какую-нибудь помощь, — предложил Йошимо.

— Помощь? — задумчиво переспросил Абдель, затем перевел пристальный взгляд на город, который он помнил как грубый и неумолимый, но все еще управлявшийся согласно закону. — Неплохая идея.

* * * * *

Абдель перепробовал множество различных вариантов прикрыться рукой, различных походок, и целую кучу комбинаций и того, и другого, чтобы постараться хоть как-то скрыть тот факт, что он идет по улице совершенно голым, но в конечном счете ему пришлось смириться с фактом, что независимо от того, где он держит руки, более одетым от этого он не станет.

Улицы не были очень многолюдными, и поскольку они уже почти пришли, Абдель позволил себе немного расслабиться. Он не раз бывал в этом городе. Сейчас они находились севернее реки Аландор, которая разрезает город напополам и впадает в море Мечей, а начинается от какого-то горного источника на востоке. Склад был построен напротив широкого речного берега, в районе, который местные жители с типичным для амнийцев воображением называли Речной Район. Самая большая активность в городе была сконцентрирована вокруг террасного рынка, который назывался «Прогулка Вокин». Рынок находился по другую сторону реки. Абдель предпочитал найти какую-нибудь одежду, прежде чем идти туда. Мысленно вернувшись в те дни, когда охранял склад, он вспомнил местный кабацк недалеко на востоке, по пути к единственному мосту, по которому можно было пересечь реку с северного берега, где находился Речной Район, на южный берег, где располагался, соответственно, Район Моста.

— Здесь недалеко есть таверна, — прервал его размышления Йошимо.

— Медное что-то там? — спросил Абдель.

— «Медная корона», — ответил коззакурец. — Ты знаешь ее?

— Я немного знаю здешние таверны, — хмыкнул Абдель.

Глава 4

— Хорошо, — спокойно сказала бледная женщина, таща на буксире Джахейру и какую-то другую женщину по коллектору, — что он любит длинные волосы.

Джахейра попыталась избавиться от захвата, но преуспела только в избавлении от некоторой части собственных волос. Она споткнулась и зашипела от боли, когда ей помогли обрести равновесие сильным рывком за волосы, и дальнейший путь по круглому каменному туннелю она предпочла проделать без попыток вырваться. Было совершенно непонятно, как эта незнакомка могла тянуть другую женщину, не говоря уж о двух, за волосы по туннелю, в котором и выпрямиться то толком негде, но эта незнакомка с легкостью справлялась с этой задачей. Джахейра пару раз

попыталась подставить ей подножку, но женщина с легкостью избежала ее, даже не подав виду, что вообще заметила эти попытки.

Другой заключенной была симпатичная молодая девушка, которой, возможно, не исполнилось еще и двадцати лет. Ее лицо было покрыто пылью и слезами, глаза были впавшими и сильно покраснели. Она еле держалась на самом краю сознания, как сомнамбула. Так же как и у Джахейры, ее руки были связаны за спиной обрывком грубой веревки.

— Кто ты? — спросила Джахейра тащившую их женщину уже в третий раз с тех пор, как та бережно привела в сознание маленькую незнакомку.

— Тихо, — огрызнулась та.

Джахейра была почти уверена, что кто-то шел за ними, но она не могла повернуть шею достаточно, чтобы оглянуться.

— Зачем ты делаешь это с нами? — спросила она, игнорируя приказ молчать.

Бледная женщина рассмеялась, но это был совсем не тот приятный теплый звук, который люди обычно связывают с этим словом.

— Если не хочешь молчать сама, то я могу вырвать твой язык и скормить его моим крысам.

— Просто... — попыталась возразить Джахейра, но мощная рука внезапно отпустила ее волосы, и она чуть не шлепнулась на слизистые влажные камни. Женщина сильно ударила ее по лицу тыльной стороной руки, и Джахейра отлетела назад. Голова гудела от удара, лицо начало неметь, а впитавшаяся в одежду холодная влага комфорта не добавляла.

Кто-то ледяными руками грубо схватил Джахейру сзади. Руки незнакомца вцепились ей в грудь, и она вздрогнула, даже сквозь одежду ощутив ледяной холод прикосновения. Он поднял ее на ноги, поставив лицом к лицу с кипящей от негодования женщиной. Джахейра повернула голову, пытаясь рассмотреть незнакомца, который шел позади нее весь путь по коллекторам, но он изменил захват, подтолкнув ее вперед. Она услышала странный щелчок около своего правого уха, напоминавший удар кости о кость.

— Нет! — резко сказала женщина, и Джахейра поняла, что она говорила с тем, кто ее держит.

— Но она такая теплая, — низким, свистящим голосом запротестовал незнакомец, — такая сладкая.

Джахейра задохнулась и посмотрела на женщину, которая поймала ее глаза и улыбнулась так, что она покраснела от гнева.

— Так и есть, — ответила женщина, — но мне нужно от нее нечто большее, чем кровь... пока что.

— А потом я получу ее? — нетерпеливо спросил ее собеседник.

— Нет, — ухмыльнулась женщина, пробежавшись глазами по телу Джахейры. — Я думаю, что оставляю ее для себя.

Слово «вампир» возникло в голове Джахейры подобно взрыву, и она покрепче сжала челюсти, чтобы не закричать.

— Куда ты нас тащишь? — услышала Джахейра собственный голос. Она никогда еще не чувствовала себя настолько беспомощной, но намерения отдаваться во власть этого чувства у нее не было.

Женщина улыбнулась почти открытому вызову Джахейры.

— Твой попутчик такой особенный, — промурлыкала она. — Впрочем, я полагаю, что ты и так это знаешь.

Джахейра перевела взгляд на девушку, которую все еще держала за волосы коварная вампирша.

— Да я ее впервые вижу! — воскликнула она.

— Я говорю не о ней, — пояснила вампирша.

После такой очевидной подсказки для Джахейры не составило труда, чтобы понять, о ком идет речь. Будучи сыном Баала, убийцей Саревока и врагом Железного Трона, Абдель, наверное, имел множество врагов, но Джахейра как-то даже и не задумывалась об этом; но почему за ним охотились эта вампирша и Теневые Воры?

— Так он смог уйти, не так ли? — со вспыхнувшей надеждой ехидно поинтересовалась Джахейра. — Он ушел от вас.

Вампирша глубоко вздохнула, и Джахейра очень удивилась, заметив, как поднялась и опустила ее грудь; она-то думала, что эти немертвые твари вообще не нуждаются в воздухе.

— Он придет за тобой? — спросила ее вампирша, хотя уже по глазам Джахейры могла бы понять ответ.

— Придет, — просто ответила Джахейра.

— И не только за тобой, — хмыкнула вампирша, отпуская волосы девушки, которая безжизненно распласталась на влажных камнях. — Он придет и за ней.

— Кто она? — спросила Джахейра, но тут же судорожно вздохнула, когда стоявший сзади вампир резко усилил хватку, сильнее прижав ее к себе, заставив вскрикнуть от боли.

Вампирша снова ударила ее тыльной стороной ладони, и звук удара колоколом зазвучал в голове Джахейры вместе с характерным щелчком, свидетельствовавшим о том, что челюсть была выбита из сустава. Глаза полуэльфийки потускнели, и она почувствовала, что падает, хотя и знала, что вампир все еще крепко держит ее.

— Я иссушу тебя медленно, сука, — услышала Джахейра, теряя сознание.

Вампир позади нее вздохнул.

— Ты знаешь, что делать. А мне надо побывать еще в одном месте, — сказала ему женщина.

* * * * *

Она называлась «Медной короной»; выглядела все так же плохо и пахла все так же плохо, как и помнил Абдель. Он был там несколько раз, но не завел никаких друзей. У него не было ни одной монеты и ничего для обмена, так что он знал, что придется положиться кое на что, чего в таких местах всегда было весьма немного: милосердие.

— Ничего себе, — воскликнул сидевший около двери пьяный старик, когда Абдель уверенно шагнул в таверну с Минском и Йошимо за спиной. — Что это у нас тут?

— Эй, вы, — рявкнул бармен, награждая ввалившуюся компанию взглядом, полным строгого неодобрения. — Вы хоть соображаете, куда приперлись, а?

— Нас подстерегли, — ответил Абдель, глядя бармену прямо в глаза. — Они украли все.

— А ты что, забыл, как использовать свои мускулы? — недоверчиво подал голос старик, разразившись странными кашляющими гортанными звуками, которые в его представлении были смехом.

Абдель проигнорировал старого алкаша, но по возможности незаметно подтолкнул локтем Минска, когда тот снова попытался разговаривать со своим домашним животным. Рыжий оторвал взгляд от грызуна, но был скорее удивлен, чем обеспокоен.

— Увы, — произнес Йошимо, в свою очередь вламываясь в таверну. — У наших врагов тоже были мускулы и вдобавок помощь более одного ву-жен.

— Мне нужна одежда, — вмешался Абдель, смущенно кашлянув. — Мне нужна одежда, что-нибудь поесть, немного воды и я должен поговорить с капитаном Беларсом Орхотеком, как только один из ваших мальчиков приведет его сюда.

Бармен безучастно смотрел на наемника в течение долгого времени, столь долгого, что Абдель, прищурившись, внимательно посмотрел на него, пытаясь понять, жив он вообще или умер, стоя за своей драгоценной стойкой бара.

— Ты сделаешь... — начал Абдель, но был прерван громким удушливым хохотом бармена.

У того от смеха аж слезы из глаз покатились. Абдель, отнюдь не разделяя его веселья, уже стал подумывать, что бы такое сделать, чтобы повежливее прервать столь бурное веселье, но за исключением удушения или побоев ничего подходящего ему в голову не приходило.

— Действительно, — вмешался Йошимо, — это забавно, но...

— Спокойнее, незнакомцы, — наконец перестал хохотать бармен, переводя взгляд с Абделя на Йошимо. — Слова путешествуют в Аткатле куда быстрее, чем вы думаете. Ее имя Имоген, верно?

У Абделя отвалилась челюсть.

— Имоэн, — машинально поправил он.

— Пусть будет Имоэн, — согласился бармен. — Так или иначе, но я знаю, где ее искать и кто удерживает ее, но информация у нас в Аткатле стоит денег, знаете ли.

Абдель почувствовал, как его кровь буквально вскипела. Глаза бармена почему-то стали очень широкими и он поспешно отступил назад, внезапно потеряв уверенность, что стойка бара сможет защитить его от массивного наемника.

— Я же должен как-то зарабатывать на жизнь, — испуганно объяснил он, — а ваша подруга завела себе несколько очень-очень могущественных врагов. Если они узнают, что я продал их, они будут... недовольны мной, если ты понимаешь, о чем я. Возможно, мне придется вообще сматывать удочки, так? И начинать все заново в новом городе.

— Да как ты только...? — начал было Абдель.

— Я предложил прийти сюда по вполне определенным причинам, мой друг Абдель, — прервал его Йошимо. — Этот человек — Гаэлан Бэйл, и есть немного вещей, которые происходят внутри или под этим городом без его ведома. Он требует большую плату потому, что его информация всегда верна.

Абдель с негодованием посмотрел на Йошимо.

— Я не так глуп, как ты думаешь, кодзакурец, — рявкнул он. — Да что тут вообще происходит?!

— Мальчик Йоши привел тебя сюда потому как знает, что я знаю то, что происходит здесь, Абдель Эдриан, Сын Баала, Спаситель Врат Балдура, друг пропавшей Имоэн, тот, кто был захвачен Теневыми Ворами, которые были далеко не в восторге от планов вашего брата относительно использования ресурсов Врат против них, — выпалил он. — Достаточно ли ты услышал, чтобы понять, что я...

Абдель шагнул к стойке бара и встал прямо перед барменом, потратив на это меньше времени, чем понадобилось Йошимо, чтобы моргнуть. Рука Абделя с молниеносной быстротой преодолела разделявшее их с барменом пространство и прежде чем пораженный бармен смог отшатнуться, Абдель за шиворот притянул его поближе к себе.

— Вот теперь можешь начинать говорить, кто ты такой и чего тебе от меня надо, — зарычал Абдель, — или я сделаю кое-что, чего так стараюсь не делать последнее время.

Гаэлан просто кивнул.

— Ладно, слушай, — торопливо ответил он. — Я просто человек, который держит уши открытыми и знает людей, которые знают других людей, которые в свою очередь знают других людей. Я скажу тебе, где она, не потому, что я такой хороший, а потому, что ты заплатишь мне столько, сколько стоят десять таверн — пятьдесят тысяч золотых монет — за эту информацию.

Абдель сначала чуть не рассмеялся, но через секунду смысл этих слов вызвал в его уже и без того трещащей по швам голове взрыв жгучей боли.

— Посмотри на меня получше, — рыкнул он, — и спроси себя, похож ли я на того, у кого водятся подобные деньги, ты, негодяй!

— Ну, — нервно улыбнулся Гаэлан. — Ты выглядишь... эээ... как профессионал. Твоя маленькая подружка жива и проживет еще достаточно долго, чтобы такой инициативный молодой человек, как ты, смог собрать необходимые деньги.

— Но пятьдесят тысяч... — прошипел Абдель. — Да на такие деньги можно корабль купить.

— Вообще-то, именно это я и подразумевал, — признался Гаэлан.

— Это действительно уж слишком, хозяин Бэйл, — заметил Йошимо.

— А тебя кто спрашивает? — проворчал Гаэлан, затем снова повернулся к Абделю и добавил: — В общем, как хочешь, сынок.

— Пресвятые яйца! — воскликнул женский голос.

Еще до того, как Абдель успел рассмотреть ее, он покраснел и попытался быстро отвернуться и по возможности прикрыться. Это вызвало у бармена приступ такого хохота, что красный как рак Абдель от души пожелал ему задохнуться.

— Я думаю, она все видела, Бу, — пробормотал Минск. — Не то что бы это было так уж...

— Минск! — взревел Абдель.

— Вы собственно кто, мальчики? — поинтересовалась женщина.

Абдель услышал за спиной ее мягкие приближающиеся шаги. Она вышла из-за занавеса, который закрывал вход в темное складское помещение позади стойки

бара. Смех бармена резко пошел на убыль, а старый пьяница со всей доступной ему быстротой испарился за дверь.

— В какое место вы, по-вашему, пришли?

— Парень говорит, что его ободрали, Бодхи, — сказал бармен, протирая покрасневшие и слезившиеся глаза.

— Это так? — спросила она у спины Абделя.

— Да, госпожа, — быстро ответил Абдель. — Мне бы одежду достать, хоть немного поесть, да послать кого-нибудь за капитаном Орхотеком.

— Я дам тебе кое-какие тряпки Гаэлана, — сказала женщина, одним движением руки пресекая попытку бармена протестовать. — Ты также можешь заработать немного еды, но я сомневаюсь, что сам капитан Орхотек прибудет тебя спасать. Может тебе просто лучше хорошенько отоспаться?

— Я должен говорить с кем-нибудь, — настаивал Абдель, — о Теневых Ворах.

— Серьезно, что ли? — хихикнул бармен Гаэлан.

— Достаточно, Гаэлан, — приказала Бодхи. — Иди с ним, дай ему что-нибудь из одежды.

— Чего-нибудь вроде вот этого, а, девочка? — проворчал Гаэлан, проходя через запятнанный жиром занавес в комнату позади стойки бара.

— Я должен идти, — внезапно сказал Йошимо. Абдель удивленно посмотрел на него, но кодзакурец смотрел куда-то в сторону. — Если я тебе понадобится, то найду тебя, мой друг. Счастливо!

— Бу говорит, что я тоже могу отработать немного еды, — подал голос Минск.

— Минск... — начал Абдель, но остановился, будучи не уверенным, как лучше отчитать этого чокнутого. Когда он перевел взгляд туда, где пару секунд назад стоял Йошимо, обнаружил, что кодзакурец уже исчез.

— Что это у тебя тут? — спросила женщина, подходя к Минску.

Абдель мельком увидел ее прежде, чем снова отвернулся, чтобы держаться к ней спиной. Она была высокой, стройной молодой женщиной с серьезным лицом, которое не соответствовало ее облегающему и какому-то глупому платью. Ее бледное лицо и льняные волосы были чисты, и Абдель не мог не подумать, она была старше, чем старалась выглядеть.

— Это Бу, — сказал ей Минск. — Он помогает мне.

— Неужели, — проворковала она, насмешив его. — Он что — мышь?

— Бу — хомяк, — ответил Минск.

Абдель вздыхал, по крайней мере, один раз на каждый его ответ.

— И где ты нашел его? — поинтересовалась Бодхи.

— О, это Бу нашел меня. Не так ли, Бу? — спросил Минск. — Он прибыл из космоса. Представители его вида вообще-то весьма большие, но он самый маленький из них.

— Космос? — переспросила женщина, очевидно никогда ранее не слышавшая это слово.

— Место с кристаллическими сферами, — охотно объяснил Минск. — В воздухе, за небесами.

Бодхи слегка рассмеялась.

— Хорошо, Бу. Получается, ты миниатюрный гигантский космический..?

— Хомяк, — подсказал Минск.

— Миниатюрный гигантский космический хомяк, — повторила она, — и он такой хорошенький.

— Ты понравилась Бу, — утомленно сообщил Минск. — Мы можем заработать здесь на еду и снаряжение?

— О, для... — начал Абдель, но остановился, потратив всю наличную энергию, чтобы обернуться.

Бодхи встала перед ним и стрельнула глазами вниз.

— Хорошо, а теперь... — прошептала она.

— Извиняюсь, — вмешался Гаэлан.

Абдель не слышал, как он возвратился к стойке бара. Гаэлан бросил Абделю какую-то грязную, рваную одежду, которую наемник поймал с выражением неопишуемого удовольствия на лице.

— Мы могли бы использовать его в качестве уборщика, — задумчиво сказала Бодхи.

— Я не могу остаться здесь, — сказал ей Абдель, с треском натягивая слишком маленькие для себя штаны. — Я потерял кого-кого. Мне нужно...

— Я не про тебя говорю, — отрезала Бодхи.

Абдель удивленно посмотрел на нее, и она кивнула на Минска.

— Успокойся, Бодхи, — возразил было Гаэлан, но огонь в ее взгляде заткнул ему рот лучше всяких уговоров. — Ладно, тогда он может начать с выбрасывания капитана.

— Капитана? — удивился Абдель, решивший, что Гаэлан обращается к нему.

Гаэлан мотнул головой в сторону старого пьяницы.

— Капитан Хавариан, — сказал он.

— Один из наиболее печально известных пиратов Побережья Меча, — со смехом добавила Бодхи.

В этот момент в таверну вошли двое мужчин и замерли при виде открывшейся им сцены. Абдель, правда, уже успел одеться, но все равно выглядел не совсем обычно в довольно маленькой для него одежде. Минск укачивал Бу в одной руке, а другой тащил к дверям громко храпящего пирата.

— Вечер добрый, господа, — приветствовал Гаэлан вновь прибывших. — Пожалуйста, входите во внутрь.

Мужчины двинулись к стойке бара, а Абдель тем временем повернулся и стал наблюдать, как Минск старается одной левой стянуть загруженного под завязку старика с его стула.

— Из тебя получился бы более приличный вышибала, — сказала Бодхи Абделю.

Наемник посмотрел на нее с вымученной улыбкой.

— Я вообще-то не настолько сумасшедший, — сказал он.

— Я знаю, — сказала она ему, и он поверил ей, удивившей и взволновавшей его. Ведь любой нормальный человек как раз принял бы его за сумасшедшего.

* * * * *

Айреникус позволил себе улыбнуться, и его холодный пристальный взгляд скользнул по стальной цепи, которой был скован стоящий перед ним заключенный.

Цепь была присоединена к тяжелому кольцу, охватывавшему его левую лодыжку. Далее цепь проходила сквозь кольцо на его правой лодыжке и подобно металлической змее тянулась по полу к лодыжке другого заключенного. А за вторым заключенным стоял третий, затем четвертый, далее пятый и, наконец, шестой.

С покорным видом стоя среди заключенных, Айреникус сохранял молчание. Он старался не дать стражникам повода ударить его. Если бы он дал им такой повод, и они бы ударили его, то у него не осталось бы выбора, кроме как уничтожить их огнем своей мощи, которая выдаст его и временно исказит план. Однако какая-то часть его все же надеялась, что так все и будет, что, начав убивать, он не остановится, пока все не будут мертвы. Это удовлетворило бы его в какой-то степени — в степени важной для того, кем Айреникус был — но сейчас это только отдалит его от желаемого. Айреникус далеко не всегда пребывал в состоянии сосредоточенности, но на сей раз он предпочел сконцентрироваться.

Вереницу заключенных провели через широкие двери, и Айреникус успел внимательно рассмотреть проржавевшие железные шипы опускающейся решетки, под которыми они прошли. Кто-то громко заорал где-то внизу длинного, широкого коридора, а другой человек громко расхохотался в ответ. Где-то рядом, эхом отражаясь от стен, раздался голос, кричащий: «Остановите меня!». Низкие звуки стенаний, переходившие иногда в мелодичный напев, проникали буквально в каждый укромный уголок. Айреникус не признал мелодию, но принял ее во внимание.

— Пожалуйста, — промямлил шедший позади него заключенный таким жалким голосом, что у Айреникуса просто руки зачесались немедленно отправить его в Аббис. Стражники никак не отреагировали, хотя Айреникус ожидал по крайней мере от одного из них хотя бы нетерпеливого вздоха. Ничего не дождавшись, Айреникус сам нетерпеливо вздохнул.

Прогулка вниз по коридору заняла много времени, и хотя Айреникус не был от этого в диком восторге, но тем не менее постарался использовать ее в своих интересах. Он отметил способ, которым были скреплены кирпичи, железные полосы на дверях, которые иногда вели из широкого коридора. Заметил Айреникус и солому, разбросанную по полу, и пятна на каменных плитах, которые, возможно, были или кровью, или следами пищи. Он увидел паука на паутине в углу, безразличного ко всему, что происходило вокруг, ожидающему дрожания паутины, свидетельствующего о появлении свежего провианта.

В конце коридора Айреникус сосчитал щелчки, пока стражник поворачивал большой железный ключ в сложном замке, услышал, как, открываясь, щелкнул другой с обратной стороны двери, запомнил скрип изношенных старых шарниров, потом стали видны двойные двери, каждую створку которых открывают отдельно от остальных. Эти двери были предназначены, чтобы не дать людям выйти наружу, а не влезть вовнутрь. Они были крепкими, но недостаточно. Айреникус знал, что ему в конечном счете придется сделать что-нибудь с ними.

Один из заключенных позади него заколебался, когда стражники проталкивали их в двери, и вспышка гнева озарила апатичное лицо Айреникуса. Он сопротивлялся искушению говорить или убивать, но один из стражников заметил промелькнувшее

на его лице выражение. Он с любопытством посмотрел на Айреникуса, его тело вздрогнуло, как у белки, пойманной посреди двора соседским котом.

Айреникус тупо улыбнулся.

— Три ковша горячей воды, мама. Три ковша горячей воды, — сказал он, рассчитывая, что этот стражник примет его за идиота.

Так и произошло. Стражник отвернулся и подтолкнул мужчину, шедшего перед Айреникусом, закругленным концом своей тонкой дубовой палки. Когда они уже пересекли усыпанные соломой каменные плиты и дошли до помещения, вымощенного плитами из полированного мрамора, один из заключенных начал открыто рыдать, безутешно, с дикой энергией безумия и отчаяния. Звук заставил Айреникуса улыбнуться, но в то же самое время волосы на его затылке чуть не встали дыбом.

— Добро пожаловать, измученные души, — спокойно и уверенно обратился к ним человек, стоящий в середине комнаты. — Это место будет вашим домом на очень долгий промежуток времени. Вас будут хорошо лечить. Вам не будут позволять вредить себе или другим. Вы отдохнете, вы будете размышлять, и вы вылечитесь... а может и нет.

Айреникус сдержал улыбку. Он старательно изображал, что полностью сбит с толку и просто тупо уставился на человека в центре комнаты, который, казалось, не видел никого из них.

— Я — здешний координатор, — продолжал тот. — Если захотите обратиться ко мне, то называйте меня «господин». Это ясно?

Ни один из заключенных не проронил ни звука, кроме одного, брякнувшего что-то вроде «Это безумие», очень оскорбительным тоном.

Координатор улыбнулся снисходительной, отеческой улыбкой.

— Действительно, — хмыкнул он.

Айреникус продолжал пялиться на координатора, который по очереди подходил к каждому из заключенных и внимательно рассматривал их сверху донизу. Когда он дошел до Айреникуса, их глаза наконец-то встретились. Айреникус, казалось, сильно удивил координатора или взглядом, или цветом глаз, или их глубиной, или чем-то еще. Координатор никак не отворачивался.

— Я очень счастлив быть здесь, — сказал Айреникус медленным, осторожным голосом.

— Хм... — замялся координатор. Он казался смущенным — а точнее был перепуган до колик — взглядом этого заключенного. Айреникус знал, что координатор искал во взглядах, что он всегда видел в них — или безумие, или страх. Айреникус знал, что координатор не видит ни одной из этих вещей в его глазах.

— Я хочу поговорить, — сказал ему Айреникус. — Ты и я.

Координатор слабо улыбнулся, и капля пота медленно сползла вниз по его высокому лысому виску. Низкорослый человек, бездельничавший тут уже годы, координатор был одет хорошо, но просто, и не носил никакого оружия, но очевидно полагал, что был здесь высшей властью.

— Мы можем, — проямлил координатор таким же тоном, как и Айреникус. — Мы поговорим.

— Координатор? — позвал один из стражников.

Айреникус был удивлен проницательностью стражника, и почувствовал сильнейшее нежелание убивать этого человека.

— С ним все в порядке, — сказал Айреникус, не глядя на стражника, но удерживая взгляд координатора. — Ведь все в порядке, господин?

— Все в порядке, — надтреснутым голосом подтвердил координатор. Капля пота уже скатилась к его мягко округленной челюсти и висела там, мерцая в свете четырех факелов, освещавших помещение.

Вдалеке кто-то закричал три раза подряд, причем каждый крик в точности напоминал предыдущий.

«Все идет просто прекрасно», — с улыбкой подумал Айреникус.

Глава 5

Конечно, он собирался вернуться за ними. Что еще ему оставалось делать?

Абдель познал милосердие в «Медной короне» — хотя он и делил еду, одежду и ночлег с Минском — но в минуту одиночества, поедая цыпленка, которого ему дали, и запивая его водой, он чувствовал, что сознание постепенно проясняется. Он вошел в таверну совершенно измотанным, все еще шатаясь после длительного пребывания в бессознательном состоянии. Он возжелал увидеть капитана Орхотека, и хотя тогда это казалось ему совершенно разумным, теперь он вынужден был признать, что в общем-то никогда даже видел этого человека, просто слышал о нем, но никогда не встречался. Абдель выглядел сумасшедшим и рассказывал такие вещи, поверить в которые было, мягко говоря, затруднительно. Он понимал, что оставил Джахейру, и не знал теперь, жива она или нет, но уже не был настолько уверен, что видел там именно Имоэн. Вроде и голос был похож, и выглядела та девушка как она, но была ли это действительно Имоэн?

Абдель опустил голову на руки и почувствовал, как жир, покрывавший его пальцы, смешался с потом и грязью, которые в изобилии покрывали тело. Голова тяжело опустилась на руки, и он чуть не заснул. Осознание того, что он просто оставил Джахейру Теневым Воротам — или кто там были их похитители — а он тут преспокойно дрыхнет, заставило Абделя изо всех бороться со сном. Он тряхнул головой и, встав на ноги, почувствовал себя несколько лучше. Мимо с подносом, полным пустых бутылок и грязных тарелок, прошел Минск. Поймав взгляд Абделя, он улыбнулся. Небольшой хомяк паялся на наемника из кармана уже грязного передника Минска.

Абдель попробовал вернуть ему улыбку, но это оказалось не по силам. Он повернулся и вышел сквозь заднюю дверь, через которую уже прошло несколько клиентов. Выйдя в переулок, он оказался около двух бочек с водой. Абдель подошел к одной из бочек и поплескал водой в лицо, но этого оказалось недостаточно. Тогда он обмакнул голову в теплую воду и принялся основательно скрести давно зудевшую макушку и лицо.

Затем он снял слишком маленькую для него рубашку, позаимствованную у бармена, и, положив ее на землю, стал тщательно мыться, используя сам процесс

омовения в качестве средства ото сна. Никакого плана действий у него не было и в помине, а соображал он все еще недостаточно хорошо, чтобы спланировать хоть что-нибудь. Наверняка он знал лишь одно — сразаться легким длинным мечом, который он отобрал у солдата, он не станет. Один меч был у него и еще один у Минска. Рыжий, похоже, решил тут осесть, так что Абдель полагал, что меч ему не понадобится. Возможно, удастся поменять эти два клинка на один приличный широкий меч, но чтобы осуществить это, придется подождать по крайней мере до утра.

Предположительно, его собственное оружие и броня остались во Вратах Балдура, но вполне могли бы оказаться где-нибудь под тем складом, с Джахейрой. Прежде чем предпринимать что-нибудь, стоит возвратиться туда и посмотреть.

— Тебе лучше лечь спать, — произнес голос из-за спины, заставив его прервать омовение. Он медленно повернулся и увидел Бодхи, небрежно прислонившуюся к дверному косяку.

— Я должен вернуться туда, — сказал ей Абдель, возвращаясь к прерванному занятию.

— Чтобы найти жену? — спросила она.

Он услышал за спиной ее легкие приближающиеся шаги.

— Она не моя жена, — просто ответил ей Абдель. — И мне совершенно все равно, поверишь ли ты мне или нет.

Бодхи подошла, и уголком глаза он заметил ее улыбку.

— Утром я могу отвести тебя на встречу с кем-нибудь из стражи или, возможно, чиновников.

Он знал, что она просто пыталась развеселить его, и усмехнулся в ответ. Бодхи снова улыбнулась и пододвинулась к бочке. Она на секунду опустила в неё голову, и каскад воды обрушился на ее плечи и легкое платье.

— А это действительно освежает, — спокойно заметила Бодхи, отжимая волосы.

Влажное платье прилипло к телу, выделяя некоторые его детали, которые как магнит притягивали глаза Абделя, впрочем подобным образом это зрелище подействовало бы на любого нормального мужчину. Она заметила его взгляд и посмотрела вниз. Абдель был слишком утомлен и беспокоился о Джахейре, но самое главное, был слишком разочарован собой, чтобы краснеть.

— Можешь дотронуться до меня, — сказала она.

Абдель вздохнул и отступил на шаг назад.

— Я должен идти, — буркнул он.

— Утром, — согласилась Бодхи, поступая ближе и останавливаясь меньше чем в дюйме от его голой груди. — Пожалуйста.

— Я люблю ее, — отрезал Абдель.

— Она может быть уже мертва, — продолжала настаивать Бодхи, и Абдель, скривившись, шагнул к своей рубашке.

— Именно поэтому я должен идти, — гнул свое он.

Бодхи не следовала за ним, когда он отошел на три шага и нагнулся, чтобы подобрать рубашку.

— Она должна быть очень красива, — протянула Бодхи.

Абдель промолчал, не чувствуя ни малейшей потребности отвечать.

— Я могу помочь тебе, — сказала Бодхи, и дождавшись, когда он повернется с вопросительно поднятыми бровями, продолжила: — Тебе нужно золото, не так ли? Гаэлан знает, где она. Он знает много подобных вещей, но очень серьезно относится к золоту. Можешь убить его, если хочешь, но он все равно ничего не скажет.

— Ну и что ты предлагаешь сделать? — поинтересовался Абдель.

— Аран Линваил, — ответила она. — Когда-нибудь слышал о нем?

— Нет, а что, должен был?

— Он заслуживает смерти, — сказала она. — И за его голову назначена награда.

— Так я что, должен стать ассасином? — брезгливо произнес Абдель.

Она улыбнулась, и Абдель предпочел отвернуться, так как был не в состоянии улыбнуться в ответ.

— В данном случае ты будешь охотником за головами. Линваил — ассасин, причем слишком хороший.

Абдель предположил, что ему стоит заручиться ее словом. Рубашка снова затрещала, как только он продолжил попытки одеться. Она и так была слишком маленькой для него, а теперь, когда он намок, возможность натянуть её была минимальной.

— Я знаю кое-кого, готового заплатить тридцать тысяч золотых монет за его голову, — добавила она. — У них полно денег, Абдель, и они заплатят.

Он остановился, разочаровавшись в возможности одеть рубашку, и серьезно посмотрел на нее.

— Ты что, хочешь, чтобы я убивал за деньги?

Бодхи снова улыбнулась, и Абдель был поражен тем, как красиво она выглядела. Платье было все еще влажным, и она не делала никакой попытки отвернуться или прикрыться.

Он отвернулся и двинулся к двери.

— Можешь ли ты позволить себе отказаться от таких денег, вот в чем вопрос! У тебя есть только пара старых штанов моего брата и украденный меч, Абдель, и это все. Согласно собственным словам, ты даже не местный. Ты мне нравишься, но за других жителей города я не поручусь.

Абдель вздохнул и не стал поворачиваться. Если бы он не был таким уставшим, если бы не должен был куда-то идти, то наверняка съездил бы ей по физиономии.

* * * * *

С трудом различимые звуки воды и движение упрямо наводили Джахейру на мысль, что она находится на палубе корабля. Но если она была снаружи, то почему же не видела никаких звезд?

С третьей попытки ей удалось открыть глаза. Это несложное действие далось ей с большим трудом, так как одна сторона ее лица болела тупой, пульсирующей болью.

— Она жива, — раздался неподалеку незнакомый голос. Это был голос молодой женщины, усталый и вялый.

Джахейра попробовала заговорить, но что-то слишком сильно стискивало ее шею. Она вздрогнула и это отозвалось болью в ее лице. Она закрыла ее глаза, которые мгновенно наполнились слезами, и постаралась выровнять дыхание.

— Где я? — неровным хриплым голосом спросила Джахейра.

— В пещере, — ответил голос.

На сей раз Джахейре удалось открыть глаза, и она увидела девушку, которую вместе с ней волокла по коллектору вампирша. Та была привязана к стене широким кожаным воротником, туго завязанным вокруг ее шеи. Боль в собственной шее Джахейры была вызвана точно таким же ремнем. Полуэльфийка потянула за свою перевязь, но та была привязана к якорю, вмурованному в стену.

Факел, вставленный в грубую железную полосу, выполнявшую роль канделябра и освещавший пещеру дымным оранжевым светом, висел футах в двадцати над головой Джахейры. Пол пещеры состоял из гладких, неровных камней. Над головой висели сталактиты различных оттенков желтого, серого и уныло-коричневого цветов. Это была естественная пещера, вероятно прорезанная в толще скал подземным потоком. Потолок был высоким, но стены находились довольно близко друг к другу. Пещера с обеих сторон уходила в густую темноту, как будто в туннеле или естественном коридоре.

— Меня зовут Джахейра, — представилась она товарке по заключению, поймав на удивление спокойный взгляд незнакомки.

Девушка была грязной, взъерошенной и утомленной, но все еще довольно хорошенькой. Темно-рыжие волосы до плеч обрамляли лицо с гладкой кожей, высоким лбом и полными губками. Темные глаза искрились интеллектом, даже несмотря на то, что очень покраснели. Тело было стройным и пропорционально сложенным, а изодранная блуза кое-как прикрывала небольшие груди и узкие бедра. Было в ней что-то, что делало ее похожей на быструю газель, но гораздо более опасную.

— Имоэн, — ответила девочка. — Хорошо, что ты очнулась. Я рада, что рядом есть кто-то, с кем можно поговорить.

— Сколько мы уже здесь? — спросила Джахейра, решив осветить некоторые факты сложившейся ситуации и прикинуть шансы на изменение таковой. Вопрос, казалось, озадачил Имоэн.

— Понятия не имею, — ответила она. — В общем-то в пещере вообще трудно ответить на такой вопрос. Я ведь еще спала некоторое время. Возможно, несколько дней.

— Начиная с коллектора? — уточнила Джахейра.

— Коллектора?

— Надо нам с тобой как-то убраться отсюда, — просто сказала Джахейра, не слишком удивляясь, что девушка не помнит ту часть их поездки.

— Ну и как ты собираешься это осуществить? — приятно улыбнулась Имоэн.

От тона, которым девушка произнесла эти слова, прекрасные волосы на затылке Джахейры встали дыбом.

* * * * *

— Я твой друг, — прошептала Бодхи голосом столь же твердым, как сплошная скала. — Мы можем помочь друг другу.

Абдель попробовал думать о Джахейре, но присутствие этой женщины постепенно начинало пересиливать. Он закрыл глаза и резко потрянул головой. Она

выглядела грустной, но в то же время уверенной, надеющейся и сочувствующей одновременно. Абдель очень хотел обнять ее, но вместо этого сделал два шага назад.

Она тут же сделала два шага вперед, держась на дистанции не более пары дюймов. Абделю было весьма сложно игнорировать взгляд ее бледно-серых глаз.

— Я могу достать тебе оружие, — спокойно предложила она. — Возможно, броню, но ты должен будешь убить его. По сути, у тебя нет выбора.

Брови Абделя сердито дернулись, и он тяжело вздохнул.

— Ты ведь убивал за деньги прежде, Абдель, — тихо сказала Бодхи. — Я вижу это по твоему лицу, по рукам, по мозолям на ладонях. Ты можешь сделать это. Ты сможешь получить достаточно золота, чтобы заплатить Гаэлану, и узнать, где...

— Достаточно, — сказал он, отворачиваясь.

Она подступила ближе и коснулась его плеча. Пальцы были холодными, но мягкими. Он хотел увернуться от её прикосновения, но не сделал этого.

— Он Теневой Вор, — настаивала она, — Аран Линваил. Ассасин Теневых Воров. Он убивает за деньги каждый день. Разве он не должен умереть за такие вещи?

— Я больше не занимаюсь такими делами, — возразил Абдель, не оборачиваясь. — Я изменился.

— Можешь измениться снова, — прошептала Бодхи, — если достаточно сильно любишь ее.

Абдель знал то, что сказала бы Джахейра, если бы была здесь. Она напомнила бы ему о том, что произошло с тех пор, как он видел смерть Гориона. Он не был больше наемным головорезом. Он не убивал больше из-за гнева.

Но Джахейры как раз здесь и не было.

Она была в плену неизвестно у кого, возможно, ее пытали, или хуже. Абдель не знал, что с ней происходило. Если это были Теневые Воры, похитившие их во Вратах Балдура — а это казалось наиболее вероятным — то, возможно, убийство этого Арана Линвайла было в какой-то мере правосудием.

Абдель знал, что дурачил себя, но выбора не было. Он мог выбить информацию из Гаэлана Бэйла, но будет ли это лучше, чем убийство ассасина Теневых Воров? Если он узнает, где Джахейра, то разве не будет с удовольствием убивать любого из числа Теневых Воров, чтобы спасти ее? Так уж получилось, что этот Аран Линваил был одним из них.

— Мне понадобится широкий меч, — спокойно сказал он Бодхи, — и кольчуга, но ничего декоративного.

Она улыбнулась.

— Ты сделал правильный выбор, Абдель, — успокаивающе сказала Бодхи. — Ты, кажется, сам не веришь в это, но когда все будет сделано, ты поймешь, что сделал именно то, что и должен был сделать ради ее спасения, и что мир без Арана Линвайла будет гораздо лучшим местом.

— Широкий меч, — повторил он, — самый тяжелый, какой ты только сможешь достать.

Глава 6

Бодхи знала все. Она была права буквально во всем. Сдвигающаяся панель за кроватью в третьей комнате слева от лестницы. Бодхи знала, где и под какой из больших ваз с цветами перед входной дверью был спрятан ключ. Она точно знала, как извлечь его оттуда.

Абдель заранее хорошо подготовился. Как наемник, он потратил приличный отрезок жизни на подготовки к подобным мероприятиям. Ему платили за выполнение грязной работы для какого-нибудь торговца, торговой гильдии или мелкого княжества. Теперь по плану стояло убийство ассасина Арана Линваила, и Абдель знал, что выбора у него не было.

Как ни странно, он не чувствовал никакой боли. Всего несколько часов прошло с тех пор, как его пытали, избили, обожгли, всадили в грудь пару стрел и, несмотря на все это, сейчас он был в полном порядке, если не считать того, что в душе что-то надломилось. Всего несколько часов назад он с двумя незнакомцами голым прошелся по улицам. Он совсем не спал, за исключением разве что того периода времени, пока был без сознания. Голова была и тяжелой и легкой одновременно.

— Еще один раз, — со вздохом прошептал Абдель.

Воздух в чулане пах парфюмерией и порошком от моли. Чулан был совсем не похож на большинство из них. Этот Аран Линваил похоже сделал много монет, убив куда больше людей, чем Абдель за всю свою карьеру. Чулан был набит дорогими шелками из Кара-Тура, шерстяными изделиями с высокогорий Хребта Мира и мягкими хлопчатыми изделиями из экзотической Мацтики. На стене висела кожаная броня, настолько совершенная и безупречная, что никак не могла быть обычной.

Где-то вне пределов чулана, вне кирпичных стен особняка, солнце уже, должно быть, вставало над Аткатлой. В спальне, недалеко от которой притаился Абдель, Аран Линваил занимался любовью с женщиной, которая явно знала толк в таких делах.

Она назвала его «дорогой», заставив Абделя вздрогнуть. Слишком уж неискренне это прозвучало, но Линваила, казалось, это не волновало. К чести ассасина, он продолжал развлекаться так долго, что Абделю показалось, будто он провел в чулане несколько часов. Он прятался там, потому что не хотел убивать женщину, ведь пришел он за головой Арана Линваила.

Абдель сел на корзину, набитую какими-то тряпками, и с удовольствием потянулся, разминая затекшие ноги. Попробовал сосредоточиться на задаче и очистить разум от посторонних мыслей, и, к своему удивлению, обнаружил, что это получилось куда проще, чем он предполагал. Он совсем не хотел быть там, где был, не хотел делать того, что он собирался, но по крайней мере он хоть чем-то был занят.

Наконец они прекратили свою возню, и Абдель услышал, как Линваил сказал: «Теперь убирайся».

Женщина ответила что-то, слов Абдель не разобрал, но тон был грубым и оскорбительным. Секунду спустя до Абделя донесся звук громкого удара, потом

визг, звук тяжелого падения и унылый скрип мебели, которую волоком тащат по деревянному полу.

Дверь чулана вылетела вместе с петлями, когда Абдель рванулся в спальню, на ходу вытаскивая свой тяжелый меч. Аран Линваил тупо уставился на него, женщина тоже. Она была молода и довольно симпатична. Волосы были унылого красного цвета, а кожа веснушчатой, по всей поверхности ее хрупкого тела. Она держалась за левую сторону лица, но крови не было. Выглядела она несколько удивленной.

Аран Линваил видимо получил страшную рану несколько лет назад. Его лицо было ужасно изуродовано — оно представляло собой буквально один сплошной шрам. Один глаз был закрыт, а точнее просто отсутствовал. Выпрямляясь, он уставился на Абделя здоровым глазом. Одет он был в широкие штаны, и больше ничего на нем не было. Кроме разве что целой коллекции разнообразных шрамов на груди, животе и боках. Когда Абдель взмахнул мечом в жесте вызова, девочка завизжала, а Аран Линваил повернулся и рванулся к двери.

Абдель взмахнул мечом, но ассасин не только уклонился выпада, но и умудрился прошмыгнуть мимо него, убегая по коридору, причем довольно быстро. Женщина явно была сконфужена. Абдель мельком посмотрел на нее и, к своему удивлению, заметил, что она пожала плечами.

Проскочив вслед за Араном Линваилом в богато орнаментированную дверь из красного дерева, Абдель попал в один из верхних залов.

— Кто ты? — на бегу спросил ассасин.

Абдель промолчал. Мгновением позже Линваил, уже бывший в трех футах от кончика меча Абделя, прыгнул с лестницы. Не видя особого смысла прыгать, Абдель предпочел обойтись без применения акробатических трюков и воспользовался лестницей.

— Кто послал тебя? — крикнул ассасин, приземляясь около основания лестницы.

Абдель снова проигнорировал его вопрос и продолжал спускаться. Линваил, не теряя времени, нажал на часть украшения перил, и в одной из стен открылась замаскированная дверь, ведущая в зал. Увидев со вкусом разукрашенный зал, Абдель чуть не зарычал от разочарования — парадная дверь была совсем не далеко. Если бы Линваил выскочил наружу, Абделю пришлось бы уйти назад в дом и выбираться тем же способом, каким он прибыл, поскольку Аран Линваил, скорее всего, поднял бы крик, зовя на помощь, а с утра на улице было совсем не безлюдно.

Но ассасин не сделал и шага к двери.

— Ты просто собираешься убить меня, так? — не оборачиваясь, крикнул Линваил, бегом пересекая небольшой зал по направлению к параллельной лестнице.

Абдель помчался за ним, наконец-то почти догнав убегающего ассасина. Но Линваил не стал подниматься по лестнице, а проскочил в небольшую дверь в конце зала, которую Абдель сразу не заметил. Отстав от него не более, чем на пару секунд, Абдель с грохотом распахнул дверь, и в этот момент нож скользнул по его ребрам, перерезав мускулы и некоторые другие мягкие ткани, жизненно необходимые как наемникам, так и людям других профессий, и застрял, буквально увязнув в мускулах живота.

Быстро осмотревшись, Абдель понял, что Линваил заманил его на кухню и поскольку Абдель не сумел полностью увернуться от ножа, то ему пришлось признать, что Линваил довольно быстр, раз сумел, опережая его всего на пару шагов, забежать в кухню, схватить нож, да еще и довольно удачно атаковать. Да, в конце концов, этот ассасин был очень даже не плох.

Впрочем, Абдель, несмотря на свои массивные размеры, был, по крайней мере, так же быстр. Он напряг мускулы живота и шагнул вперед, позволяя ножу еще дальше проникнуть в его кишки, и заставляя Арана Линваила выпустить нож.

— Да кто ты такой? — ошеломленно крикнул ассасин, отскакивая в сторону.

Абдель, зарывав от боли, занес меч. Линваил ускользнул от нападения, и Абдель заметил, что ассасин оценил его стиль боя и ожидал нападения.

Избегая обратного удара, который должен был бы укоротить его на голову, Линваил ловко увернулся и схватился за нож, который все еще торчал в животе Абделя. Выход лезвия сопровождался немаленькой порцией крови и еще большей порцией боли. Абдель позволил себе громко выругаться, но ассасин был не настолько глуп, чтобы терять время на злорадство. Он снова атаковал, но Абдель успел подставить свой новый широкий меч, жестко отбив руку с ножом довольно далеко. Нож был сделан из хорошей стали и не сломался, но Линваил зарычал, поскольку сила контрудара, очевидно, болезненно отдалась в его руке.

Но он быстро собрался и рубанул Абделя по руке — трусливый вид атаки, который Абдель никак не ожидал от такого человека.

— Аран? Аран, ты в порядке? — раздался голос женщины откуда-то сверху.

Линваил на ходу перебросил нож в другую руку и нанес быстрый нижний удар. Абдель отступил в сторону, даже не пытаясь парировать удар, нанесенный под таким неудобным для него углом. Но Линваил снова оказался быстрее, и не только избежал ответного удара большого меча, но и, отскакивая, успел рубануть снизу вверх, с отвратительным хрустом оттяпав указательный палец левой руки Абделя.

Абдель взревел от гнева и боли — больше от раздражения, чем от боли. Палец упал на деревянный пол тесной кухни с почти неслышным шлепком.

— Ты не сможешь убить меня, здоровяк, — издевательски расхохотался ассасин, очевидно очень довольный этим небольшим расчленением. — Я убил более...

Абдель так и не узнал, что хотел сказать ассасин, так как конец его фразы завершился бульканьем крови. Абдель разрубил его настолько быстро и с такой силой, что удивил сам себя. Он разделил ассасина почти до половины груди. Уперся ногой в грудь упавшего на колени противника и с силой освободил свой меч. Через мгновение всю кухню вторично окатило кровью.

— Это... — сумел прохрипеть ассасин, несмотря на полный рот крови, — так плохо.

И Аран Линваил умер на полу собственной кухни.

— Аран? — снова позвала женщина. — Аран, ты пугаешь меня. Кто это был?

Абдель снова зарычал и стал искать на полу отрубленный палец. Пол был так залит кровью, что Абделю понадобилось некоторое время, чтобы найти пропажу. Раньше он видел много людей, в разных ситуациях терявших разные части тела, и знал, что не все потеряно, если у тебя под рукой есть много золота и очень хороший священник. Не понимая, зачем это нужно, Абдель вдруг почувствовал необходимость

прижать палец небольшому кровоточащему обрубку, и после некоторого колебания именно так и поступил. Палец почти сразу же прирос к своему месту, хотя все еще кровоточил. Абдель держал его на протяжении примерно минуты, и когда отпускал его, оказалось, что он уже полностью прирос.

— Баал, — выругался он, слишком хорошо зная источник регенерационных способностей. «Ну что ж, — подумал Абдель, — возможно, в конце концов, есть и некоторые преимущества в моей проклятой крови».

— Аран? — дрожащим голосом крикнула женщина. — Аран, это не смешно.

Абдель чуть не решил подняться наверх, чтобы сказать женщине, что произошло, заверить ее, что она в безопасности и отослать ее домой с парой золотых монет в кармане. Но вовремя одумался, вспомнив, что никакого золота у него нет, да и вряд ли она успокоится от вида измазанного в крови человека.

«Еще один, — подумал он. — Последний».

Он встал с колен и отрубил ассасину голову, потому что таков был договор. Эта голова стоила королевского вознаграждения, которое будет выкупом за друида. Абдель понимал, что Аран Линваил будет не последним Теневым Вором, которого он вынужден будет убить, чтобы освободить Джахейру и Имоэн, хотя и надеялся, что много убивать не придется.

Распахнув тонкую дверь, ведущую из кухни в подвал, Абдель по возможности тихо проскользнул в нее. Там был люк, ведущий в коллекторы, по которым можно выйти к переулку, где относительно безопасно можно добраться назад в «Медную Корону». По крайней мере, так сказала Бодхи, а пока что она была во всем права.

— Аран? — снова послышался сверху женский голос. — Аран, мне надоело. Я спускаюсь.

Глава 7

Приближался рассвет, и Бодхи нервничала все больше и больше, хотя находилась в своем подземном убежище, которое надежно защищало ее от убийственных солнечных лучей. Но она должна подняться на поверхность, чтобы вернуться к месту отдыха, находящемуся глубоко в островном убежище Айреникуса. Конечно, в виде летучей мыши она могла путешествовать довольно быстро, но возвращение на остров все-таки займет немало времени. Однако сейчас ее больше занимало, что могло так задержать Абделя. Может, он потерпел неудачу? Хотя с другой стороны, несмотря на то, что Аран Линваил был практикующим и весьма искусным ассасином, составить конкуренцию предполагаемому сыну бога ему, конечно, было не по силам. А может Линваил сумел завербовать его? И Абдель уже работает на Теневых Воров?

Вступив в контакт с Айреникусом и поговорив с ним несколько секунд, она уже решила следовать плану, разработанному на случай возникновения непредвиденных обстоятельств, когда Абдель с грохотом ворвался в комнату, задыхаясь и дрожа от еле удерживаемого воодушевления. Он тяжело опустился на пол, небрежно отбросив в сторону тяжелый меч.

— Но вот, — отдуваясь, сказал он, — я и вернулся. Правда пришлось изрядно попотеть.

Испытывая облегчение от его прихода, но все еще обеспокоенная приближающимся рассветом, Бодхи быстро подошла к нему. Наемник слегка качнул и поднял руку, то ли чтобы остановить ее, то ли чтобы избежать расспросов, а может и то и другое.

— Абдель, — проворковала она, позволяя облегчению, возникшему от сознания выполнения Абделем своей миссии, прийти к ней на помощь и сыграть свою роль как можно более естественно. — Что случилось?

Абдель улыбнулся.

— Ты должна мне тридцать тысяч золотых монет, — рассмеялся он.

Бодхи тоже улыбнулась. Вид его улыбки оказал на нее эффект, который ничьи улыбки не оказывали уже очень много десятилетий.

— Я рад видеть тебя, — вполне искренне сказал Абдель. — Что тут странного?

— И я рада видеть тебя, — почти не соврала она.

Потом Бодхи наклонялась и поцеловала его.

Он вздрогнул и попытался уклониться, но она не отступала. Его губы были удивительно мягкими и Бодхи старалась избежать слишком сильного контакта, зная, что Абдель почувствует холод.

Когда она отодвинулась, его взгляд был мрачным и сконфуженным.

— Джахейра... — пробормотал он.

Бодхи наклонила голову и их глаза встретились. Она сосредоточилась на одной из самых черных своих способностей, и удерживала его пристальный взгляд в захвате столь же реальном и сильном, сколь и злобном. Затем последовал медленный, спокойный выдох, и ее желание поплыло из ее глаз в него. Вдруг Бодхи заметила краткую вспышку желтого света в его глазах, и это чуть не сломало ее концентрацию. Но она не позволила себе такую роскошь, как удивление этим светом. Полубог или нет, но этот мужчина попал под действие ее заклинания подобно любому обычному человеку, и теперь она могла почувствовать любую мысль, которая пришла бы ему в голову.

— Ты преуспел, Абдель, — прошептала она, и он слегка кивнул. — Теперь ты можешь отдохнуть... от всего.

Абдель опустил взгляд, затем выжал улыбку и попытался встать. Бодхи выпрямилась и помогла ему подняться, сильно взяв его за плечи. Он позволил ей притянуть себя к ней. Бодхи на мгновение показалось, что он хотел что-то сказать, но времени на словесные изыски ей терять не хотелось. Она снова поцеловала его и использовала все доступные ей средства для того, чтобы вызвать у Абделя соответствующую реакцию.

Но Бодхи даже не могла предположить, что получит такую реакцию.

* * * * *

Абдель никогда не принимал сознательного решения предать Джахейру и сделать Бодхи — фактически незнакомку — своей любовницей. Но подобно большинству событий за прошедшие несколько дней, это произошло независимо от его воли.

Он позволил напряжению уйти из рук и смениться ощущением гладкого льняного платья и прохладной мягкой кожи под ним. Бодхи заключила его в объятия, более сильные, чем у любой женщины, когда-либо обнимавшей его. Их губы снова слились вместе. Ее губы были прохладными, почти холодными, и их холод пронесся по позвоночнику Абделя, заставил его почувствовать себя более бодрым, чем за последние несколько дней. Его тело буквально взорвалось жизнью. Кровь, которая бежала по его венам, несла различные сигналы, текла к различным местам, но включала в себя те же сверхчеловеческие чувства, которые вели в бою его руку и придавали ему способность убивать без колебания. Это была даже не способность, а скорее потребность, такая же, как и потребность дышать.

Голова Абделя горела, и в конце концов он подхватил ритм движений странной женщины, точно так же, как он подхватывал ритм движений противника в бою. Они сошлись в ритме танца двух фехтовальщиков, отражающих выпады и ищущих слабости в обороне друг у друга. Ее платье отлетело подобно щиту противника, получившего тяжелый удар, и он в свою очередь лишился своей скудной одежды тем же самым способом, каким он ликвидировал любое препятствие, которое могло бы помешать ему действовать мечом.

Пол был холодным и неровным, но Бодхи постаралась не обращать на это внимание. Впрочем, после первой же занозы ее мнение изменилось, и она, вздрогнув, постаралась оказаться сверху Абделя, который, отвечая на ее движение, притянул ее к себе. Теперь они двигались полностью без всяких мыслей или планов, слившись воедино. Такого Абдель никогда не испытывал, даже в самом кровавом бешенстве, самом сильном приступе жестокости или в самой сумасшедшей схватке. К тому же она не была какой-то там шлюхой, но сделка, которую они заключили, должна была быть оплачена не кошельком, а кровью.

В конце концов ее лицо начало скользить к его шее. Когда ее холодное дыхание остановилось около его шеи, Абдель услышал странный треск, каковой даже в его состоянии показался ему каким-то неправильным и неуместным.

Ощутив на шее теплую влагу, он глубоко вздохнул, и Бодхи еще сильнее прижала лицо в его коже. Ее тело яростно содрогнулось в жестокой конвульсии. Абдель так крепко стиснул ее спину, что она, казалось, затрещала под его руками. Бодхи быстро и тяжело дышала через нос в ритме с сердцебиением, и гортанный животный звук клокотал в ее горле, а ее грудь, плотно прижатая к груди Абделя, вибрировала от этого звука.

Ее тело сотряс целый ряд спазмов, словно каждый мускул обрел собственную волю и боролся за свое освобождение или превосходство. Собственный разум Абделя начал понемногу возвращаться, поскольку страстное безумие начало спадать, и лицо Бодхи отодвинулось от его шеи. Перед глазами у него все плыло, а голова просто раскалывалась. Бодхи прижала холодную руку к его шее и держала до тех пор, пока Абдель не шлепнулся в обморок, как вдова на похоронах посреди жаркого лета.

* * * * *

Это не человек.

«Он был прав, — подумала Бодхи. — Именем темнейших уровней Аббиса, Айреникус был прав. Он вовсе не был человеком. Совсем не был».

Она боялась, и, между прочим, правильно боялась, что Абдель убьет ее, если поймет, что она с ним сделала. Она лишь немного попробовала — ну, может, немного больше, чем просто попробовала... впрочем, не важно. Ей было просто любопытно, но теперь, когда это произошло, она поняла, что Айреникус был прав относительно Абделя. Он был очень даже прав.

Она иссушила сотни мужчин, возможно даже и тысячи, из всех слоев общества. Пробовала кровь пастухов и принцев, генералов и простых солдат. Питалась кровью умирающих эльфов, горькой кровью орков и кровью всех разновидностей примитивных теневых сталкеров Андердарка. Вкус крови для нее давно уже стал смыслом жизни, можно даже сказать — столom с угощением. Некоторые столы были хорошими — прекрасно приготовленными хорошей, богатой, удобной жизнью, а некоторые оставляли неприятный привкус. Но кровь Абделя была не похожа ни на что из того, что ей когда-либо доводилось пробовать.

Слепая чувствительность ее языка говорила, что кровь Абделя принадлежит сильному молодому человеку, которым он и выглядел. Но когда голова чуть не взорвалась ливнем безумного света, простой вкус прекратил быть важным. Когда все ее тело пережило настоящий взрыв, она прекратила быть хищником и стала своего рода прихожанином, просящим покровительства непостоянного, но щедрого бога.

Бодхи настолько сильно хотела повторить это, что еле заставила себя отползти от Абделя подальше. Она жила в течение веков, и накопленный опыт и осторожность не давали ей повторить случившееся еще раз. Она уже взяла у него достаточно крови, чтобы вызвать бред. И это сработало, к счастью для нее. Абдель не сможет сказать, что был укушен. Он лежит на каменном полу во власти переживаний и воспоминаний. Бодхи немало потрудились, останавливая кровотечение, но, когда ее глаза наконец-то достаточно прояснились, она увидела, что раны уже зажили. Они конечно должны были зажить быстро, но совсем не так быстро.

Бодхи ладонью вытерла кровь с губ и подбородка, затем с жадностью облизала кровь с рук, предварительно повернувшись к Абделю спиной, чтобы если он внезапно очнется, то не смог бы увидеть, чем она там занимается. Постепенно он стал дышать ровно и глубоко; Бодхи знала, что он скоро очнется, если только уже не очнулся. Она покрутила по сторонам головой в поисках платья, нашла его и руками, дрожащими как у школьницы, быстро проскользнула в него, не вставая, и старательно разгладила его на бедрах.

Вообще-то она не была уверена, что сможет встать.

* * * * *

Шея Абделя сильно зудела, и он яростно поскреб ее, не обращая внимания на вспыхнувшую боль. Приподнявшись на одном локте, он осмотрелся, будучи уверенным, что увидит Бодхи рядом с собой, но рядом ее не было. Услышав за спиной шелест ткани, он медленно повернулся, с трудом управляя тяжелым и непослушным телом. Бодхи обнаружилась в паре футов за спиной, управляющая

складки своего красного льняного платья на мягких, округлых бедрах. Абдель не мог не улыбнуться, хотя и знал, что в данный момент сильно напоминает влюбленного до безумия дурака.

Не зная, что сказать, он просто паялился на нее, пока она не повернулась к нему, заметив его пристальный взгляд. Внезапно почувствовав себя голым, Абдель схватил штаны, валявшиеся на полу рядом с ним.

— Я не ранил тебя? — с надеждой осведомился он.

— Нет, — с глубоким свистящим вздохом быстро ответила Бодхи.

Абдель влез в брюки, проклиная непонятно откуда взявшуюся отдышку, слегка трясущиеся руки и слишком тесные штаны.

— Куда ты собираешься идти? — поинтересовалась Бодхи, и ее голос эхом разнесся по пустому каменному помещению подвала «Медной короны».

Абдель надолго замолчал, стараясь понять, что она имеет в виду. По пути из дома Арана Линвайла он о многом подумал и сделал некоторые выводы.

— Ты и так знаешь, куда я должен идти, — сказал он ей, — не так ли?

— Ты убил его в его же доме? — напряженно спросила Бодхи.

Абдель постоял немного, пытаясь унять дрожь в коленях, затем решительно направился к лестнице. Он на ходу оглянулся с мрачным и унылым видом, затем, не останавливаясь, поднялся вверх по лестнице и, схватив пропитанный кровью мешок, бросил его с вершины лестницы к ногам Бодхи. Когда из него выкатилась отрезанная голова Арана Линвайла, Бодхи глубоко вздохнула, изо всех сил сдерживая облегченную улыбку.

— Надеюсь, мне не придется убивать еще кого-нибудь за остальные двадцать тысяч? — спросил он.

— Ты знаешь сумасшедший дом? — в ответ спросила она.

Абдель в недоумении покачал головой. Вопрос показался ему несколько странным.

— Сумасшедший дом? — переспросил он, спускаясь по лестнице, чтобы оказаться с ней лицом к лицу и при этом старательно избегая наступать на кровь.

Она повернулась, и в тусклом искусственном свете ему показалось, что она покраснела.

— Она содержится там, — пояснила Бодхи. — Они обе содержатся в Спеллхолде. Это сумасшедший дом... прибежище для безумных.

Абдель вздохнул. Его голова постепенно прояснялась, боль ушла, и теперь он чувствовал лишь обычную усталость. Но в его разуме кипел водоворот эмоций, причин появления которых он не мог понять. Он знал, что эта женщина и ее друг, Гаэлан Бэйл, манипулировали им. Он знал, что Теневые Воры преследовали его за что-то, что сделал Саревок. Он знал, что молодая девушка из его прошлого — казавшегося настолько далеким, что вообще ощущалось прошлой жизнью — была каким-то образом замешана во все это. Его больше не волновало, кого ему придется убить, сколько кто хочет золота или что должно произойти. Единственная вещь, имевшая значение — это найти Джахейру и Имоэн, и обеспечить их безопасность. Так что неважно, где они были — в сумасшедшем доме, в тюрьме или в темнице.

— Где находится это место? — спросил он у Бодхи.

— Один из моих братьев находится там, — прозвучал ответ.

— Ну и какое отношение это имеет ко мне? — поинтересовался Абдель. — Ты хочешь, чтобы я и его укоротил на голову?

— Нет, — поспешно ответила Бодхи, — он на нашей стороне. Его зовут Джон Айреникус.

— Он безумен? — уточнил Абдель, не стараясь объяснить, что не уверен, что он и Бодхи могли когда-либо быть на «одной» стороне.

Она резко посмотрела на него и быстро отвернулась, но Абдель заметил в ее глазах отчетливую вспышку гнева.

— Извини, — быстро добавил он, напряженно думая, как выудить из нее побольше информации.

Плечи Бодхи опустились, и она несколько расслабилась.

— Его ложно обвинили Теневые Воры, которые, кстати, и управляют этим убежищем. Они схватили его, чтобы пытать и сделать свидетелем большого зла, которое они собираются сотворить.

Абдель почувствовал внезапную сухость в горле и нервно сглотнул.

— Они там же держат и Джахейру, и Имоэн, — добавила Бодхи, уставившись в потолок. — Я могу помочь тебе попасть туда. Кстати, я должна попасть туда до рассвета.

Абдель осторожно покосился на потолок, но не нашел там никаких ответов.

— Я должна идти, — решительно сказала Бодхи.

— Если Джахейра и Имоэн содержатся в этом сумасшедшем доме, как ты говоришь, — мрачно сказал ей Абдель, — то ничто и никто не помешает мне попасть туда.

— И ты поможешь моему брату? — робко спросила Бодхи.

Абдель вздохнул. Очевидно, что им нагло манипулировали, но...

— Конечно, — пообещал он.

— Я должна идти, — прошептала она, выцарапывая что-то на покрытом опилками полу. — Ты увидишь эту метку на стене у основания самой высокой башни на острове. Так быстро, как сможешь, скажи слово нхазме или превратишься в кучку пепла. А дальше поймешь, что делать.

— Подожди, — прервал он. — Останься со мной — я хочу сказать, что... поехали со мной.

Бодхи медленно двинулась к лестнице и поднялась на пару ступенек. Абдель нерешительно шагнул за ней.

— Я не могу, — просто ответила она. — Уже почти...

— Бодхи, — попросил Абдель.

— Капитан доставит тебя туда, — громко и ясно ответила она. — Есть только один сумасшедший дом на острове, не ошибешься. Тебе понадобится корабль. Я прошу тебя... я прошу тебя приплыть туда. И не забудь слово...

— Нхазме, — повторил он, глядя вниз на опилки.

Бодхи нацарапала две волнистых параллельных линии вроде знака воды, с чем-то сильно похожим глаз между ними.

Абдель заметил, как осунулось лицо Бодхи и покраснели ее глаза, когда она обернулась к нему в дверях. Через секунду, выдавив напряженную улыбку, она открыла дверь и быстро исчезла за ней.

Глава 8

Превратившись в летучую мышь, Бодхи со всей доступной ей скоростью летела к зубчатым безжалостным башням убежища, стараясь обогнать восходящее солнце.

Приземлившись на высокой башне, она снова превратилась в женщину и повернулась лицом к алеющей полосе на востоке. Небо было глубокого синего цвета, постепенно становясь все более прозрачно синим. Глядя в окно на высоте шестидесяти футов, Бодхи издевательски ухмыльнулась нарастающей над серо-коричневой линией горизонта алой полоске, которая уже скоро взорвется светом восходящего солнца и запросто превратит её в кучку пепла первым же своим лучиком. Бодхи ненавидела солнце и презирала свет. Каждый день дразнил ее, напоминая, что, несмотря на все века своего бессмертия, у нее все еще было слабое место.

Бодхи посмотрела вниз на волны, разбивавшиеся о камни далеко внизу, и подумала о Абделе. Ощущая волны мощи, проистекавшие из крови бога и даже теперь бегущие по ее собственным хрупким венам, она улыбнулась, сверкнув длинными, изящными клыками, но тут же зашипела на солнце, первый лучик которого появился из-за линии горизонта.

Свет коснулся ее руки, когда она все еще шипела в бессильной ярости. Вампирша шархнулась от окна и схватилась за ставень, намереваясь воспрепятствовать дальнейшему проникновению солнечный лучей в комнату. Но то место, где свет прошелся по руке, лишь слегка пощипывало. Бодхи прикрыла ставень, решив убедиться наверняка, и на мгновение выставила руку наружу. Солнечный свет снова коснулся ее кожи, но вместо того, чтобы испепелить руку в мгновение ока, он только оставил небольшое красное пятно.

Она улыбнулась и глубоко вздохнула, борясь с желанием широко раскрыть ставни, бросив вызов ненавистному солнцу. С трудом пересилив это желание, Бодхи двинулась к двери и, открыв ее, стала спускаться по длиннейшей лестнице, ведущей вниз, в небольшую секретную комнату, где находился старый надежный гроб.

«Абдель, — подумала она, — ты действительно сын Баала».

* * * * *

С того дня, как Минск стал работать в «Медной короне», таверна никогда не была более чистой. Отработав целую ночь, рыжеволосый сумасшедший всегда задерживался на пару часиков, чтобы произвести уборку, и не ложился спать, пока миниатюрный гигантский космический хомяк, которого он постоянно таскал с собой, не говорил ему, что все в порядке. Такая ситуация весьма радовала Абделя, который возвратился в таверну очень измотанным, по-прежнему облаченным в одолженные брюки и очень нуждающимся в корабле.

Когда огромный наемник поднялся по лестнице из подвала, Минск поприветствовал его радостной улыбкой.

— Большой человек, Бу, — сказал он хомяку. — Это вернулся большой человек!

— Минск, — решительно сказал Абдель, — мне нужна твоя помощь.

Минск снова улыбнулся и посмотрел вниз на небольшого грызуна, сидевшего у него на плече.

— Все, что угодно, если поможешь мне выкинуть капитана — кивнул он.

Абдель вошел в комнату отдыха, темное местечко, которое, впрочем, пахло заметно лучше, чем в последний раз, когда Абдель был здесь. В комнате не было окон, и, хотя снаружи ярко светило солнце, Минск работал при свете единственной тусклой свечи. В самом темном углу развалился громко храпевший старик.

— Капитан? — переспросил Абдель, разглядывая смутно знакомого старого пьяницу.

Минск кивнул и, улыбаясь, подошел к старику.

— Пора уходить, капитан Хавариан! — крикнул он, тряся его за плечо. — Таверна закрывается!

Абдель впервые за долгое время улыбнулся и мысленно вознес благодарность тому богу, который заставил оказаться здесь этого пьяницу.

— У него есть корабль? — спросил он у Минска.

Минск пожал плечами и слегка хлопнул по лицу старика.

— Он, вроде как, известный пиратский капитан, — ответил он, — но появляется здесь каждую ночь с тех пор, как я начал тут работать, и всегда один.

— Нужно его разбудить, — решил Абдель, осматривая таверну, пока его глаза не остановились на ковше, который Минск использовал для мытья посуды. — Мне нужен корабль.

Абдель сграбастал ковш и выплеснул все его содержимое в лицо старика. Против ожиданий Хавариан моментально пришел в себя и проревел несколько таких выражений, которые даже Абделя заставили залиться краской.

— Мы тонем, парни, мы сели на мель! — ревел капитан, щедро обрызгивая слюной все вокруг и пытаясь вскочить.

Минск громко расхохотался, а Абдель положил руку на плечо обезумевшего пирата в бесполезной попытке утихомирить его.

— Что, во имя сине-зеленого Секолаха... — пробормотал пират, наконец-то сфокусировав мутный взгляд на Абделе.

— Мне нужен корабль, — сказал наемник, приблизив свое лицо к лицу Хавариана.

Капитан удушливо рассмеялся.

— Фарватер чист, парень, но я могу взять тебя не дальше Лускана. Если, конечно, тебе надо туда.

— Да нет, так далеко мне не надо, — отмахнулся Абдель.

— Хорошо, — прохрипел старик. — Цена, конечно, зависит от того, насколько далеко надо плыть.

— Пока что мне нечем заплатить, старик, — признался Абдель. — Но, возможно, мы сможем подзаработать кое-что...

Старик, кашляя, расхохотался, и кое-как сумел встать на ноги.

— Не повезло тебе, сынок, — проворчал Хавариан. — Ладно, я пошел домой.

— Я могу подкинуть тебе немного монет, — предложил Минск.

Абдель и капитан обернулись к нему. Точнее, Абдель повернулся, а капитан, поворачиваясь, шлепнулся на пол, проворчав какое-то проклятие.

— Сколько тебе надо? — спросил Минск.

Абдель вопросительно покосился на Хавариана.

— А сколько у тебя есть? — поинтересовался моряк, потирая пострадавший тыл.

* * * * *

— Я думал, что у тебя есть корабль, — хмуро посмотрел Абдель на все еще пьяного капитана, когда они отчалили на небольшом ялике.

— Твой друг с мышью не может позволить себе нанять судно, — испустив звучную отрыжку, ответил моряк. — Да и вообще, я же ничего не сказал, когда ты вломился в таверну без одежды.

— Только потому, что еле мог ворочать языком, — хрюкнул Абдель, смиряясь с обманом. Он сосредоточился на гребле, стараясь держаться курса, проложенного капитаном. Хавариан, казалось, знал все об убежище на острове, хотя и не сказал Абделю ничего особенного.

— Плохой это порт, очень плохой, — бормотал он себе под нос.

Капитан дал Абделю одежду, которая, как ни странно, оказалась вполне подходящего размера. Абдель облачился в простую белую моряцкую блузу и крепкие, хотя и короткие, штаны, а кольчугу, выданную Бодхи, одел сверху. Тяжелый меч висел на простой веревочной петле, которую он собственноручно сделал, пока ждал, когда Хавариан соизволит сказать, что можно отчаливать. Хотя Абдель и не спал, он чувствовал только бодрость, тревогу и готовность к сражению. Палец и другие раны, включая неприятную в животе, полностью зажили.

Хавариан, решивший порыбачить от нечего делать, с улыбкой извлек откуда-то объемистую бутылку, заткнутую массивной пробкой. Вырвав пробку неровными серо-желтыми зубами, он сделал огромный глоток. Но когда оторвал бутылку от губ, его глаза, казалось, вот-вот вылезут наружу, а дыхание стало таким глубоким, как будто у него внутри внезапно начался сильнейший пожар.

— Хавариан? — окрикнул его Абдель, на мгновение решив, что тот в ближайшее время отправится к Амберли.

Старый пират сильно закашлялся, чуть не забрызгав Минска. Вытерев слюну и мокроту с подбородка, он сделал еще несколько глубоких вдохов.

— Ты в порядке? — спросил Абдель.

Хавариан испустил короткий смешок.

— Успокойся, — насмешливо прохрипел он.

Абдель вздохнул и продолжил грести. Остров постепенно приближался, хотя и гораздо медленнее, чем ему хотелось бы.

Абдель не стал утруждать себя изучением убежища на острове. Найти самую высокую башню было достаточно легко, оставалось только попасть туда. Здание действительно производило весьма унылое впечатление, и Абделю пришлось изрядно постараться, чтобы не заострять на этом внимания. Он вообще не хотел слишком много думать о том, что делал сейчас, не хотел думать, что собирался преднамеренно попасть в такое место, на которое никто не хотел бы полюбоваться изнутри.

Абдель тряхнул головой и стал грести еще быстрее.

— Не торопись ты так, парень, — проворчал старый пират. Хавариан, разглядывавший башни и зубчатые стены похожего на крепость убежища, заметно побледнел. — Ты точно уверен, что хочешь оказаться внутри?

— Я должен добраться до той стены, — сказал Абдель, игнорируя вопрос старика, — под самой высокой башней.

Хавариан полюбовался на скалистую береговую линию и указал на кучу валунов, которые образовывали некое подобие миниатюрной гавани. Волны бились вокруг, но маленькое пространство между валунов было относительно спокойным. Гладкая кирпичная стена возвышалась над валунами на самом краю острова.

— Я могу посадить тебя там, — предложил Хавариан, отбирая у Абделя весла, — но я не буду ошиваться вокруг этой скалы, парень. У тебя проход только в одну сторону, слышишь?

Абдель ухмыльнулся и нетерпеливо кивнул. Хавариан подогнал ялик в спокойное место между валунами и кивнул Абделю, когда убедился, что здесь достаточно мелко.

— Не умирай в таком месте, парень, — крикнул капитан Хавариан карабкавшемуся по валунам Абделю. — Это слишком плохое место, чтобы распрощаться с душой.

Абдель снова кивнул, наблюдая, как старик развернул ялик и стал быстро удаляться от острова.

Абделю потребовалось несколько минут, чтобы найти странный глиф Бодхи.

Громким, уверенным голосом он произнес — «*Нхазме*», — и был вознагражден грохотом двигавшихся камней.

Секция кирпичей медленно задвинулась в стену, выбросив целое облако пыли. Глазам Абделя предстала дверь, едва достаточная, чтобы пропустить человека его размеров в темнеющий за ней коридор. Абделю показалось, что услышал кричащего где-то далеко человека, и он оглянулся в сторону небольшой гавани, но ялик капитана Хавариана уже исчез из виду.

Абдель напряженно улыбнулся и шагнул в открывшуюся дверь.

* * * * *

У человека отсутствовали обе ноги, но это не было его самым большим увечьем. Абдель нерешительно сделал еще один маленький шаг к нему. Безногий сумасшедший безутешно плакал, и иногда резко и отчаянно вскрикивал — «Куда ты идешь?»

К несчастью для Абделя, он проделывал все это в открытой двери, которая была единственным выходом из замусоренной комнаты. Комната так сильно воняла мочой, что Абделю пришлось потратить немало сил на то, чтобы держать под контролем свой желудок. Конечно, он мог бы просто аккуратно разделить этого человека напополам и пройти, но что-то в его грязной, шелушащейся коже, скрежетании землистых зубов, ползающих по нему вшах, запахе и безумном, непредсказуемом поведении этого человека внушало даже Абделю странное нежелание трогать его.

Абдель нетерпеливо прочистил горло, но сумасшедший даже не подал виду, что заметил наемника или кого-нибудь из горстки обитателей убежища, находившихся в комнате.

— Мне надо пройти, — ясным недрогнувшим голосом сказал Абдель, но ему показалось, что голос прозвучал как-то слабо и неуверенно.

Сумасшедший даже глаз не поднял, но, на секунду прекратив рыдать, громко пропищал:

— Возвращайся, возвращайся, возв...

— Он не может двигаться, юнга, — с ухмылкой подмигнул один из заключенных, мерзко пахнувший человек в одежде моряка.

Абдель посмотрел на моряка и вздохнул. Взгляд на него прояснил для Абделя один вопрос. Это не солома на полу так воняла — источником зловония был моряк.

— Этот не сдвинется, пока... — замялся моряк, будучи не уверенным, сколько еще сумасшедший пролежит на этом столь неудобном для отдыха месте.

— Я должен пройти, — сказал Абдель моряку, питая некоторую надежду, что он чем-нибудь поможет.

Моряк рассмеялся, обнажив весьма редкие зубы.

— А почему ты выбрал этот курс, юнга? Ведь он ведет вовнутрь.

— Вовнутрь? — переспросил Абдель.

Моряк кивнул и широко ухмыльнулся.

— Вот мне и надо пройти вовнутрь, — сказал Абдель моряку.

— Тогда ты сошел с ума, юнга, — вздохнул моряк.

— Значит, я попал в нужное место, — хмыкнул Абдель, вытягивая из ножен меч и делая уверенный шаг в сторону человека в дверном проеме.

— Ему это не понравится, — предупредил моряк. — Координатор не хочет, чтобы тут кого-нибудь убивали.

Абдель повернулся к нему, глядя на клинок и понимая, что не хочет убивать этого бедного негодяя.

— О ком ты говоришь?

— Координатор, — голосом одновременно снисходительным и боязливым повторил моряк. — Капитан этого домика. Он маг, этот координатор. Полагаю, он разорвет тебя на куски... если заметит.

— Координатор? — переспросил Абдель.

— Да.

— Отведи меня к нему.

— Меня зовут Май Черар, — улыбнулся моряк.

Глаза Абделя опасно сузились. Он уже видел множество таких типов. Пиратам, головорезам, плутам, называйте как хотите, доверять нельзя, нельзя даже допускать мысль об этом. Абделю часто случалось убивать таких, как они.

— Отведи меня к нему, сейчас же.

Май Черар прекратил улыбаться и коротко кивнул. Он окинул Абделя быстрым оценивающим взглядом, затем снова улыбнулся.

— Но тебе все-таки надо заставить его обратиться с дороги, — кивнул он на сумасшедшего, все еще валявшегося в дверях.

Абдель повернулся к двери и высоко занес тяжелый меч, держа его так, как будто собирался разрубить напополам бредящего сумасшедшего.

— Я должен пройти через эту дверь, — медленно сказал Абдель.

На сей раз человек посмотрел на него, открыв щедро украшенное синяками лицо.

— Все... — каркнул он голосом более глубоким, чем позволяли предположить его более ранние жалобные вопли, — ...что тебе надо было... сделать... так это просто попросить.

Абдель вздохнул, будучи отнюдь не в восторге от выходки дурака.

— Просто уйди, — потребовал он.

Внезапно обитатель бросился прочь от двери и Абдель, не тратя впустую ни секунды, шагнул вперед, волоча на буксире Май Черара. Они миновали узкий коридор, освещенный факелами, которые больше дымили, чем светили. В коридоре наблюдался легкий сквозняк, который не давал дыму становиться слишком густым, но воздух все равно был тяжелым и горячим.

Абдель посмотрел на пирата, который, улыбаясь, теперь шел по коридору впереди него. Из всех сил удерживаясь от соблазна пойти в противоположном направлении, Абдель настороженно следовал за пиратом, риторически размышляя, отведет он его к этому координатору или... «Как можно думать под такую вонь?» Абдель задержал дыхание, когда пират проходил мимо, но спускаясь вниз по коридору, Абдель нарочно немного отстал, надеясь таким образом уменьшить зловоние.

— Ты уверен? — спросил пират, и голос его эхом отразился от стен коридора. — Уверен, что хочешь встретить координатора?

— Ты уверен, что это правильный путь? — в свою очередь спросил Абдель, игнорируя вопрос пирата. Убедившись, что расстояние не уменьшает вонь, он теперь старался дышать только ртом. Воспользовавшись тем, что Май Черар на мгновение исчез из виду, поскольку коридор сделал резкий поворот, Абдель быстро протер глаза.

— Да, — ответил моряк. — Да, этот путь ведет...

— ...вглубь моего убежища, — прозвучал ясный резонирующий голос из двери с одной стороны освещенного факелами прохода.

Абдель посмотрел на дверь и увидел ухоженного, красивого человека, который из-за своей чистоты выглядел в этом месте очень неуместно.

Воняющий пират, трясаясь, изобразил некое подобие поклона.

— Ко-ко-координатор, — заикаясь, пробормотал он.

Глава 9

Проснулся — это уж точно не самое подходящее слово для описания того, что сделал Абдель. Ощущение немного напоминало пробуждение, но подобрать такое слово, которое достаточно точно описывало это состояние, Абдель не смог. Он чувствовал себя очень странно. В голове наблюдалось непонятное оцепенение; он

совсем не чувствовал тело, а перед глазами стоял какой-то странный туннель с размазанными, нечеткими краями и синеватым туманом в придачу. Он не мог нормально видеть и утратил ясность мышления. Мозг сверлило ощущение, что что-то с ним было очень неправильно.

Абдель видел угол комнаты, каменной стены, пол, состоящий из каменных плит, клочья паутины; постепенно он замечал все больше и больше деталей этого места. Комната качалась перед глазами из стороны в сторону, как будто он неожиданно попал в жестокий шторм. Ощущение было такое, словно он висел в пространстве, а весь мир вокруг него исполнял какой-то сумасшедший танец. Осматривая комнату, Абдель мельком заметил, что на полу перед ним кто-то лежит, и как-то помимо воли сосредоточил на нем внимание.

Лежавший был большим мужчиной, с мощными мускулистыми руками и ногами. Он носил кольчугу, похожую на ту, которую ему самому дала Бодхи, и подобно Абделю, имел длинные и темные, почти черные волосы. Человек лежал лицом вниз и не шевелился.

Внезапно все перед глазами закачалось с удвоенной силой, и Абдель увидел, как лежащего на полу человека грубо перевернула пара маленьких и грязных рук, хозяина которых рассмотреть не удалось.

Человек, безвольно валявшийся на полу, был, скорее всего, мертв. Но вот его лицо попало в поле зрения, и тут уж Абдель вынужден был поверить своим глазам и признать, что смутные догадки, возникшие у него при виде тела, были верными. Абдель смотрел на себя.

И отсюда напрашивался неутешительный вывод — он был мертв. Он был мертв и висел над собственным телом. Ему доводилось раньше слышать о таких вещах, но видеть их — уже совсем другое дело.

И некоторые вещи сейчас вызывали у него недоумение. Он был мертв и не почувствовал, как умер. Хотя с другой стороны, а что собственно он должен был чувствовать? А еще он чувствовал разочарование, ведь ему не удалось увести отсюда Джахейру и Имоэн. И теперь вряд ли получится попрощаться с Джахейрой и узнать, как Имоэн оказалась здесь, что эти люди хотели с ней сделать и, самое главное, кто вообще эти люди.

И как вообще такое могло произойти? Он, сын Баала и спаситель Врат Балдура, теперь порхал над собственным холодным трупом в какой-то забытой богами психушке на острове, которому никто не потруился даже дать название? И люди — умные люди, такие как Горион и Джахейра — думали, что его судьба — стать великим и так далее. Он чувствовал себя полным дураком, но что еще хуже, он чувствовал, что выставил дураками их всех.

Постепенно его память начала проясняться, пока он любовался, как его собственное тело тянут за ноги по грубому каменному полу. Абдель углубился в воспоминания и события, которые происходили до этого мгновения, стали проплывать перед его внутренним взором, словно видел их впервые...

* * * * *

Кто-то подскочил к нему сзади. Это был Май Черар. Координатор улыбнулся, и Абдель был уверен, что услышал его смех, когда кувыркнулся вперед. Такой удар в

затылок убил бы любого нормального человека, однако Абдель не только выжил, но и сумел остаться в сознании.

— Очень хорошо, — с удовольствием сказал координатор.

Маи Черар бессвязно выругался.

Абдель повернулся, и Маи Черар снова ударил его, но наемник сумел откатиться в сторону и быстро вскочил на ноги. Он нанес удар в переносицу Маи Черара, разбив тому нос и отбросив назад. В результате руку Абделя окатило фонтаном крови, а пират отлетел на пару шагов, но все-таки умудрился не упасть. Откуда-то из-за спины послышался голос координатора, бормотавшего что-то, но слов Абдель не разобрал. Слово «заклинание» всплыло в его мозгу практически одновременно с прикосновением двух пальцев к его спине.

Пальцы были прохладными и сухими. Несмотря на ситуацию, Абдель мгновенно задался вопросом, как это он, интересно, так хорошо смог почувствовать их через кольчугу. Прикосновение стремительно становилось все более ледяным, разливаясь по спине Абделя холодной волной. Он снова повернулся, но его грудь уже казалась ему куском льда, колени дрожали, а челюсти сжались так, что казалось, вот-вот начнут крошиться зубы. Его правая нога уже не слушалась, но он все же тяжело шагнул к координатору, занося меч.

Странный человек с улыбкой отступил на шаг. Холод продолжал сковывать мускулы, и Абдель подумал, что если бы он сейчас открыл рот, то зубы сразу бы начали изображать трещотку. А это могло быть воспринято как проявление страха, поэтому он на всякий случай покрепче стиснул челюсти.

Несмотря на скованность мускулов, Абдель занес меч и нанес координатору тяжелый удар сверху вниз. Заморожены мускулы или нет, но меч опустился с достаточной силой и скоростью, чтобы разделить противника на две половинки. Но вместо этого меч с глухим стуком ударился о какой-то барьер перед улыбающимся магом. Видимо он создал какой-то невидимый щит вокруг себя и, судя по тому, как меч соскользнул по его поверхности, у Абделя возникло ощущение, что это был своего рода удлинённый купол, как будто этот человек был заключен в стеклянный колпак, по прочности не уступающий стали.

Внезапно холод исчез. Хотя его руки все еще не пришли в норму, Абдель значительно быстрее взмахнул мечом и послал клинок в отступавшего координатора — на этот раз намного сильнее. Невидимый барьер снова сдержал удар, меч снова безвредно скользнул по его поверхности. Тут Абдель услышал за спиной какой-то шорох, но не понял, что это Маи Черар снова вознамерился напасть на него, пока через мгновение в момент замаха его меч случайно не попал в правый глаз назойливого пирата.

Маи Черар с диким воплем схватился за лицо, и Абдель, пожимая плечами, порадовался этой маленькой частичке удачи в разочаровывающе длинной полосе неудач. Полуослепший моряк выронил кинжал и, шатаясь, отступил назад, по-видимому решив предоставить координатору выяснять отношения с Абделем в одиночку.

Координатор громко рассмеялся, а когда Абдель предпринял новую попытку разрубить его надвое, он чуть пополам не сложился от хохота.

— Будь ты проклят, — взревел Абдель. — Кто ты вообще такой?

— Я координатор, — смеясь, ответил человек таким тоном, будто рассказывал смешную байку в трактире у камина.

Абдель ударил снова, и на сей раз тяжелый меч отлетел от барьера несколько иначе. Абдель был уверен, что клинок смог слегка пройти невидимый щит.

Их глаза впервые встретились, и мерцающий злобой взгляд координатора еще сильнее разозлил Абделя.

Он взревел от ярости — и от этого почему-то почувствовал себя намного лучше — и ринулся на координатора. Он нанес хлесткий удар, целясь координатору в живот, и лезвие проникло под щит на целых три дюйма, чуть не разрезав магу одежду. Тот пожал плечами и отступил на шаг, затем еще на два, а потом вовсе повернулся и выскочил в дверь. Абдель рванулся за ним, вознамерившись окончательно раздолбить волшебный барьер и пустить тому кровь.

Они проскочили узкий, плохо освещенный коридор, и когда координатор исчез в какой-то комнате, Абдель помешкал секунду, прежде чем последовать за ним. Ему было необходимо много места, чтобы нанести хороший удар, который наконец-то покончит и с магическим щитом, и с этим самодовольным ублюдком, который прячется под ним.

Но то, что Абдель увидел в комнате, заставило его споткнуться.

— А ты не слишком-то умен, юноша, — хмыкнул координатор.

Абдель, уверенный в своей победе, не стал отвечать, и позволил себе потратить пару секунд на то, чтобы удостовериться, что он ему не померещилось то, что он мельком заметил, входя в комнату. Комната была большой, а потолок еле просматривался на высоте, более чем в три раза превосходившей значительный рост Абделя. С потолка свисали несколько тяжелых черных железных цепей. На некоторых цепях болтались железные клетки размером не больше гроба. Железные девы, Абдель знал их название. Всего их тут было примерно с полдюжины. Две из них были уже заняты.

— Абдель! — воскликнула Имоэн из одной из них. — Абдель, что ты тут делаешь?

— Что я тут..? — возмутился было Абдель, но осекся, посмотрев на вторую клетку и заметив в ней Джахейру. Ее лицо было закрыто одной из тех ужасных стальных масок, которые не давали ей говорить — или накладывать заклинания. Впрочем, ее глаза ясно сказали Абделю: она рада видеть его, но очень боится за него.

— Ты пришел ко мне, сын Баала, — хохотнул координатор. — А они уверяли, что тобой невозможно манипулировать.

Абдель вздохнул и занес меч. Перед тем, как напасть, он оглянулся на Джахейру, затем торопливо улыбнулся Имоэн.

— Снеси ему голову, Абдель, — воскликнула она.

Имоэн всегда верила в него.

— О да, давай, снеси мне голову, Абдель, — снова рассмеялся координатор.

Абдель пристально посмотрел на невооруженного человека, а затем сделал ложный выпад, как будто действительно собирался буквально выполнить предложение Имоэн. Координатор слегка вздрогнул. Любой, даже обученный боец, среагировал бы на этот маневр каким-нибудь способом. Это и была причина, по которой Абдель предпринял это действие. Реакция координатора на ложную атаку

подсказала бы Абделю, как он будет реагировать на настоящую, и соответственно продумать тактику боя. Единственная вещь, которой Абдель никак не ожидал — этот человек не отреагировал вообще никак.

— Я здесь, — саркастически подсказал координатор.

Что ж, пусть будет так. Абдель возвратил улыбку этому странному человеку и снова, уже в который раз, занес тяжелый меч. И почти сразу же атаковал его быстрой восьмеркой. Взгляд координатора дернулся вслед за клинком, но он не сделал ни малейшей попытки сотворить заклинание. Абделю было достаточно знакомства с ледяным прикосновением и невидимым щитом, чтобы понять, что этот человек был магом. Он был не вооружен — по крайней мере, физическим оружием — но это не значило, что он не был смертельно опасным. Однако по опыту Абдель знал, что самому эффекту заклинания всегда предшествует какое-то бормотание, размахивание руками или что-то в этом роде. А координатор даже не пытался делать что-то подобное.

Но тем не менее Абдель полагал, что долго это не продлится, и был преисполнен решимости разделаться с назойливым магом как можно быстрее. Тем более что Имоэн и Джахейра находились здесь же, стало быть необходимость заниматься их поисками отпадала. Хотя Абдель питал некоторую надежду сначала выбить из мага ответы на некоторые вопросы, например, зачем он похитил обеих женщин и таким образом заманил его к себе в гости. Вообще-то Абдель предполагал, что Джахейра знает ответы, по крайней мере, на некоторые из этих вопросов, а даже если и нет, то не велика потеря. Потому что и так было ясно, что координатор — кто бы он там ни был — был очередным злым гением, помешанным на мировом господстве, по непонятной причине решившим, что особое происхождение Абделя поможет ему стать Императором Фаэруна.

Переважив все эти мысли, Абдель пришел к выводу, что лучше всего будет просто убить издевающегося мага, плюнув на ответы.

Вознамерившись привести план в действие, он быстро шагнул вперед и сделал прямой выпад, и в полной уверенности, что сейчас все вокруг забрызгает кровью, даже позволил себе прикрыть глаза. Однако ничего подобного не произошло, и Абдель почувствовал, как его брови помимо воли поползли вверх. Координатор, все еще улыбаясь, попросту отпрянул назад от кончика тяжелого клинка Абделя. Будучи подготовленным к такой реакции, Абдель тут же шагнул вперед-влево и нанес очень быстрый удар слева направо, целясь по ногам мага.

Не прекращая улыбаться, координатор изобразил прыжок, достойный профессионального танцора, так быстро отскочил с линии удара, что клинок пролетел в целом дюйме от его ног. Абдель никогда не видел, чтобы кто-нибудь перемещался с такой скоростью. Вспышка желтого света промелькнула в глазах Абделя, и его меч резко увеличил скорость очередного удара.

Во взгляде координатора мелькнуло беспокойство. Его губы шевельнулись, произнося одно-единственное короткое слово, и он исчез.

— Сза... — воскликнула Имоэн.

Абдель развернулся так быстро, что чуть не сломал себе шею. Координатор обнаружился стоящим в противоположном конце большой комнаты, почти не освещенном светом факелов.

— ...ди!

В течение одного удара сердца Абдель смотрел на Джахейру, чья клетка висела прямо перед координатором, и принял решение. Со всей доступной скоростью он понесся на координатора, выставив меч как копье. Он снова посмотрел на Джахейру и заметил в ее глазах замешательство и доверие, которое ему еще предстояло оправдать.

— Давай, — издевательски поощрил его старания координатор. — Давай, подойди и убей меня, головорез.

Маг издал короткий лающий смешок и шагнул навстречу бегущему Абделю, очевидно намереваясь встретить его где-нибудь посередине. Но, к великому удивлению координатора, Абдель на полпути высоко подпрыгнул и вцепился в дно клетки Джахейры с такой силой, что клетка сильно закачалась. Джахейра врезалась лбом в холодные железные прутья, а Абдель, не теряя времени, повис на левой руке, перехватив меч в правую. Координатор остановился почти под ним и стал бормотать что-то подозрительно похожее на заклинание.

Приготовившись, насколько возможно, к очередному знакомству с магическими талантами координатора, Абдель отвел правую руку назад и поудобнее перехватил меч. Но как только он нашел глазами замок клетки, на него внезапно упала тьма. Теперь возможность разнести замок отпадала, так как вместо замка он мог попасть по Джахейре, а перспектива ранить или убить ее отнюдь не приводила Абделя в дикий восторг.

— Это было легко, — донесся снизу насмешливый голос координатора.

Зная, что до пола было приблизительно восемь футов, Абдель отпустил клетку и тяжело приземлился на пол, при этом умудрившись удержать меч перед лбом, чтобы предотвратить любые попытки расколоть ему череп. Темнота вокруг была абсолютной. Он не мог видеть даже клинок, который по идее должен быть перед лицом. Да что там клинок — даже носа не было видно.

— Абдель... — закричала Имоэн. Звук ее голоса — юный, встревоженный, нетерпеливый — навевал ностальгические воспоминания о спокойных днях в безопасности стен Крепости Свечи. «Что же все-таки она здесь делала?» — Абдель, я не вижу тебя!

Сверху донесся приглушенный звук, как-то ненавязчиво наводя на мысль, что Джахейру тоже очень занимает этот вопрос. А возможно, она пыталась сказать ему, чтобы он все-таки попытался освободить ее, даже если и был риск для ее жизни.

— Ты прибыл сюда как раз тогда, когда понадобился мне, — сказал координатор, но его голос эхом отразился от стен так, что для Абделя оказалось невозможно установить его местонахождение в царящей вокруг него абсолютной тьме. — Ты можешь сколько тебе влезет махать мечом, делать все что хочешь — даже освободить дам — но убить меня ты не сможешь, да и убежать отсюда тоже. В итоге ты послужишь моим целям, даже если нам придется еще какое-то время играть в эту дурацкую игру. В конце концов, время у меня есть.

Это было за три года до сегодняшнего дня, в Роарингшоре, когда Абдель нанялся охранять торговый караван из Кхелдривера. Караван перевозил прекрасное вино. Это была достаточно легкая работа — вряд ли кому придет в голову украсть вино на дороге между Роарингшором и Кхелдривером, так думал хозяин каравана. К

сожалению, он не принял в расчет некую группу священников Селунэ, которые возжелали позаимствовать вино для своего храма. Священники напали на караван, когда он проходил Тролльи холмы. Одно из заклинаний, которые использовали священники в тот день, было как раз таким, с которым столкнулся сейчас Абдель. Сфера тьмы упала на фургон. В тот день Абдель сумел найти путь из сферы тьмы, который, к счастью для него, закончился в нескольких дюймах от края обрыва. Предположив, что это такое же заклинание и, соответственно, целая комната не была затемнена, Абдель выбрал направление и рванул к ближайшему, по его мнению, краю сферы.

— Выходи и умри. Ты не единственный, — раздался голос координатора. — Кстати, я полагаю, ты постоянно задаешь себе вопрос — «почему Имоэн?»

Абдель чуть не споткнулся от удивления, но продолжил движение к границе сферы. Внезапно он оказался за пределами тьмы, и координатор поспешно отошел подальше.

Абдель огляделся и, заметив координатора, многозначительно перехватил поудобнее меч.

— Очередное вранье, — процедил он.

Координатор, улыбаясь, пожал плечами и двинулся к клетке, в которой сидела Имоэн.

— Что здесь происходит, Абдель? — нетерпеливо спросила девушка.

— Ты не единственный, парень, — смеясь, сказал координатор. — В ее жилах течет та же кровь. В ее жилах течет кровь Баала, а мне хватит и одного из вас. Хотя я предпочел бы обоих.

— Вранье, — прокомментировал Абдель, от души надеясь на обратное. Не в состоянии помочь, он просто смотрел на Имоэн, которая выглядела запутавшейся, утомленной, грязной девочкой.

— Абдель? — спокойно спросила она.

Координатор тем временем начал что-то бормотать. Абделю показалось, что в начале прозвучало что-то вроде «из вен», но остальное вообще прозвучало как какая-то тарабарщина. Догадавшись, что маг читает новое заклинание, Абдель понял, что у него нет иного выбора, кроме как броситься на врага в надежде, что успеет добежать до него прежде, чем заклинание сработает.

И он почти успел.

* * * * *

Кто-то запихивал его тело в железную клетку.

Звук стал более отчетливым, и Абдель услышал приглушенный голос, возможно принадлежавший Джахейре, и, судя по всему, она все еще была в маске. Он подвел ее. О, как же он подвел ее!

Человек, который запихивал его тело в клетку, стоял за тем местом, над которым порхала бессмертная душа Абделя. Абдель попробовал говорить, но не нашел ничего, что ощущалось бы как рот. Потом он заметил кровь, сочившуюся откуда-то на его мертвое тело.

Когда его труп засунули в клетку, Абдель задался вопросом, зачем кому-то надо запирать мертвое тело в железную клетку. Руки явно не принадлежали

координатору. Они были слишком грубыми и грязными. Да и сочащаяся кровь наводила на мысль, что этот человек должен быть Май Черар, у которого все еще кровоточил выбитый Абделем глаз.

Если это был Май Черар, мысленно усмехнулся Абдель, его душа бы сейчас шарахнулась куда-нибудь подальше от этого вонючего пирата.

Руки схватились за цепь и начали медленно тянуть, с трудом справляясь с весом тела. Железная клетка медленно поднялась к потолку.

— Я знаю, ты слышишь меня, Абдель, — прозвучал голос координатора. Он, казалось, говорил со дна колодца — или это Абдель был на дне колодца? — Я скоро верну тебя в твое тело, сын Баала. Ты должен быть целым, чтобы служить мне. А еще ты познаешь очень сильную боль.

Глава 10

Нормальная, вполне счастливая жизнь Имоэн десять дней назад стала буквально адской смесью скуки, боли и ужаса. Причем сейчас доминировал последний.

Неожиданное появление Абделя принесло огромное облегчение и надежду. Конечно, ей пришлось довольно долго ждать, пока пожалует этот так называемый «Герой Врат Балдура» и примется ее спасать. От этой его новой подружки пока было мало толку, впрочем, неудивительно, ведь ее мало того что связали, так еще и рот заткнули зачем-то. «Координатор» — он назвал себя Айреникус, имя, которое, похоже, он сам себе присвоил — был чокнутый лунатик с мощными магическими способностями, но, к счастью, он совсем не мог контролировать свое превосходившее по величине Хребет Мира самомнение, а заблуждения так глубоко въелись в его изъеденную червями душу, что было непонятно, как он может управлять кем-то, чей интеллект превышает интеллект сковородки.

Сидение в железной клетке было далеко не безболезненным, впрочем, как и кожаный ошейник, цепи, веревки, и холодные руки целой оравы вампиров. Кормили пленников редко, а когда все же кормили, то только кашей, очевидно приготовленной поваром, разбавившимся в кулинарии не больше, чем, скажем, сахагины в скалолазании.

Абдель ворвался в комнату, грозно размахивая сверкающим мечом, но позволил себя убить. Он успел сделать всего несколько шагов от сферы тьмы и был повержен другим заклинанием. Имоэн уже приходилось раньше видеть, как умирали люди. Толстый Регинелд, монах, которого она знала с детства, замертво упал, сраженный сердечным приступом, войдя к ней во время ее купания, и эта смерть тяжелым грузом легла на ее сердце. Йорик — другой монах — упал с вершины святилища Огмы, хотя никто и понятия не имел, как он вообще там оказался. Все попытки вдохнуть жизнь в его измочаленное тело ни к чему не привели, и многие в Крепости Свечи решили, что Огма предпочитает оставить его мертвым по каким-то причинам.

Смерть Абделя больше походила на смерть Регинелда, чем на смерть Йорика. Его тело просто тихо осело на пол.

Имоэн зарыдала, когда поняла, что он мертв. Но пока какая-то часть ее оплакивала Абделя, другая часть возмущалась изо всех сил. «И это был могучий Абдель? Наемник, победивший Саревока, сына Баала, и спасший Побережье Меча от многих лет кровавой войны? Айреникус же был магом, так зачем, во имя Девяти Адов, Абдель понесся на него, размахивая мечом? Хотя, — тут же подумала Имоэн, — а что, собственно, еще ему оставалось делать? Айреникус очевидно воспользовался каким-то заклинанием смерти. Маги имели множество творческих, драматичных, болезненных и оскорбительных способов избавляться от противников».

И тут Айреникус объявил мертвому телу Абделя, что он не был по-настоящему мертв, а затем приказал своему прихвостню запереть Абделя в его железной клетке.

В голове Имоэн вспыхнул маленький лучик надежды, хотя и необоснованной. Ведь Абдель теперь в любом случае заперт, так же как она и Джахейра. Но ей все равно казалось, что если бы он был жив, у них был бы хоть какой-то шанс. Она уже видела, как он гнул металл, более прочный и толстый, чем прутья висящих клеток. Могущественному, но все же зависящему от своих заклинаний Айреникусу не поздоровилось бы, если бы Абдель смог дотянуться до него кулаком или клинком.

А тут еще эта басня о том, что она была сестрой Абделя — ну или наполовину сестрой. Не то чтобы она нуждалась еще в каких-то доказательствах того, что Айреникус давным-давно свихнулся, но здесь было еще и заблуждение, причем бессмысленное. Допустим, она всегда знала, что была удочерена, что добрый старый владелец гостиницы по имени Винтроп не был ее родным отцом. В Крепости Свечи было много сирот — и это было далеко не все, что делали монахи.

Она слышала, что Абдель был сыном какого-то мертвого бога, но... это что, означает, что каждый сирота в Крепости Свечи был сыном или дочерью бога? И выходит, что Крепость Свечи — место обитания сонма полубогов, так что ли? Чушь какая-то.

Кроме того, если бы она была дочерью какого-то мертвого бога, разве не унаследовала бы она хоть частичку его силы? Разве не должна она уметь ну хотя бы пленять мужчин — богини вроде как на такое способны, разве нет? А еще она должна была бы уметь, например, поднять валун или противостоять дыханию дракона (к счастью, это у нее не было возможности проверить), или сделать хоть что-нибудь, лежащее вне пределов возможностей обычных людей.

Имоэн была вполне смертной.

Она прекратила задавать вопросы лишь много времени спустя. Айреникус почти никогда не отвечал на них, но когда отвечал, то это всегда было какое-нибудь саркастически тонкое замечание, которое ничего ей не объясняло и казалось специально придуманным, чтобы или разжечь любопытство, или заставляло чувствовать себя еще хуже. Имоэн никогда не была слишком любопытной, так что намного хуже от ответов Айреникуса ей не стало, и игра быстро наскучила обоим.

— Когда ты оживишь его? — требовательно спросила она. — Давай побыстрее, чего ты еще ждешь!

Айреникус остановился и посмотрел на нее. На мгновение их глаза встретились, затем он моргнул и вернулся к прерванному занятию.

«Мужчины, — подумала Имоэн, — они иногда такие ублюдки».

* * * * *

Имоэн безразлично наблюдала за приготовлениями к ритуалу. Этот странный человек продолжал свою странную возню; возню, которая безусловно закончится ее смертью. Страх временно отступил, осталась только скука; Имоэн решила провести свой последний час на попытку как-нибудь выбраться из этой проклятой клетки и попытаться спастись.

Комната была освещена факелами, множеством свечей, да еще в придачу множеством жаровен, которые довели воздух в комнате чуть ли не до кипения, и она обливалась потом. Рассматривая прутья клетки, Имоэн заметила, что другая женщина — женщина Абделя — тоже искала слабые места в прутьях или основании своей клетки и ничего не нашла. Судя по всему, она тоже страдала от жары. Абдель, голый и то ли спящий, то ли без сознания — причем скорее без сознания — тоже обливался потом. Он так ни разу и не открыл глаз, даже когда люди Айреникуса готовили его к ритуалу.

К моменту начала песнопений Имоэн уже была скорее раздражена, чем испугана. Звуки песнопения трудно было назвать приятными. Через некоторое время ей стало казаться, что это продолжается уже несколько дней подряд, хотя прошло от силы несколько часов. Вот они стали передвигать ее клетку, и все, что ей осталось делать, это разве что стараться сохранить равновесие в крутящейся клетке, чтобы не приложиться лицом о прутья. У нее мелькнула идея как бы случайно раскачать клетку и таким образом нечаянно уронить ее на слуг Айреникуса, но попытка с треском провалилась. Мужчины, которые помогали Айреникусу, явно были безумны — некоторые вообще бредили — и все поголовно ужасно воняли. Кое-кто из них смотрел на нее с открытым голодом в глазах и когда Имоэн это заметила, то помимо крутящейся клетки пришлось бороться еще и с тошнотой.

Они подтащили ее клетку близко достаточно близко к Абделю, чтобы она поняла, что он жив, и надежда вспыхнула в ней с новой силой. Первые несколько минут ритуала она была в сознании. Потом были только звуки пения, бормотания, ропота, ворчания — и свет, жара и разрывающая, иссушающая боль. Имоэн помнила только, что сначала кричала что-то, затем взорвалась смехом, затем ударилась в слезы.

Айреникус пробормотал что-то вроде: «Это происходит. Это действительно происходит».

Все перед глазами Имоэн расплылось, стало желтым, затем расплывчатость постепенно исчезла. Она видела мельчайшие трещинки на камнях, но никак не могла понять, что она видит. Вот трещина в одном кирпиче в дальнем углу комнаты или, может, это какой-то огромный каньон, на который она смотрела с огромной высоты. Айреникус захохотал, и все перед ее глазами опять стало желтым, а потом она услышала рев Абделя и ее тело чуть не загорелось, затем стало теплым, влажным, затем как будто сжалось.

Внезапно все чувства исчезли и осталось только одно. Она хотела убивать. Она жаждала этого. *Смерть. Убийства. Боль.*

Она хотела найти кого-нибудь ценимого и любимого окружающими и убить его или ее. Хотела заставить кого-нибудь кричать. Хотела почувствовать в руках горячее мясо, в то время как кричащая жертва — ее жертва — корчилась бы в ее руках. Она

хотела, чтобы кровь потекла по ее лицу, наполнила ее рот, растеклась по груди и по всему телу. Хотела погрузиться в кровь и купаться в криках.

Она закричала прямо в непроницаемую тьму перед глазами. Это было единственное слово, слово, которое никогда ничего для нее не значило:

— Отец!

Но ее голос был какой-то неправильный; ее тело тоже ощущалось неправильно. Она услышала кого-то, возможно, это был лев или дракон, или Бог Убийств, кричавший в гневе и муке рядом с ней, и звук придал ей сил. Ее руки теперь стали больше, она вся теперь стала больше, и клетка не могла вместить ее — она даже не осознавала, что была в клетке.

— ...слишком много, — говорил мужской голос рядом с ней — ...слишком быстро, я не могу... — а затем послышались хлюпающие звуки, которые заставили Имоэн злобно улыбнуться, и она потрянула клетку с огромной силой, которой, как она знала, никогда не обладала.

Тоненький голос, подобный голосу ребенка, дошел до ее сознания, и она с трудом узнала в нем собственный голос.

— Чем я стала? — спросила Имоэн себя, и то, во что она превратилась, в ответ на этот вопрос запахало в рот голову одного из обитателей убежища и стало ее смаковать. С чавкающим хрустом лопнул череп, мозг растекся во рту — и это было так приятно.

Через дикий желтый туман Имоэн увидела вспышку света, затем услышала, как кто-то произнес: «Он оставил нас! Он...» Затем она снова стала кормиться горячей, восхитительно вкусной кровью и хотела еще, еще, еще!

Глава 11

Джахейра висела в угловой клетке и изо всех сил боролась с желанием закричать. Борьба с попеременным успехом продолжалась почти час.

Раньше ей случалось видеть такие вещи — искусные трансформирующие заклинания, которые изменяют форму или сущность человека. Она и сама проходила через подобные трансформации, принимая форму животных — это было частью ее обучения как друида. Заклинания не шокировали ее. Сверхъестественное не пугало ее, лишь изредка удивляло. Она была свидетелем многих ритуалов, была знакома со многими религиями Фаэруна и знала много путей, которыми шли люди в своем почитании богов. Когда начался ритуал, она поняла, что ожидать здесь можно что угодно. Но никак не была готова к тому, чему стала свидетелем.

Боги когда-то посещали реально существовавшие области Фаэруна. Она сама посетила некоторые из тех мест. Боги были реальны. Ей приходилось много раз чувствовать мощь Миликки, и она знала, как призвать силу богини для сотворения удивительных и прекрасных вещей.

То, чему она стала свидетелем, не было ни удивительным, ни прекрасным. Это было просто... неправильно.

Абдель и Имоэн были превращены в монстров.

Джахейра не любила это слово — монстры. Это было слишком грубое слово. Что делало животное монстром? Были ли животные-монстры угрожающими или опасными для людей? Возможно, но ведь такие монстры вели себя подобно животным, разве не так? Когда они хотели есть, они ели. А некоторых называли монстрами просто чтобы придать видимость справедливости их убийству. Джахейра ненавидела называть кого-нибудь монстром, но именно их Айреникус и создал в этом подземном аду. Монстры. Эти существа были отвратительными противоестественными тварями.

Он сделал это нарочно, этот Айреникус. Ритуал был предназначен для их преобразования. Он сделал это нарочно, но Джахейра — да и некоторые из его собственных безумных прихвостней — видели, что он зашел слишком далеко. Он превратил Абделя и Имоэн в отвратительных гадов, но не мог контролировать их.

Животные убивают каждый день — ради пищи или защиты. Это была часть милости Миликки — естественный порядок вещей. Но это было совсем другое. Эти твари, убивающие для удовольствия — злобного удовольствия — не имели ничего общего с естественным порядком вещей.

Когда Айреникус завершил ритуал, то, к его безмерному удивлению, твари быстренько разобрали клетки на куски и принялись за его прислужников. Все, что ему оставалось, это быстро пробормотать заклинание и исчезнуть за долю секунды до того, как тварь, которая была Абделем, принялась за него.

Они убили всех сумасшедших, а затем стали возвращаться к своему нормальному виду. Конечно, это произошло не так быстро. Злая сила уходила из них медленно и очень неохотно. Джахейра знала, что осталась жива благодаря невероятной удаче. Она знала, что Абдель любил ее, и никогда не станет просто так смотреть на то, как на нее надвигается опасность; но с другой стороны, он был полностью трансформирован, и любовь, возможно, не защитила бы ее. Так что иначе как крупным везением это никак нельзя было назвать.

Когда они вернулись к своему нормальному облику и вытащили ее из клетки, то первое, что они сделали, это быстро покинули эту комнату. Они находились в сумасшедшем доме на острове, недалеко от Аткатлы, но это место представляло собой какой-то бесконечный лабиринт проходов и комнат, камер и коридоров, так что заблудились они практически сразу. Это было самое худшее место, где довелось побывать Джахейре, и даже несмотря на идущего сбоку, нормально выглядевшего, целого и невредимого, пусть уставшего и сконфуженного, Абделя, она боялась того, что вот-вот из-за угла выскочит что-нибудь неприятное.

Единственная вещь, которая крутилась в нее в голове помимо мыслей о том, как спастись, была простым вопросом: «почему не я?». Айреникус трансформировал Абделя и Имоэн, но почему не тронул ее? Не то чтобы она так уж сожалела об этом, но все-таки эта мысль не давала ей покоя. Возможно, до нее просто не дошла очередь, так как Айреникусу пришлось бежать подальше прежде, чем он успел взяться за нее вплотную. Абдель и Имоэн были трансформированы одновременно одним и тем же ритуалом, так почему же за компанию не трансформировали и ее? А может, этим ритуалом можно трансформировать только двоих за раз? Или все-таки было что-то еще? Кровь мертвого Бога Убийства течет в венах Абделя, это факт. Так

что еще можно понять, почему этот сумасшедший захватил его, но при чем тут Имоэн?

Что вообще происходит и зачем этот человек сделал все это? И зачем только некоторые создают монстров, которыми даже и управлять-то не могут? Зачем?

* * * * *

— Я-то думал, ты знаешь, — хмуро бросил в ответ Абдель.

Джахейра отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

— Я за то, чтобы просто убраться отсюда, — вмешалась Имоэн, безуспешно пытаюсь унять дрожь в руках.

— Я и знать даже не хочу то, что тут происходит, — поддержал Абдель. — Я не хочу знать, какую выгоду он собирался извлечь из нашей трансформации. Конечно, если по дороге отсюда мы наткнемся на него, я с удовольствием сверну ему шею. Если же этого не произойдет — и ладно, мы просто выберемся из этого сумасшедшего дома и отправимся во Врата Балдура. Я лишь хочу спокойно жить, будь оно все неладно.

— Ага, — пробормотала Имоэн. — Ну-ну, размечтался.

Абдель нахмурился, но ничего не ответил.

— Этому Айреникусу что-то надо, — сказала Джахейра, поворачивая в очередной коридор в этом, по ощущениям, бесконечном лабиринте комнат и переходов. — Не можем же мы просто позволить ему...

Сильный удар в голову прервал ее страстную тираду, и Абдель увидел, как она отлетела в сторону, безуспешно пытаясь сохранить равновесие, но врезалась в стену и тяжело сползла на пол. Имоэн, взвизгнув, шарахнулась в сторону, и со всего маху врезалась в Абделя. Существо, атаковавшее Джахейру, выскочило из бокового коридора и попыталось сграбастать Имоэн. Та инстинктивно отшатнулась, дав Абделю пространство для маневра, и он не стал терять времени даром.

Тяжелый кулак с размаху въехал в широкую, свиноподобную морду нападавшего. Абдель почувствовал под кулаком грубую кожу и немало размера клык. Эти приметы и последовавшие вслед за ударом несколько выражений, произнесенных со специфическим акцентом, позволили Абделю идентифицировать мишень как орка, и он с удовольствием еще раз попотчевал его своим огромным кулаком. Тварь сползла на пол, но еще до того, как орк упал, Абдель вырвал у него из руки тяжелый широколезвенный клинок и приготовился во всеоружии встречать следующего нападавшего.

Им оказался огромный минотавр, который, вынырнув из-за поворота, без раздумий напал на Абделя, оттеснив его в плохо освещенную тесную комнату. Человекобык нанес неуклюжий удар, явно намереваясь выпустить Абделю кишки, но наемник легко отклонил лезвие топора быкоголового противника мечом орка. Однако в результате Абдель оказался слишком близко к минотавру, и тот моментально воспользовался этим, с удивительной для него скоростью боднув Абделя в шею. Наемник, прошипев проклятие, отступил на шаг назад и в сторону, борясь с желанием схватиться за ушибленное место. Минотавр тут же нанес ему боковой удар топором в грудь, и Абдель еле успел увернуться, неловко отшатнувшись назад. К сожалению, человекобык оказался не настолько туп,

насколько выглядел. Он мгновенно схватил Абделя за руку и стал выкручивать ее, пытаясь заставить его уронить меч.

Хотя Абдель и не мог воспрепятствовать попытке своего противника обезоружить его, но вцепиться локтем тому в подбородок он мог, и именно так и поступил. Удар попал в цель, на секунду оглушив быкоголового, но меч все-таки вывалился из руки Абделя и со звоном упал на каменный пол.

Вырвав руку из лапы минотавра, Абдель быстро нагнулся и попытался схватить упавшее оружие. Но человекобык, проявив силу мысли, близкую к гениальности, попросту отвесил по мечу такого пинка, что тот с душераздирающим лязгом отлетел в противоположный угол комнаты, исчезнув под свисающей со стоящего там стола какой-то пародией на скатерть.

Наемник, не теряя времени, быстро выпрямился, мимоходом заехав минотавру в челюсть, и быстро отскочил от него на несколько шагов; ошеломленный силой удара, человекобык, держась за челюсть, так и остался столбом стоять посреди комнаты.

Видя, что он не нападает, Абдель позволил себе быстро оглядеться по сторонам и от увиденного зрелища его брови удивленно поползли вверх.

В одном углу комнаты стояло что-то вроде стола с привязанным к нему голым человеком. Он был в сознании, но, очевидно, был безумен. Его челюсти были туго стянуты кожаным ремнем, глаза пустыми, взгляд отсутствующим. Он не предпринимал никаких попыток вырваться. Его виски и лоб были охвачены стальным обручем, от которого отходила какая-то странная штука, похожая на толстую медную ленту, которая тянулась почти через всю комнату и исчезала в огромном стеклянном резервуаре, который занимал примерно треть комнаты. Резервуар был полон зеленоватой воды, издававшей резкий запах морской воды. Темные тени, похожие на толстых, коротких змей, лениво плавали кругами, иногда сталкиваясь со стенками резервуара.

— Что это за место? — испуганно-удивленно спросила Имоэн.

— Очевидно, еще одна из игровых комнат Айреникуса, — ответил Абдель, настороженно следя за человекобыком и одновременно пытаясь придумать, как бы извлечь меч из-под стола. — У нас нет причин сражаться, минотавр.

Тот громко засопел и закрыл глаза, как будто пытаясь увернуться от слов Абделя, а затем высоко занес свой топор и стал быстро наступать.

Будучи безоружным, Абдель засомневался, что переживет эту атаку. Найти выход из данной ситуации было ой как не просто, поэтому Абдель решил использовать первое, что пришло на ум. Пождав, пока минотавр не приблизится на расстояние удара, чтобы убить его, он просто бросился ему под ноги. Тяжелая туша, споткнувшись, чуть не вышибла из него дух, и, потеряв равновесие, с разгона влетела прямо в стену позади наемника. Через мгновение с радующим уши Абделя грохотом человекобык растянулся на полу рядом с ним.

Не пожелав любоваться на валяющегося минотавра, Абдель вскочил и, сделав скользящий бросок и проехав на животе несколько футов, запустил руку под стол.

Но до меча добраться все же не успел. Минотавр решил, что просто валяться на полу не интересно, и, приподнявшись на локте, с победным ревом всадил свой топор глубоко Абделю в голень. Но на этом его удача и закончилась. Абдель, проклиная все

на свете, инстинктивно осел на колено и, схватившись руками за топор, дернулся назад, и, зарывав от боли, вырвал топор из рук минотавра. Абдель знал, ему страшно повезло, что лезвие попало в него под таким углом. Если бы оно было направлено немного по-другому, то широколезвенный топор запросто разделил бы ногу на две неравные части. Покидая человекобыка, топор дернулся в голени Абделя, посылая волну боли вверх по ноге, и Абдель с трудом удержал рвущийся крик.

Но неугомонный минотавр даже и не думал прекращать бой. Абдель получил такой удар в лицо, что вместе с топором отлетел далеко в сторону, выпустив из глаз целый фейерверк. Когда полет закончился у противоположной стены, он с трудом перевернулся на спину и с проклятием выдернул из ноги топор.

Ничуть не обескураженный потерей топора, минотавр шустро запустил руку под стол и, выхватив оттуда меч, снова ринулся в атаку. Доблестно игнорируя пылающую боль в ноге, Абдель вскочил на ноги, и от души надеясь, что раненая нога не подведет, нанес человекобыку сильный встречный удар. Лезвия со звоном встретились, и во все стороны полетели искры. Сила удара Абделя оказалась такой, что минотавр отшатнулся на пару шагов назад и врезался в стол, заставив вздрогнуть привязанного к нему человека.

В надежде припугнуть человекобыка, Абдель сделал ложный выпад, но существо ухитрилось рукой оттолкнуть его назад на несколько футов.

Абдель охотно позволил существу оттолкнуть себя, концентрируясь на мече минотавра.

Тот схватил меч обеими руками и вознамерился вскрыть наемнику грудь ударом сверху вниз. Абдель мгновенно бросил боевой топор и, поймав запястья минотавра, резко отпрянул назад, стараясь перебросить его через себя. Но Абдель забыл о большом резервуаре позади себя, так что в результате меч человекобыка ударил по воде, а голова со страшным грохотом ударилась о стекло. Меч попал в одно из плавающих существ, и тело минотавра резко дернулось. Абдель дернулся тоже. Наемник уже испытывал подобные ощущения, когда доппельгангер испробовал на нем мощь какого-то зачарованного кольца на складе во Вратах Балдура. Ощущение было такое, словно каждый мускул скрутила судорога невероятной силы. С человекобыком, по всей видимости, произошло то же самое. Человек, привязанный к столу, несмотря на кляп во рту издал ехидный смешок.

Минотавр содрогнулся и выпустил из рук широкий меч, со звучным всплеском исчезнувший в резервуаре, потом мешком осел на пол и ошарашено уставился на Абделя налитыми кровью бычьими глазами. У Абделя все плыло перед глазами, и он изо всех сил старался не потерять сознание, но особой уверенности в успехе не испытывал. Сзади донеслись звуки чьих-то шагов, но сил хватило только на то, чтобы через силу повернуться и полюбоваться на вошедшего.

Тот был огромен, больше, чем Абдель. Но распахнувшаяся дверь закрыла вошедшего, и наемник не успел толком рассмотреть его.

Затем в комнату вошел кто-то еще.

— Имоэн? — позвал Абдель, вспомнив, что он вроде как тут не один.

— Я здесь, Абдель! — откликнулась Имоэн, но ее голос прозвучал как будто издали, видимо, она все еще была в коридоре. И доносившийся временами лязг стали свидетельствовал, что она явно с кем-то сражалась.

Тем временем вошедший, более напоминавший ходячую гору мускулов, наконец появился в поле зрения Абделя. Ростом около восьми футов, со странно приплюснутой головой, он двигался как-то медленно, хотя и явно осмысленно, походкой напоминая более животное, чем тренированного бойца. После недолгого размышления Абдель решил, что это, должно быть, полуогр.

— Они стараются убить минотавра, — донесся из коридора голос Имоэн. — Орки хотят убить его!

Человекобык встретил полуогра ошеломленным фырканием. Не имея возможности уклониться или заблокировать удар, быкоголовый попытался было отпрянуть назад, но полуогр оказался быстрее, и его огромный кулак с хрустом встретился с мордой минотавра. Глаза человекобыка закатились, и он мешком рухнул на землю. Судя по тому, как он упал, Абдель предположил, что дни минотавра, скорее всего, сочтены.

Абдель так и не понял, с чего вдруг ему вздумалось защищать человекобыка, который всего несколько мгновений назад чуть не отправил его вслед за Баалом, но он вскочил настолько быстро, насколько позволяла раненая нога, и решительно попер на полуогра. Последствия воздействия угрей быстро исчезали, в глазах прояснилось, и он краем глаза весьма кстати заметил отблеск света на стали у себя под ногами.

Ощувив движение себя за спиной, полуогр резко повернулся к Абделю, одновременно замахиваясь кулаком размером с приличный окорок, Абдель мгновенно осел на колени и потянулся за валявшимся на полу боевым топором. Мгновение спустя кулак полуогра просвистел над головой Абделя, но лишь слегка задел его взметнувшиеся длинные черные волосы.

Пальцы Абделя крепко сомкнулись на рукоятке топора, и он быстро откатился в сторону, благополучно избежав сильного, но медленного пинка. Привстав на одно колено, он быстро размахнулся, выбирая на теле своей огромной медленной мишени место для удара. И через мгновение он вогнал топор под колено полуогра. Лезвие попало в цель, вызвав поток воплей и крови. Колено полуогра подогнулось, и он тяжело рухнул на землю. Абдель перекатился, уворачиваясь от падающей туши, и вскочил, оказавшись спиной к двери.

Он не увидел, кто именно вошёл следующим, но при помощи бокового зрения смог предположить, где находится лицо второго противника. Абдель с силой выбросил правый локоть назад и резко отдернул. Он почувствовал грубую потную кожу и очертания клыка под нижней губой. Орк, которого он ударил, издал тихий хрипящий звук и рухнул на пол с грохотом дерева по камню.

Абдель посмотрел назад и вбок, пытаясь разглядеть, кого только что ударил. Это было не самым разумным поступком, понял он, когда жёсткие костяшки кулака полуогра с силой врезались в его подбородок. Перед глазами взорвались цветные огни. Он удержался в сознании лишь благодаря чистой силе воли, но удар заставил сработать какой-то запоздалый рефлекс, вынудивший Абделя выронить секиру.

Встряхнув головой, чтобы прийти в себя, наёмник увернулся от второго удара медленно встающего огра и резко пнул его правой ногой. Пинок пришёлся в повреждённое колено, и Абдель вонзил носок в зияющую рану. Полуогр завопил от боли и ярости, потом завалился назад. Громила сделал шаг назад, пытаясь удержать

равновесие, но в итоге просто продлил своё падение на пару шагов. В падении его развернуло, и в конце концов полуогр распластался на груди прикованного к столу мужчины.

В поисках секиры Абдель посмотрел на пол и увидел, как оружие хватает минотавра. Они оба вскрикнули от неожиданности, когда из ниоткуда вылетел длинный кусок ржавой цепи и обмотался вокруг секиры. Оружие выдернули, едва человекобык успел коснуться его кончиками пальцев. На другом конце цепи стоял тощий зеленокожий орк, одетый только в тесные штаны и обёрнутый вокруг головы разноцветный платок. На лице орка красовалась грубая татуировка, изображающая русалку.

«Пират», — подумал Абдель.

Орк-пират с силой дёрнул цепь, вырывая топор. Абдель, бросился на нового противника, едва восстановив равновесие. Движение испугало татуированного орка, и его цепь полетела прямо в голову хозяина. Казалось, что он намерен сам схватить секиру. Вместо этого оружие выскользнуло и со всплеском упало в резервуар с угрями.

Два угря испуганно заметались, и привязанный к столу человек немедленно отреагировал. Его грудь и спина напряглись так резко и с такой силой, что полуогр — который, должно быть, весил не меньше четырёхсот фунтов — слетел с его груди и рухнул на пол, скорчив гримасу. Голова заключённого резко дёрнулись. Палец полуогра попал под кожаный кляп, и когда тот падал, кляп сорвался с лица привязанного.

Абдель двинулся к резервуару. Хотя он по-прежнему не знал, какой силой обладали эти короткие чёрные угри, в его распоряжении было только то оружие, которое оказалось сейчас на дне аквариума из толстого стекла. Он поднял руку, следя за движениями угрей и пытаясь найти меч в мутной зелёной воде. Пальцы почти коснулись воды, когда Абдель услышал какой-то щелчок в стене перед собой. Меньше чем через секунду его что-то ударило в правый глаз — должно быть, камень. Камень казался тяжёлым, грубым и летел очень быстро. Это были ещё цветочки. Оба его глаза закрылись, и из них ручьём потекли слёзы.

— Что за..? — вот и всё, что он сумел произнести.

Абдель поднял единственный зрячий глаз и размытым зрением увидел, как невысокая фигура скрывается за дверью, а затем его внимание отвлёк пират с цепью. Тощий орк быстро вертел цепь над головой и наступал на минотавра. Человекобык плясал на цыпочках, позволяя орку подойти поближе. Пират обрушил цепь вниз, но минотавр сумел ускользнуть в сторону.

Абдель развернулся, моментально забыв про оружие в резервуаре. Он прижал ладонь к пострадавшему глазу, заморгал вторым, пытаясь сморгнуть слёзы, и тут новый камень ударил его во второй глаз.

— Баал тебя прокляни, — выругался окончательно ослепший Абдель.

— Я ей займусь, — крикнула Имозн.

Абдель заставил глаза открыться и заметил размытую фигуру Имозн, отступавшую от двери. Он оглянулся через плечо и вроде бы увидел, как минотавр уклонился от второй атаки пирата с цепью. Орк изменил тактику и ударил цепью понизу. Минотавр перескочил её, подпрыгнув достаточно высоко, чтобы ступнёй

правой ноги с силой ударить в татуированное лицо моряка. Нос орка-пирата взорвался красным пятном, которое, очевидно, было кровью. Абдель снова закрыл глаза. Он услышал, как заострённый кусок кости из носа орка падает на каменный пол. Резная кость ударилась о пол, а через мгновение за ней последовало и лицо потерявшего сознание пирата.

Наёмник почувствовал, как минотавр пронёсся мимо, и открыл один глаз. Было больно, но видеть он мог. Ему сразу же стало интересно, почему не стало ещё больнее, когда человекобык, проносясь мимо, задел серьёзно раненную ногу.

Минотавр вскочил на край резервуара, и в его лодыжку ударил небольшой камень — достаточно сильно, чтобы столкнуть ногу. Существо с оглушительным всплеском рухнуло в воду, откуда раздалось странное шипение.

Человек на столе задрожал, сделал резкий выдох и негромко сказал:

— Неплохо это было вот.

Абдель оглянулся в том направлении, откуда прилетел камень, и немного яснее разглядел невысокую фигуру. Это была женщина-орк в простой белой одежде, уродливая даже для орчихи. Она осторожно заряжала камешек в кожаную пращу. Выглядела она странно, но со своим оружием обращаться умела.

Минотавр выскочил из воды и закричал. Звук был искренним и полным боли, и заставил Абделя повернуться в ту сторону. Абдель услышал свист пращи и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть камень, но недостаточно быстро, чтобы от него увернуться. Камень попал ему прямо в пах, и весь воздух с одним хриплым звуком вылетел из лёгких. Он хотел упасть на одно колено, но мог только стоять.

Секира пролетела над головой Абделя и со звоном рухнула на пол. Абдель посмотрел на неё, затем назад на орка. Человек улыбнулся. Орк улыбнулся в ответ, затем повернулся и со всех ног бросился бежать.

Абдель нагнулся, чтобы взять секиру, и сделал несколько неуверенных шагов к двери. Он посмотрел по сторонам, но обоих орков уже и след простыл.

— Помоги мне, — простонал за спиной минотавр.

Развернувшись, Абдель увидел, как человекобык переваливается через стенку резервуара и с глухим стуком падает на пол. Он сжимал в лапах меч, но даже не попытался атаковать. Его шерсть приобрела необычный серо-чёрный оттенок, тело била дрожь, и минотавр задыхался. Сейчас Абдель легко мог убить его, если бы захотел.

— Абдель? — мягко спросил позади него чей-то голос. — Абдель, ты в порядке?

Наёмник обернулся и увидел в дверном проёме Имоэн, прижимавшую руку к расцветающему на лице синяку. В другой руке она сжимала простой, ржавый короткий меч, который, должно быть, забрала у орка.

— Джахейра? — спросил Абдель, у которого пока ещё не до конца прояснилось в глазах.

— С ней всё будет в порядке, — нетерпеливо отозвалась девушка. — И со мной тоже, спасибо.

— Вас прошу, — сказал другой голос. Абдель повернулся обратно к человеку на столе. С сильным акцентом, смазывая слова из-за распухшего языка, заключённый сумашедшего дома сказал: — Вытащить наконец кто-нибудь отсюда может меня?

Глава 12

Джахейра крепко прижала ладони к вискам. Если она продолжит получать удары в голову, рано или поздно дело закончится постоянной травмой. Но рядом был Абдель, который уже сжимал её в своих сильных руках, и Джахейре сразу стало лучше.

Она бросила взгляд на сидевшего на полу крохотной комнаты минотавра. По спине поползли мурашки. Обычно Джахейра доверяла любым созданиям Миликки до тех пор, пока они не докажут, что недостойны этого, но сейчас поняла, что боится крупного создания.

— Меня вырубил всего на две минуты, — прошептала она Абделю, — а ты уже успел найти нового друга.

Наёмник улыбнулся и сказал:

— Я находчивый.

Имоэн помогла сесть странному обнажённому мужчине на столе. Тот казался спятившим и растерянным.

— Нам нужно выбираться отсюда, — сказала ему Имоэн.

— Это точно, — согласился Абдель, переводя взгляд с безумца на минотавра и обратно. — Драться незачем, правда?

— Драться, сэр, я стану не, — ответил безумец.

Абдель непонимающе взглянул на него, Джахейра устало хмыкнула. Абдель помог ей встать, и она посмотрела на минотавра.

— Координатор, — сказала она. — Мужчина по имени Айреникус, ты его знаешь?

Минотавр с заметной неохотой кивнул.

— Можешь говорить, — сказал существу Абдель.

— Безумцы он, считает мы, — с мягкой улыбкой обратился к Имоэн сумасшедший. — Тебя он если безумец сам спрошу?

— Я умею говорить, — сказал минотавр, не обращая на сумасшедшего внимания.

Имоэн вздрогнула от звука грубого голоса.

— Что здесь творится? — просто спросил Абдель.

Минотавр хмыкнул и пожал плечами.

— Меня создали, чтобы заполнить это место. У вашего Айреникуса есть и другие планы касательно этого лабиринта, кроме желания населить его испорченными вроде вас.

— Но он ушел? — спросила крупного человекобыка Джахейра. — Он сбежал отсюда?

Минотавр кивнул.

— С вместе вампира его отправился Подземье он в, — пробормотал безумец, кивая.

— Вампир? — переспросила Имоэн. — Ты сказал вампир?

— Он отправился в Подземье вместе со своей вампиршей, — перевела Джахейра.
— Зачем?

— Какая разница? — спросил Абдель, не ожидая ответа. — Скатертью дорога. Ему там самое место.

— Его цель — Сулданесселлар, — сказал минотавр, и на сей раз охнула Джахейра.

— Ну, я как скатертью сказал дорога, — произнёс безумец, ложась обратно на стол. — Никогда нужно он кормил как червей не так.

— Сулданесселлар? — спросила Джахейра. Минотавр кивнул, и она добавила: — Не может этого быть.

— А что это? — спросила Имоэн.

— О нас по-настоящему не он заботился никогда, — продолжал безумец. — Устроит вы его, если убьёте меня и найдёте.

— Сулданесселлар — эльфийский город, — объяснила Джахейра. — Неудивительно, что ты о нём никогда не слышала. Это один из самых охраняемых секретов Фаэруна. Это дом тех немногих эльфов, которые ещё не присоединились к Уходу на Эвермит.

Минотавр кивнул, и Абдель спросил:

— Но при чем здесь мы?

— Понятия не имею, — ответил минотавр. — Вы дрались со мной против свинорылых, так что разойдёмся миром. Я рассказал вам всё, что знал.

— Нам пригодилась бы твоя помощь... — начала Джахейра, обращаясь к человекобыку.

Минотавр кивнул, но ответил:

— Ваша цель — не моя цель.

— Расскажи хотя бы, как нам их найти, — попросила Джахейра.

— А стоит ли? — возразила Имоэн, вопросительно глядя на Абделя.

Крупный наёмник вздохнул и сказал:

— Думаю, стоит. Мы не можем отпустить их просто так. За Айреникусом должок после похищения и этого ритуала.

— Лёгко вниз путь, — подсказал безумец, который занялся тем, что пытался вернуть медную полосу себе на лоб. — Он над висящим черепом с дверью пройти вы поворот налево три первый и право коридор пройти.

— Ты понимаешь? — спросил Абдель Джахейру.

Друид кивнула, внимательно слушая инструкции безумца.

— Не идите один тот, — продолжал он. — Он над пришпиленной летучей мышью насмерть с дверью, пройти через. Приведёт к спуску вас.

— Не нравится мне всё это, вот что, — сказала Имоэн.

— Прямо на двери третий найдёте, и идите далеко вниз, потребуется сколько, — продолжал безумец. — Вниз долгий будет путь это.

— Могу представить, — саркастично заметила Имоэн.

Абдель бросил на неё суровый взгляд, но девушка его проигнорировала.

— Подземье попадёте вы когда, — завершил безумец. — Это понять вы.

— Один вопрос, — сказала Имоэн, глядя прямо на Джахейру. — Этот Сулданесселлар того стоит?

— Я была там однажды, — сказала Джахейра. — Там я стала друидом.

— Видимо, это значит «д...»

Имоэн замолкла, когда сумасшедший вскрикнул и слетел со стола.

— Имоэн! — воскликнул Абдель, но девушка уже отскочила назад.

Безумец не спрыгнул со стола — его стащили. С потолка опустились покрытые липкой слизью щупальца и обернулись вокруг моментально застывшего, неподвижного заключённого. Абдель, Джахейра, Имоэн и минотавр одновременно посмотрели вверх и увидели их источник. Минотавр что-то проревел на непонятном гортанном языке.

С потолка свисал вверх тормашками крупный, похожий на червя монстр, состоящий из круглых мясистых мешков. Из похожей на луковицу головы рос веер щупалец.

— Что это такое, именем Девяти Адов? — торопливо отступая, воскликнула Имоэн.

— Гусеница-трупоед, — одновременно ответили Абдель, Джахейра и минотавр.

Как ни странно, но в первую очередь Абделя удивила высота потолка. Хотя, если задуматься, минотавр ведь смог через него перепрыгнуть. В минотавре было восемь футов роста, в Абделе — семь, а значит, потолок должен быть очень высоким.

Он видел дыру в стене рядом с одним из углов помещения, через которую, видимо, и прополз трупоед. Абдель слышал об этих созданиях. Они ползали по самым глубоким пещерам и подземельям, очищая их от мёртвых останков и жертв кровавых сражений. Этот, очевидно, принял безумца за такую жертву.

— Мне, — выдохнул безумец, его челюсть напряглась, силясь выговорить слова, — помогите.

Минотавр запрыгнул на стол и взмахнул своей секирой, прочертив длинную дугу над головой. Одно из щупалец с мокрым стуком упало на стол, и минотавр ловко увернулся от брызг парализующего яда. Трупоед зашипел и отступил в тёмное отверстие под потолком, потащив за собой парализованного безумца.

— Ваша помощь мне не нужна, — сказал минотавр. — Возвращайтесь к своей миссии.

Человекобык не стал ждать, чтобы проверить, послушаются ли Абдель и женщины. Он подпрыгнул, ухватился одной рукой за край отверстия и исчез внутри даже раньше, чем Абдель успел подбежать к столу.

Джахейра остановила его, положив ладонь ему на руку.

— Сулданесселлар, — сказала она. — Айреникус.

Абдель оглянулся на неё и кивнул, затем снова посмотрел в тёмное отверстие и спросил:

— Вы поняли, что бормотал этот сумасшедший?

— Я нет, — признала Имоэн.

— Я, кажется, поняла, — ответила Джахейра.

— Тогда пойдём, — сказал Абдель.

Глава 13

Чудовища собирались съесть их живьём, это Абдель знал наверняка. Чего он не знал, так это того, как собирается их убить.

— Что это за существа? — пронзительно воскликнула Имоэн. — И как мы будем их убивать?

Девушка быстро вскарабкалась на вершину гладкого сталагмита, ловко уворачиваясь от щёлкающих челюстей преследовавшей её жуткой твари.

Абдель следил за ней вполглаза. У него хватало своих проблем. Одно из чудовищ бросилось на него, и Абдель ушёл влево, быстро выбросив руку, чтобы схватить монстра под клацающую нижнюю челюсть и отбросить, прежде чем тот успел откусить Абделю лицо.

Монстры набросились на них во время одного из коротких, нечастых привалов на пути по вьющемуся, как будто бесконечному тоннелю глубоко под землёй. Создания походили на змей или толстых червей, но, судя по всему, состояли из камня. Их странная шкура была очень прочной — те несколько раз, когда Абдель сумел нанести удар, меч едва оставил на ней след — и совпадала с каменной породой вокруг цветом и фактурой. Хотя твари двигались подобно змеям, большую часть их подвижности обеспечивала пара отдалённо похожих на человеческие рук, вырастающих из змеиных тел сразу за толстой головой. В свете импровизированного факела Имоэн блестели пары их холодных чёрных глаз. Под глазами располагалась пропорционально крупная пасть, усеянная треугольными зубами. По тому, как от зубов отражался свет, Абдель видел, что они были бритвенно остры.

Громкий голос Джахейры пронёсся по пещере. Абдель уловил лишь отдельные слова. Развернувшись, чтобы отшвырнуть от себя каменного червя, он бросил на неё короткий взгляд и увидел, что Джахейра стоит неподвижно, закрыв глаза, что-то напевая — скорее всего, молитву своей богине. Абдель повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как на него бросается чудовище, пытаясь укусить за ногу. Он успел подпрыгнуть, уворачиваясь, но приземлился на круглую тушу твари. Нога соскользнула, и он раскинул руки, пытаясь прекратить падение. Чудовище отскочило в сторону, когда Абдель ударился о каменную поверхность. В ушах зазвенело, и он не мог понять — это Джахейра прекратила молиться, или он просто оглох.

Он поднял взгляд. Джахейра открыла глаза. Ещё одно чудовище попыталось её укусить, и друид уклонилась. В её движениях что-то показалось Абделю неправильным. Она двигалась чуть-чуть быстрее, чем была способна в прошлом, а тварь шевелилась медленнее своих сородичей. У Абделя не было времени задумываться над этим странным чувством. Его собственный противник снова перешёл в наступление.

Абдель перекатился вправо, и тварь пронеслась мимо, как будто внезапно ослепла. Абдель улыбнулся этой демонстрации слабости и с силой ударил чудовище рукоятью своего меча. Тварь испустила пронзительный свист. Абдель инстинктивно

понял, что это реакция на боль. Он воспользовался своим преимуществом и запрыгнул червяку на спину. Тварь была примерно с него длиной, и когда наёмник крепко её обхватил, он не почувствовал тепла. Это создание действительно состояло из живого камня.

Позади раздался полный боли и слишком человеческий крик, от которого у Абделя по спине прошли мурашки. Пострадала одна из его спутниц. В крике звучали хорошо знакомые Абделю нотки паники. Наёмник был уверен, что кричавшая погибла — хотя и не знал, кто именно это был.

— Имоэн! — воскликнула Джахейра, затем резко выдохнула, когда червь, от которого она продолжала уворачиваться, снова бросился на неё и на этот раз почти достал.

Абдель резанул клинком своего меча по глазам каменного червя и с радостью увидел, как они лопнули, исторгая тёмно-серую водянистую слизь. Острый, терпкий запах заполнил тоннель, и тварь резко задёргалась в его хватке. Он позволил ей вырваться и воспользовался этим, чтобы откатиться подальше. Он попал в тёплое, влажное пятно на полу и перекатился чуть дальше, чем хотел, но остановился как раз вовремя, чтобы увидеть, как тварь слепо бросается на него. Абдель скормил чудовищу свой клинок и испытал немалое удовлетворение, когда за хлынувшим дождём угольной крови последовал последний смертельный спазм каменного червя.

— Абдель! — резко окликнула Джахейра. — Мой!

Наёмник вскочил на ноги, вырывая меч из внутренностей мёртвой твари, и повернулся на голос Джахейры. Она отступала, ловко уклоняясь от свинцовых выпадов каменного червя. Абдель бросился к нему и рубанул наискосок, пытаясь срубить голову. Червь изогнулся, предвидев атаку, но был недостаточно быстр, чтобы полностью от неё уйти. Прочитанная Джахейрой молитва давала им явное преимущество.

Меч Абделя погрузился в каменистую плоть нижней челюсти чудовища. Оно завизжало от боли. Абдель с натугой хмыкнул, продолжая резать толстую шкуру. С хрустом и потоком серой жидкости нижняя челюсть твари оторвалась от тела.

Червь ударил головой назад и вбок, и Абдель не смог вовремя убраться в сторону. Кровоточащая голова твари врезалась в его широкую грудь и с силой отбросила назад.

Оглушённый, Абдель поднял взгляд и увидел лишь блеклую жёлтую дымку. В груди как будто что-то лопнуло, и по телу прошла волна боли.

— Имоэн, — тихо произнесла Джахейра дрожащим от беспокойства голосом.

Абдель встал. Зрение стало возвращаться. Он переступил через извивающуюся, лишённую челюсти тушу продолжавшего подышать каменного червя, бросился бежать и, обогнув сталагмит, наткнулся на Джахейру. Он слышал, как в темноте к ним ползут новые черви.

У основания каменной колонны лежала Имоэн, пытаясь втянуть в себя воздух, как будто тонула. Джахейра склонилась над ней и начала молиться. В одну руку она взяла крохотный камешек, который всегда носила с собой, а вторая рука ловко скользнула по ране, размазывая пузырящуюся багровую кровь по раздробленной груди Имоэн.

— Во имя чёрных богов, — пробормотал Абдель. — Её же... наполовину... сожрали.

Глаза Имоэн смотрели во тьму над ними в безмолвной, выворачивающей наизнанку агонии. Голос Джахейры вознёсся в песенной молитве, и Абделю показалось, что он видит редкое серо-голубое мерцание вокруг пальцев прижатой к ране ладони. Новая волна боли заставила его отшатнуться. Джахейра не оглянулась. Он попятился на шаг, затем упал и пополз в сторону от женщин. В темноте, всего в нескольких шагах от него, начали собираться каменные черви.

* * * * *

Джахейра неожиданно отдернула руку, прокричав последнее слово молитвы. Имоэн резко втянула в себя воздух неровным, глубоким вдохом и попыталась выпрямиться. Джахейра, рука которой была измазана кровью девушки, осторожно придержала её.

— Тебе нужно отдохнуть, — сказала Джахейра.

Имоэн положила голову на гладкий камень и улыбнулась. Джахейра улыбнулась в ответ, затем посмотрела на Абделя и сказала:

— Нам придётся остаться здесь на несколько часов, но бесконечной милостью Миликки... Абдель?

Она резко развернулась, с волной липкого ужаса осознав, что потеряла его во мраке.

— Абдель? — снова позвала она.

Ответом стал нечеловеческий рёв, оглушающим эхом отразившийся от сводов пещеры. Полуэльфийка прижала ладони к своим чуть заострённым ушам, чтобы не лопнули барабанные перепонки.

— Абдель! — закричала Джахейра, но её заглушил не только звон в ушах, но и грохот устремившихся в атаку каменных червей. Они были повсюду

Она увидела, как Имоэн шепчет:

— Это снова произошло.

* * * * *

Всё, что составляло суть Абделя Адриана, растворилось в бурлящем вихре ярости, жажды крови и безумной мании убийства. Он чувствовал, как ломается тело. Это было больно. Он снова изменялся. Абдель не знал, что именно с ним творится, почему и как это происходит. Он чувствовал и переживал это лишь несколько первых мгновений, а затем всю высшую мысленную активность заменили чистые кровожадные импульсы баалорожденного демона, в которого он превратился.

Там, где раньше была лишь тьма, теперь он ясно видел каменных червей. Его зрение значительно обострилось, хотя он был неспособен понять, почему. Он схватил одно из существ, позабыв все мысли о таком крохотном и неэффективном орудии убийства, как меч, и легко сжал чудовище одной крупной, крепкой ладонью. Стиснув ладонь, он почувствовал, как рвётся каменная кожа, и его окатила кровь. Он заревел от тупого наслаждения и занялся следующим каменным червём, а после — ещё одним.

Он разрывал их каменные тела, как будто те были сделаны из бумаги. Когда несколько червей решили бежать перед лицом жертвы, которая превратилась в охотника, существо-Абдель быстро их догнал. Он схватил червя за хвост и замахнулся им на остальных. Каменные черви начали кусать его, но их клыки лишь щекотали то, что когда-то было его бедрами, а сейчас находилось ближе к лодыжкам.

Он убил их ради простого удовольствия и ни одному не позволил уйти живым.

Когда последний червь стал корчиться в агонии у его изменённых ног, истекая угольной кровью на холодную поверхность пещеры, Абдель снова закричал.

На этот раз голос был больше похож на его собственный, настоящий человеческий голос, и его тело скрутила единственная разрывающая судорога, от которой снова помутилось в глазах. Он упал на землю, в глазах достаточно прояснилось, чтобы он увидел свои руки, и они снова казались человеческими. Абдель попытался позвать Джахейру, но горло сжималось, превращаясь в нечто с человеческими голосовыми связками. Наружу вырвался рваный кашель.

— Абдель! — услышал он где-то вдалеке окрик Джахейры.

По щекам текли слёзы. Он поднял взгляд и увидел тусклое мерцание факела Имоэн. Ему потребовалось несколько минут, чтобы встать на дрожащие, подгибающиеся ноги, но в конце концов он сумел дойти к свету.

* * * * *

Даже если не считать червей из камня, жуков-великанов и напоминающих сталактиты существ, которые иногда пытались упасть на них с потолка тоннеля, Абдель представить себе не мог, как любое разумное существо может жить в Подземье. Единственное, что отмечало здесь ход времени — ритмичные удары капель воды или периодически осыпающаяся каменная крошка. Абдель понятия не имел, как долго они здесь находятся. Они делали факелы из прочных стеблей огромных грибов и обрывков своей одежды, которой становилось всё меньше. Они останавливались, чтобы отдохнуть и иногда поспать. Как только кто-то из них просыпался, он или она будил остальных, и они снова отправлялись в путь. Это было слепое существование, и оно взяло с них немалую дань.

Поклонявшаяся природе Джахейра всё время казалась уставшей. Она молилась Миликки, и её молитвам отвечали, хоть в таком месте и сложно было ожидать касания Господи Лесов. Но Джахейра оставалась мрачной и молчаливой, как и сам Абдель, и хотя они бок о бок преодолевали одну бесконечную милю за другой, они практически не разговаривали.

Имоэн, как и любому обитателю поверхности, под землёй было неуютно. Ещё до того, как её едва не убил каменный червь, она стала постоянно оглядываться через плечо на любой случайный шум или перемену прохладного подземного бриза.

Они снова остановились на привал, и Имоэн, которая могла ходить только с помощью Абделя или Джахейры, провалилась в глубокий сон. Джахейра собрала грибы. Только она могла хотя бы приблизительно определить, какие из них съедобны, а какие — смертельно ядовиты. Абдель осмотрел местность в поисках следов каменных червей или других неприятных обитателей Подземья. Он увидел несколько крошечных отблесков во мраке и решил, что это глаза крыс, вечно

державшихся за пределами света факела. Присутствие мохнатых падальщиков странным образом успокаивало. С крысами он, по крайней мере, знал, как разделаться.

Когда он вернулся к большому сталагмиту, у которого Джахейра решила оставить Имоэн, то увидел, что полуэльфийка собрала неплохую коллекцию местных грибов. Абдель поморщился при виде серых грибных шляпок и в сотый раз подумал о том, чтобы словить одну из больших крыс. Джахейра протянула ему гриб с усталой, но понимающей улыбкой, но Абдель отмахнулся.

— Я всё равно не смогу долго питаться этой дрянью, — сказал он ей.

Джахейра пожала плечами, откусила гриб и принялась с кислым выражением жевать.

— Этот некромант — или кто он такой — что-то со мной сделал, — сказал Абдель. — Я был бы счастлив его отпустить — по крайней мере, тогда можно было бы раз и навсегда вылезти из этой дыры на поверхность — но он...

— У него есть на тебя планы, — с убеждённостью в своих словах сказала Джахейра. — У него есть планы на вас обоих. Если он по какой-то причине собирается напасть на Сулданесселлар, то, может быть, собирается использовать вас как какое-то оружие.

— Но ты же сказала, что он не может нами управлять. Имоэн и мной, — возразил Абдель, кивнув на спящую девушку. — Что он собирается сделать? Заманить меня в Сулданесселлар и заставить разозлиться? Позволить мне разгромить город в облике... в облике этого существа, чем бы оно ни было?

Джахейра пожала плечами. Её лицо исказила зловещая маска ужаса.

— Этого может оказаться достаточно.

Задрожав, она добавила:

— Ты не поверишь, что...

Абдель заставил себя улыбнуться и произнёс:

— Думаю, это снова наследие моего отца.

Джахейра кивнула.

Абдель вздохнул и неохотно откусил кусочек гриба.

— Почему Имоэн? — спросил он. — И как? Если эта... штука, эта сила или что оно такое, уже во мне, наверное нужно с этим смириться, учитывая всё, что я о себе знаю, но Имоэн?

— Может быть, тебе придётся смириться с тем, что у вас с Имоэн в жилах течёт общая кровь, Абдель, — тихо сказала Джахейра.

Абдель вздохнул. Это была очевидная связь. Если монахи Крепости Свечи взяли одного из потомков Баала к себе, чтобы наблюдать за ним, то почему бы не взять второго? Почему не взять дочь? Винтроп не приходился Имоэн отцом, как и Горион не был отцом Абделя.

— Ты никогда не рассказывал мне, как нашёл нас, — сказала Джахейра. — Откуда ты узнал об этом приюте для безумцев?

— Это была Бодхи... — Абдель покраснел и отвернулся. Он не задумывался... но ведь то был просто сон, разве нет? На самом деле он не прикасался к Бодхи, и к нему тоже не прикасались...

Джахейра посмотрела на него так, будто хотела что-то сказать, но ответный взгляд Абделя заставил её промолчать. Джахейра видела, что Абдель над чем-то глубоко задумался. Он заметил, что она это поняла, и выражение лица полуэльфийки немного смягчилось, даже несмотря на то, что уголки рта опустились.

— Вампиры обладают определённой силой, Абдель, — сказала она. В ответ он помотал головой, но Джахейра продолжила: — Ты не обязательно...

— Прекрати, — сказал он чересчур громко. — Пожалуйста.

— Нужно воспользоваться тем, что Имоэн нуждается в отдыхе, — сказала она, не глядя на Абделя. — И отдохнуть самим.

Абдель кивнул, но долгое время они сидели неподвижно.

Глава 14

— Твоя кожа, — сказала Бодхи, скользя взглядом по стройному телу дроу, — она такая... Можно к тебе прикоснуться?

Женщина-дроу улыбнулась и пожала плечами. Бодхи провела кончиком пальца по щеке дроу, и женщина, улыбаясь, потянулась к ней. Бодхи уловила подтекст этой улыбки. Она и сама так улыбалась — обычно перед тем, как сделать кого-то вампирским рабом.

— Удовлетворена? — игриво спросила дроу Фазре.

— Нет, — ответила Бодхи, убирая руку, — но сегодня ночью... другие приоритеты.

— Ночью? — игриво и легкомысленно поинтересовалась Фазре, при этом понимая, что каждую секунду может случиться что-то ужасное.

— Просто привычка, — признала Бодхи. — Прошу прощения.

Женщина-дроу пересекла тускло освещённую комнату, едва слышно ступая по изысканному ковру из паучьего шёлка. Она откупорила графин с вином, взяла бокал и показала его Бодхи, но та в ответ лишь покачала головой.

— Ты меня не боишься, — сказала Бодхи.

— А должна?

— Я вампир, — прямо заявила Бодхи. — Обычно это тревожит людей.

Фазре засмеялась. Этот звук ласкал уши Бодхи, что было приятно и волнительно когда-то в прошлом.

— Я не «люди», Бодхи. Я дроу.

— Ты так говоришь, будто ты единственная дроу.

— А ты так говоришь, будто ты — единственный вампир.

Бодхи кивнула, признавая правоту замечания, и уселась в глубокое кресло, обитое необычной мягкой кожей. Она коснулась обивки так же, как касалась чернильно-чёрной кожи дроу.

— Полурослик, — объяснила дроу. — Очень дорогая.

Бодхи знала, что прошла ещё одно, достаточно примитивное испытание, когда не отдёргнула руку.

— У вас есть части фонаря, — сказала Фазре, меняя тему.

Бодхи кивнула и ответила:

— Мой брат выполнит свою часть сделки, если вы выполните свою.

— Я дроу, — заметила Фаэре. — Сделки — это наша жизнь. Я приманка, не так ли?

Бодхи засмеялась и кивнула, пожала плечами и сказала:

— И в процессе ты получишь то, чего хочешь, Фаэре.

Дроу улыбнулась, её фиолетовые глаза сверкнули.

— Мне здесь нравится, — произнесла Бодхи, лаская взглядом богато обставленную комнату и задержавшись на высоком окне, откуда открывался вид на подземный город. — Здесь никогда не светит солнце.

— Рай для вампиров, — шепнула Фаэре.

— Рай для дроу, — отозвалась Бодхи.

Фаэре пристально посмотрела на неё и сказала:

— Мы не всегда жили здесь.

Вернув взгляд, Бодхи повторила:

— Вы получите то, что мы обещали, если выполните то, что пообещали вы.

— Мифал.

— Власть, — согласилась Бодхи. — Достаточная, чтобы уничтожить твою мать, не так ли?

Фаэре улыбнулась и отвернулась.

— Сомневаюсь, что ты в силах осознать все нюансы моего положения. Это не просто убийство матери.

— Ну конечно нет, — тихонько сказала Бодхи, хотя знала, что именно так всё и есть.

* * * * *

Сначала был туман.

Они находились под землёй какой-то неопределённый отрезок времени, и все трое погрузились в своеобразный транс. Неожиданностей в Подземье хватало, но с каждой из них разбирались по очереди. Они упорно продолжали двигаться дальше. Через неравные промежутки им встречались следы Айреникуса — этого хватало, чтобы понимать, что они на верном пути.

Сначала туман был просто очередным случаем в долгой череде странностей, пронизывающей их приключения в Подземье. Туман был холодным, не слишком густым и казался даже естественным. Абдель легко мог поверить, что разная погода бывает даже в Подземье.

Они продолжили путь, может быть, стали немного осторожнее. Все трое придвинулись поближе друг к другу, чтобы случайно не разделиться в тумане.

— Мне сложно поверить, — сказала Имоэн, — что это просто какое-то совпадение.

Её почти смертельная рана зажила, но не до конца. Лицо Имоэн было бледным и, пожалуй, слегка измождённым. Она казалась серой и всё время чувствовала усталость. Джахейра молилась над ней, и это немного помогало, но для настоящего исцеления всегда не хватало какой-то капли.

— Должна признать, — ответила Джахейра, — что это лежит за пределами моих познаний, но не думаю, что нам стоит паниковать.

Абдель вынул меч и улыбнулся.

— Я постараюсь не паниковать, но если что-то использует этот туман как укрытие...

— Здесь внизу может быть опасно, — раздался в пелене тумана незнакомый голос.

Абдель замер, расставил ноги пошире, готовый ко всему, даже несмотря на то, что голос очевидно принадлежал молодой женщине и казался не особенно угрожающим.

— Вон там, — сказала Имоэн и указала в самую гущу тумана.

Это была девушка восемнадцати-двадцати лет. Она была красивой, светловолосой, с такими безупречными чертами, что казалась какой-то статуей из Нетерила — вроде тех, про которых говорили, будто на самом деле это закаменевшие рабы, доведённые до совершенства магией, а затем навечно обращённые в камень. Она была одета в простую тогу из белого шёлка, а в практически белых волосах блестела изящная серебряная цепь. Глаза были небесно-синими и сверкали в слабом свете факелов.

— Вам не нужно меня бояться, — сказала она. — Меня зовут Адалон.

— Я тебя не боюсь, — ответил Абдель. — Но сложно поверить, что такая девушка может просто бродить здесь в одиночестве, укрытая туманом, гуляя по Подземью, как...

Она прервала его смешком, который намекал на мудрость, несвойственную её юному возрасту.

— От тебя ничто не ускользает, не так ли, Абдель Адриан, сын Баала, спаситель Врат Балдура?

— Почему люди вечно так меня называют? — поинтересовался Абдель. Это был способ спросить, откуда она его знает.

— Ты работаешь с Айреникусом, — вслух предположила Имоэн.

На долю секунды по лицу Адалон скользнуло нетерпеливое выражение, потом она улыбнулась и ответила:

— Ни за что, Имоэн.

— Но ты знаешь нас, — заметила Джахейра. — Ты ждала нас. Что тебе нужно?

— Я хочу помочь вам.

Абдель вздохнул и шагнул к ней, по-прежнему сжимая меч. Девушка, похоже, совсем его не боялась.

— Мы и сами не знаем, как себе помочь, — сказал он. — Кто или что ты такое, и что тебе от нас нужно? Что нужно от нас Айреникусу?

Перед его глазами мелькнула вспышка жёлтого света, и девушка каким-то образом это заметила.

— Успокойся, Абдель, — сказала Адалон. — Он изменил тебя. Он поднял на поверхность то, что было у тебя внутри — то что ты, с помощью Джахейры, прятал в глубине своей души. Кровь твоего отца питает его аватар, и аватар может тебя поглотить, если ты позволишь ему.

— Зачем? — спросила Джахейра.

— Это нужно спросить у Айреникуса, — сказала девушка. — Уверена, что вскоре вам представится такая возможность — по крайней мере, Абделю. Айреникус замышляет что-то касательно Сулданесселара, а я долгое время была другом этому городу. Я не хочу, чтобы с ним что-то случилось. Я могу помочь вам, чтобы вы помогли эльфам, помочь вам — помочь самим себе, и помочь вам добраться до Айреникуса. Если он получит желаемое, Абдель потеряет душу, Имоэн сгинет, Сулданесселар превратится в руины, а сам Айреникус станет бессмертным. Я не хочу жить в таком мире.

— Кто ты? — спросила Имоэн.

— Если я скажу вам, что была драконом, — ответила девушка, чуть наклонив голову в сторону Имоэн, — вы мне поверите?

Имоэн вздохнула, но не отвела глаз.

— Спасибо, я давно перестала выбирать, во что верить, а во что — нет.

— Чего ты хочешь взамен? — вмешался Абдель. Если и было что-то неизменное в его делах с людьми, эльфами, драконами, потомками мёртвых богов — со всеми — так это то, что Горион называл *quid pro quo*.

— Дроу из Уст Ната похитили мои яйца, — ответила Адалон. — Я хочу, чтобы вы их вернули.

Абдель вздохнул и отступил на шаг.

— Это безумие. Всё это безумие.

— Яйца? — переспросила Джахейра. — У тебя есть... яйца?

— Так значит, ты неверишь мне, друид, если я скажу, что была драконом? — с лукавой улыбкой в уголках губ поинтересовалась Адалон. — Пойдёмте сюда, здесь больше места.

С этими словами девушка отвернулась и скользнула за каменный выступ, пропав из виду. Джахейра хотела пойти за ней, но Абдель остановил друида.

— Пожалуйста, скажи, что не пойдёшь с ней. Если это не ловушка, я...

— Да хватит уже, Абдель, — устало сказала Имоэн, проходя мимо обоих и следуя за загадочной девушкой.

Джахейра улыбнулась Абделю, признавая поражение, и выскользнула из его руки. За углом раздался звук, как будто кожа тёрлась о камень, но настолько громкий, что это вполне могла быть целая армия в кожаных доспехах, ползущая по полу.

— Ты собираешься зайти в драконье логово, — сказал Абдель удаляющейся спине Джахейры. — Ни больше, ни меньше.

— Если бы я хотела убить тебя, сын Баала, — раздался из-за угла грохочущий голос Адалон, — ты был бы уже мёртв.

Её голос стал громче и глубже — таким же, но усиленным.

Абдель последовал за Имоэн и Джахейрой. Повернув за выступ, он едва не врезался в Джахейру. Не успев ничего сказать, Абдель увидел причину, по которой полуэльфийка так резко остановилась.

Сказать, что дракон был самым крупным живым существом, которое Абдель когда-либо встречал, было бы трагическим преуменьшением. Ему приходилось видеть уступавшие размером крепости.

Тело существа отражало свет факела Имоэн, усиливая его в десятки раз. Её кожа сверкала отполированным серебром, бугрилась мускулами и плотной чешуей. Почти осязаемое чувство силы, которое источал дракон, практически парализовало трёх крошечных людишек. Адалон была созданием божественной красоты.

— Вы спасёте Сулданесселлар. — Её голос, омывающий пещеру, доносился из глотки, длина которой в восемь раз превышала высоту Абделя. — Я помогу вам проникнуть в Уст Ната. Вы найдёте мои яйца и вернёте их мне. Вы разрушите планы Айреникуса и помешаете армии дроу вторгнуться на луга Тетира. Вы вернётесь ко мне, и я выведу вас из этой забытой богами дыры в земле. Ты встретишься с Айреникусом и заберёшь у него свою душу, даже если придётся отправиться в Ад. Ты знаешь, что у тебя никогда не было выбора, Абдель Адриан, сын Баала, пешка зла, инструмент богов.

— Знаю, — прошептал Абдель. — Знаю.

Дракон встал на дыбы, и все трое инстинктивно попятились.

— В таком обличье вам не войти в Уст Ната.

Огромное создание произнесло череду неразличимых звуков. У Абделя задрожали руки от желания напасть на дракона, прежде чем его заклинание испепелит их. Окончив череду волшебных формул, дракон провёл над ними тремя крупной лапой с серебряными когтями, и Абдель почувствовал, как зудит кожа. Ощущение было не из приятных.

Он посмотрел на своё тело, ожидая увидеть на коже насекомых, но то, что он увидел вместо них, пугало ещё сильнее. Его кожа приобрела цвет обсидиана. Он взглянул на Джахейру, которая разглядывала собственные руки. Она тоже стала чёрной, а её уши, раньше чуть заострённые, теперь стали острыми, как игла. Её волосы побелели, а глаза приобрели фиолетовый цвет. Имоэн тоже разглядывала себя, наморщив чёрный как ночь лоб.

— Это... — произнесла она. — Это просто...

— Вы выглядите, как дроу, говорите, как дроу, сможете понимать язык дроу, — уверенно сказала драконица (она всё говорила уверенно). — Вы сможете проникнуть в город... но ненадолго. Заклинание прекратит действовать через...

— Это ужасно, — сказал Абдель. — Это безумие. Нам всем место в том сумасшедшем доме.

— Абдель, — предупреждая произнесла Джахейра.

Абдель вздохнул и задумался, не стоит ли промолчать и просто принять всё, как есть. Джахейра, видимо, хотела, чтобы он так поступил.

— Нет, — сказал он, снова поворачиваясь к дракону. — Это просто нелепо. Зачем нам вообще это делать? Мы что, просто зайдём в город... город дроу... потому что так сказал дракон, которого мы случайно повстречали, ради того, чтобы разрушить планы человека, который, насколько мы знаем, уже был побеждён. Сейчас мы вместе. Я получил то, чего хотел. Айреникус собирается напасть на какой-то эльфийский город, в котором мне всё равно не рады. Звучит, как их проблема, а не моя.

— Абдель, — сказала Джахейра нетерпеливым, но мягким голосом. — Я знаю, что на самом деле ты так не считаешь. Ты не позволишь Айреникусу творить всё, что ему вздумается.

— А что насчёт всех этих дел с Баалом? — спросила Имоэн. — По-твоему, ничего страшного, если мы просто время от времени будем превращаться в безмозглых кровожадных чудовищ?

— У вас не так много времени... — начал дракон.

— А ты думаешь, что он просто избавит нас от этого, когда мы его найдём? — спросил Абдель. — Даже если каким-то способом убедить Айреникуса, он может просто не знать, как это сделать. Я даже не уверен, что это его рук дело. Моя кровь не раз предавала меня и без посторонней помощи.

Абдель повернулся к Джахейре и продолжил.

— Ты хотела, чтобы я изменился — и я изменился. Теперь ты хочешь, чтобы я отправился на эту миссию возмездия. Мы пойдём за Айреникусом в этот эльфийский город, и что дальше? Прикончим его? Попросим отменить действие этого ритуала? Будем его умолять?

— Если не хочешь его убивать, я с радостью сделаю это сама, — предложила Имоэн.

Абдель сел и опустил голову на колени.

— Так давайте его убьём, но неужели нужно...

Он не увидел, как дракон глубоко втянул воздух, но замолчал, когда поток ледяного воздуха буквально поднял его с земли и отшвырнул назад. Дальше в пещере раздался крик. Абдель перекатился на ноги. С него, как снег, посыпался иней. Он резко развернулся туда, где звучали крики, и увидел полдюжины фигур, застывших на месте вполне буквально, покрывшись льдом и уже начавших ломаться под собственным весом. Позади них среди сталактитов рассыпались на куски ещё полдюжины фигур. Свет факела был тусклым, но Абделю потребовалась всего секунда, чтобы понять, что это были дроу.

Глава 15

Абдель видел сотни убийств, совершенных сотнями разных способов, но даже представить себе не мог, на что будет похожа настигшая дроу ярость серебряной драконицы Адалон.

Огромное существо бросилось вперёд со скоростью увеличенного в тысячу раз ящера. По пути она расшвыряла шестерых замороженных дроу, и Абдель смог только отпрыгнуть в сторону, убираясь с её пути.

В пещере раздался звук арбалетных выстрелов, и Абделю показалось, что он видел по крайней мере один тонкий болт, чиркнувший по мерцающей серебряной чешуе Адалон, но дракон даже не моргнула. Он услышал, как выхватывают из ножен мечи, и это напомнило ему достать собственное оружие. Увидев угольно-чёрный цвет собственной кожи, когда перед глазами мелькнула рука, Абдель замешкался.

Адалон схватила одного воина-дроу — мужчину в поблескивающей кольчуге — и сдвинула его так сильно, что у несчастного лопнули глаза. Дроу превратился в окровавленную груды сломанных костей. Адалон швырнула его на пол пещеры кровавым всплеском, заставив отскочить в сторону другого тёмного эльфа.

У головы дракона взорвалось нечто вроде огненного шара или какого-то другого магического огня, но Адалон просто отмахнулась и отшвырнула дроу, который прочёл заклинание. Несчастный маг ударился о стенку пещеры с такой силой, что его голова треснула, как яйцо.

Абдель поднял взгляд на стремительно разбежавшихся дроу и увидел, как один из них повернулся к дракону спиной. Его глаза встретились со взглядом наёмника, и Абдель повернулся к драконьей лапе, притворяясь, что замахивается на неё. Что-то подсказывало Абделю, что он всё равно не смог бы пробить чешую, но притворство сработало. Когда он оглянулся на дроу, тот кивнул, бросаясь бежать.

Несколько воинов-дроу бросились следом, но он толкнул их на дракона и нырнул под каменный выступ. Ледяное дыхание обрушилось на воинов клубящимися волнами мерцающего инея, заморозив их с распахнутыми в криках ртами. Температура была такой низкой, что когда драконица хлестнула их хвостом, дроу разбились, как будто были сделаны из тонкого стекла.

Идите! В голове Абделя прогремел голос — голос Адалон. Вы должны идти — у вас мало времени. Найдите этого дроу, предводителя, и вернитесь вместе с ним в Уст Ната. Идите!

Джахейра схватила Абделя за руку, и хотя наёмник знал, что это она, его всё равно напугала внешность полуэльфийки. Теперь она — и Имоэн тоже — выглядели, как настоящие дроу.

* * * * *

— Мы были авангардом, — сказал Абдель, решив, что если это не работает, он всё равно сможет убить одинокого дроу.

Тёмный эльф кивнул и вздохнул, как полупустой мешок зерна осев на жёсткую каменную поверхность тёмной пещеры. Абдель оглянулся на Джахейру, которая смотрела на него с едва скрываемым изумлением.

Дроу сложил ноги, приняв болезненную на вид позу. Он глубоко и медленно задышал. Его глаза были закрыты, и было заметно, что он не только пытается себя успокоить, но и успешно с этим справляется.

— Кто главный? — спросил тёмный эльф, открывая глаза и глядя прямо на Джахейру.

Друид бросила взгляд на Абделя, дроу проследил за ней. Он растерянно наморщил лоб. Абдель был готов назвать предводителем себя, но понял, что по какой-то причине дроу показалось это необычным. Абдель посмотрел на Имоэн и наклонил голову. Они достаточно давно были знакомы друг с другом, и Абдель знал, что актёрская жилка позволит ей подхватить разговор между ними и их вынужденным новым товарищем.

— Я, — сказала Имоэн в своём новом обличье властным голосом.

Дроу кивнул и представился:

— Я Соласейн, заместитель Фаэре.

Имоэн понятия не имела, что отвечать, поэтому просто кивнула.

— Меня послали убить дракона.

Имоэн бросила взгляд на Абделя, затем сказала:

— Нас послали ещё раз предложить дракону сделку.

Абдель невольно почувствовал приступ гордости. Имоэн умела импровизировать.

— Что ж, — отозвался дроу. — Со всем подобающим уважением, похоже на то, что Фаэре была уверена в вашей неудаче.

— А в твоей? — спросила Имоэн, подняв бровь.

Дроу гневно взглянул на неё, но быстро отвёл взгляд. Выпрямив ноги, он одним плавным движением встал. Абделю пришлось приложить усилие, чтобы не выхватить меч. Но Соласейн не стал нападать. Не отрывая глаз от земли, он отвернулся от них.

— Нам следует вернуться в Уст Ната, — сказал он, не глядя на них.

Имоэн ухмыльнулась Абделю и сказала в спину дроу:

— Веди.

* * * * *

— И всё это — просто ради обманного манёвра, — сказала Фаэре, глядя на высокую арку законченных врат. — Если что-то можно сказать про вас, людей, так это то, что мыслите вы поистине масштабно.

Бодхи окинула её холодным взглядом и сказала:

— Я уже давно не человек, юная матрона.

Фаэре повернулась к вампирше и улыбнулась, позволяя своему взгляду медленно скользнуть вверх по стройному телу Бодхи в кожаных одеждах.

— Признаю свою ошибку, — сказала она.

Бодхи позволила женщине-дроу разглядывать себя. Вампирша обратила своё внимание на врата. Они были большими — достаточно большими, чтобы пропустить целую армию. Сейчас это была простая каменная арка, но при этом сооружение всё равно источало чувство силы, магическую энергию, которую Бодхи чувствовала даже издалека. Когда дюжина дроу-магов активировала врата, они открывали волшебный путь сквозь пространство и время на поверхность — в место, куда никогда не смогла бы войти Бодхи, не говоря уже об ударном отряде тёмных эльфов.

— И они сработают, — сказала Бодхи так, чтобы это прозвучало как предупреждение, а не как вопрос.

Фаэре по-прежнему разглядывала Бодхи, ответив:

— Они сработают.

Наконец дроу отвернулась и выкрикнула имя.

Чувствительные уши Бодхи уловили свистящий шёпот дюжины магов, и что-то предупредило её отвернуться от врат. Мелькнула вспышка света, которая могла бы причинить боль её привыкшим к мраку глазам. Фаэре прижимала ладонь к собственным глазам. Когда Бодхи снова повернулась к вратам, они казались похожими на бассейн с колышущейся водой, каким-то образом застывшей перпендикулярно к поверхности. Там, где раньше в арке виднелись круглые крыши и вершины башен Уст Ната, теперь было лишь фиолетово-синее мерцание. Звучал различимый гул.

— Ты сказала, что хотела увидеть их в действии, — заметила Фаэре.

Бодхи улыбнулась ей.

— И твои войска готовы, — отозвалась вампирша. Это снова было предупреждение, а не вопрос.

— Да. Ровно столько воинов, сколько нам потребуется, — ответила Фаэре. — Этот ваш эльфийский город похож скорее на деревню. Мои дальние родственники... — слово «родственники» она произнесла с немалым презрением, — ...почти все сбежали на Эвермит. Победить их будет несложно. В конце концов, они даже не ожидают нападения. Мы не посылали войска на поверхность. Никогда.

— В самом деле, — отозвалась Бодхи, по-прежнему изучая магическую стену перед собой. — Именно на это мы и рассчитываем. Нужно застать их врасплох и... занять на какое-то время, чтобы мы смогли сделать то, что нам нужно.

— Даже не попытаюсь спросить, что именно, — сказала Фаэре. — На самом деле меня это не касается, не так ли? Поступайте с Сулданесселларом как знаете — до тех пор, пока мне достанется мифал.

Бодхи кивнула.

— Ты получишь свой мифал.

Дроу хотела заполучить магическое устройство эльфов поверхности, которое называлось мифалом. Бодхи не совсем понимала, что такое мифал. Всё, что ей нужно было знать — Фаэре хотела его достаточно сильно, чтобы повести отряд воинов-дроу в лес Тетира. Тот факт, что в Сулданесселларе не было мифала, и Айреникус не собирается разыскивать его для Фаэре, женщине-дроу предстояло узнать самостоятельно. К тому времени, как она это поймёт, Айреникус уже закончит свои дела, и они с сестрой исчезнут, оставив эльфов и дроу разбираться самостоятельно — позволяя им перебить друг друга.

— Люди, которые отправились за нами, скоро будут здесь. Они уже встретились с драконом, — сказала Бодхи.

— Потрясающе, — вздохнула Фаэре. — Издержки... я потеряла воинов, чтобы получить эти яйца.

— Что ж, — отозвалась Бодхи, делая шаг к гудящим вратам, — рада за тебя. Когда эти трое прибудут сюда, они решат, что сумели вернуть яйца. Они захотят сбежать из города и отнести яйца драконице, которая — как они думают — отправит их в Сулданесселлар. У меня есть слуга, который притворится их другом и будет подталкивать в нужном направлении — к вратам.

— Ты отправишь их обратно к дракону?

Бодхи ухмыльнулась.

— Эти врата не ведут к дракону, Фаэре. Они приведут их туда, куда я хочу.

— Люди в Уст Ната, — произнесла Фаэре. — Это неправильно.

Бодхи проигнорировала реплику тёмной эльфийки и сказала:

— Вот и он.

На долю секунды издаваемый вратами гул сменил тональность, в оттенке появилось больше синевы и меньше фиолетового. Некрупный, круглолицый мужчина с чертами эльфа, но ушами человека, осторожно ступил на мраморные плиты площади Уст Ната.

— Йошимо, — сказала Бодхи.

Кодзакурец огляделся вокруг, потрясённо разинув рот. Ему потребовалось мгновение, чтобы заметить Бодхи.

Он слабо улыбнулся и сказал:

— У вас необычные друзья, Бодхи.

Бодхи шагнула вперёд, и Йошимо попятился. Фаэре рассмеялась, Йошимо покраснел.

Бодхи посмотрела на Фаэре и сказала:

— Позаботься о нём ради меня, ладно?

Фаэре кисло улыбнулась и кивнула. Бодхи шагнула во врата и исчезла.

Глава 16

— Адалон согласилась на ваши требования... мадам, — сказала Имоэн. Чуждые нотки языка дроу в её голосе эхом отдавались в высоком сводчатом зале.

Они долго шли через Подземье, следуя за Соласейном и пытаясь делать вид, что знают, куда направляются, и в конце концов достигли более глубокой пещеры. Чистого безрассудства их замысла хватило, чтобы обмануть и без того измученного дроу. Неудача с драконом потрясла и подавила Соласейна, и последнее, что он мог заподозрить — что под личиной дроу скрывается отряд искателей приключений из человеческой расы. Для Соласейна они так и остались «авангардом».

По пути они многое у него разузнали, хотя было нелегко не задавать прямых вопросов. Продемонстрируй они непонимание традиций дроу или неосведомлённость о миссии Соласейна, их прикрытие стало бы менее надёжным или даже могло полностью рухнуть. Добравшись в Уст Ната, они уже знали, что Соласейн работает на дочку матроны (матриархальное устройство дроуского общества пришлось Имоэн особенно по нраву), которая стремительно набирала в городе власть. Именно она похитила драконьи яйца, хоть Соласейн толком и не знал, зачем.

Без какого-либо надёжного способа отмечать ход времени Абдель понятия не имел, как долго они добирались до города. Уст Ната его ошеломил. Он видел города и покрупнее, но тот факт, что Уст Ната располагался в единственной огромной пещере, заставлял город казаться непропорционально большим.

Они сказали Соласейну, что молодая матрона с ними незнакома — они имели дело с одним из её подручных. Соласейн не стал давить на них, чтобы узнать, с кем именно. Казалось, ложь была ему не в новинку; он привык знать лишь о малой части того, в чём участвует.

Их проводник-дроу провёл их через удивительный город прямо к комплексу зданий, служивших резиденцией матроны. Там они быстро оказались в этом высоком зале со стрельчатыми окнами, откуда открывался вид на весь город. Абделю пришлось собрать всю свою силу воли, чтобы сдержать дрожь. Нервы были на пределе. Он знал, что в любой момент ему может потребоваться защищать себя от целого города, полного умелых бойцов, магов и жрецов дроу. Он никогда раньше не был в таком безнадёжном положении. Зрение заволочло блеклой жёлтой пеленой, и ему пришлось просто притворяться, что её там нет.

Соласейн их представил — просто из предосторожности они назвали ему наскоро придуманные клички — и стало очевидно, что молодая женщина-дроу заинтересована только в Имоэн, которая в свою очередь чувствовала себя как рыба в воде, получив вымышленную власть.

Соласейн, очевидно, предполагал, что женщина-дроу, которую он представил как Фаэре, знает, кто все они такие — в конце концов, они ведь были авангардом — так что не стал вдаваться в детали. Фаэре, казалось, не заботит, кто есть кто — в первую очередь она хотела узнать о результатах вылазки.

— Я поражена, — сказала Фаэре, разглядывая Имоэн с головы до ног удивлённым, но благосклонным взглядом. — Я уже готова была решить, что драконица скорее позволит уничтожить свои яйца.

— Очевидно, она... ох... — начала Имоэн.

— Её партнёр мёртв, — сказала Джахейра, поспешив на подмогу. — Эти яйца — её единственный шанс завести потомство.

Абдель просто не поднимал взгляда, ожидая, пока всё пойдёт наперекосяк и им придётся отступить с боем. Он знал, что это неизбежно. Как они вообще рассчитывали повернуть такое безумие?

— Ну что ж, — сказала Фаэре, по-прежнему глядя на Имоэн. — Это многое объясняет.

Женщина-дроу повернулась к Соласейну, который не посмел встречаться с ней взглядом.

— Это всё? — спросила она его.

— Госпожа Фаэре, я...

— Ты ушёл с двадцатью воинами, — наредила Фаэре.

— Дракон раздавил их, — сказала Имоэн.

Её голос был таким холодным, что по спине Абделя пробежали мурашки. Неужели девушке пришлось всё это настолько по душе? То, что Имоэн вообще это нравится — уже слишком.

Фаэре широко улыбнулась Имоэн и сказала:

— Не сомневаюсь.

— Госпожа, я...

— ...закроешь свой глупый, бесполезный рот, — закончила за него Фаэре.

Соласейн отступил на шаг, не поднимая глаз.

— Дженра, — сказала Фаэре, используя фальшивое имя Имоэн, — я, кажется, начинаю тебя вспоминать.

Имоэн коротко кивнула и хитро улыбнулась. Фаэре шагнула к ней ближе — совсем близко — и сказала:

— Ты заменишь Соласейна и будешь выполнять все его обязанности.

— Да, госпожа, — ответила Имоэн.

— Все его обязанности, — подчеркнула дроу.

— Да, — уже медленнее отозвалась Имоэн, глядя женщине-дроу в глаза, — госпожа Фаэре.

* * * * *

— С ней бывает... непросто, — сказала Джахейра, притворяясь, будто знакома с правительницей дроу.

Соласейн сделал большой глоток странного напитка, который по запаху показался Абделю похожим на пиво, и выдавил из себя улыбку.

— Иного и ждать не стоило.

Абдель сделал третий осторожный глоток из собственной кружки и снова оглядел помещение. Таверны дроу, если эта была типичным их образцом, представляли собой тихие, серьёзные места, полные тихих, серьёзных посетителей с кожей тёмного эбенового цвета. Здесь было темно, горели лишь редкие свечи, а меню состояло из таких блюд, которые Абдель вряд ли смог бы заставить себя съесть. Живые пауки... уж лучше он будет голодать.

Джахейра быстро подхватила самую удачную ложь Имоэн, и Абдель был искренне счастлив, что она справляется не так хорошо, как его названная сестра. Соласейн пытался держаться стоически после сокрушительной, судя по всему, неудачи, огромной потери положения, после которой он мог и не оправиться. Казалось, он чувствует себя лучше благодаря присутствию понимающей женщины, и Джахейра играла свою роль с крайней осторожностью.

— Конечно, — сказала она, — она разочарована, что и неудивительно.

Соласейн кивнул и ответил:

— Я подвёл госпожу.

— Но вот так унижаться... — произнёс Абдель. — На твоём месте...

— Тзвин! — рявкнула Джахейра, используя дроуский псевдоним Абделя.

Абдель притворился подобающе пристыженным и отвёл взгляд.

— Возможно, — обратилась Джахейра к Соласейну, — тебе нужно что-то поменять. Можно служить и другим домам, не так ли?

«Надеюсь, — подумал Абдель, — Соласейн не поймёт, что это не риторический вопрос».

Соласейн посмотрел на Джахейру — посмотрел прямо впервые за долгое время.

— У других есть амбиции, — сказала та, глядя прямо в глаза дроу с таким выражением, от которого Абдель моментально и сильно заревновал.

— Джа... — начал он, но оборвал себя, прежде чем успел произнести её настоящее имя. Он попытался вспомнить её странный псевдоним, но не смог, так что промолчал.

Джахейра наградила его притворно-уничижительным взглядом, и Абдель отвёл глаза.

Соласейн заметил этот обмен. Обращаясь к Абделю, он сказал:

— Для этого и нужны мужчины, друг мой. Таков естественный порядок вещей.

— Воистину, — согласилась Джахейра.

Соласейн сделал ещё один длинный глоток своего напитка, и Абдель последовал его примеру.

— Говори, — подтолкнула его Джахейра.

— Яйца, — ответил Соласейн. — Вам нужны яйца.

* * * * *

Покои Фаэре отличались от всего, что могла представить себе Имоэн. Конечно, она слышала истории и легенды о дроу с тех пор, как была маленькой девочкой. Речь всегда шла о пауках, чудовищах и жестоких пытках. Дроу всегда описывали как жуткую, даже уродливую расу, которая держала рабов и наслаждалась многочасовым кровопролитием и убийствами.

Её собственное впечатление оказалось совсем иным.

Во-первых, они вовсе не были жуткими, и уж тем более — уродливыми. На самом деле Фаэре показалась Имоэн весьма привлекательной. Кожа дроу не мерцала — как раз наоборот. Её чернота, казалось, притягивает к себе свет и не выпускает его обратно. Лицо Фаэре было длинным и царственным, с острым подбородком и скулами. У неё был небольшой, приподнятый нос. Её глаза были большими, миндалевидной формы, и обладали блестящим фиолетовым цветом, на который Имоэн не могла наглядеться. Её белые волосы пахли так же чисто, как и выглядели — даже издалека — и водопадом ниспадали вдоль её длинной шеи на узкие плечи, вниз по стройной спине почти до талии.

Её тело было сильным благодаря долгим часам ежедневных тренировок. Фаэре была по меньшей мере на два дюйма ниже Имоэн, но Имоэн знала, что женщина-дроу может убить её голыми руками. Ещё Имоэн привлекали её уши. Они были идеальной формы, симметричными и острыми, кончики торчали из волос. Руки Фаэре были стройными и гладкими. В ней не было ни единого намёка на несовершенство или недостатки, и короткое платье с открытой спиной обнажало достаточно, чтобы усилить это впечатление.

Имоэн посмотрела на собственную руку, удивляясь глубокому чёрному цвету.

— Я приказала приготовить тебе ванну, — сказала Фаэре низким, интимным голосом.

Позади неё прошмыгнул стройный мальчик-дроу с большой амфорой тёплой воды с ароматическими маслами.

— Спасибо, госпожа, — ответила Имоэн таким же низким голосом.

Фаэре улыбнулась, и когда последние мальчики с амфорами покинули её и шмыгнули в коридор снаружи, кивнула на огороженную занавесками комнату.

— Пожалуйста, — вежливо ответила Фаэре. — Искупайся, а потом мы можем поговорить.

Имоэн кивнула и легко шагнула по мраморному полу к простому занавесу из бус. Она нырнула за занавес в комнату, где легко мог поместиться почти любой дом из тех, в которых Имоэн доводилось бывать. В центре комнаты стояла огромная, отделанная мраморной плиткой ванна. Над водой в холодный подземный воздух тонкими струйками поднимался пар. После бесчисленных дней, проведённых в скитаниях, и сна на камнях, ванна казалась Имоэн невероятно привлекательной — как и мысль о том, чтобы смыть с себя пот, кровь и телесные жидкости разных существ и чудовищ.

Она наслаждалась этим маскарадом и с лёгкостью готова была признать, что дроу кажутся привлекательными — ей даже казалось, что она сама ещё привлекательнее, чем дроу — но рядом с Фаэре Имоэн по-прежнему нервничала. Но единственное, о чём она могла думать сейчас — это ванна. Она быстро сбросила

одежду, даже не пытаясь объяснить Фазре её происхождение и состояние. Одежда была не дроуской.

Фазре уселась на низкую каменную скамью с богатыми подушками. Присев, она извлекла из потайного кармана в своём платье длинный тонкий жезл, который с виду был сделан из раздробленных самоцветов.

Имоэн скользнула в ванну и позволила воде проглотить себя. Она закрыла глаза и испустила долгий облегчённый вздох.

— Давно не принимала ванну? — спросила Фазре.

Имоэн открыла глаза и увидела, что Фазре крутит жезл двумя пальцами.

— Что это такое? — спросила она.

— Ты думаешь, я собираюсь тебя им убить? — спросила Фазре, не глядя на неё.

Имоэн не знала, что отвечать, поэтому промолчала. Тёплая, прекрасная вода казалась шёлком на коже и быстро вызвала сонливость.

— Это жезл, — чуть ли не скупающе произнесла Фазре. — Стреляет молниями, стоит мне того пожелать.

— Впечатляюще, — сказала Имоэн ещё более равнодушным голосом.

Фазре посмотрела на неё, и Имоэн прикрыла глаза.

— Завтра важный день, — заметила дроу.

— Разве? — спросила Имоэн, не зная, зачем поддерживает диалог.

Фазре медленно встала и шагнула к ванне.

— Завтра начнётся моё восхождение к власти, — сказала она. — Я собираюсь свергнуть мать.

Имоэн промолчала, не зная точно, о чём говорит Фазре.

— Эта информация для неё стоит дорого. Но мне придётся тебя убить, если ты захочешь продать эти сведения, так что, пожалуйста, не делай этого.

Имоэн открыла глаза и спокойно взглянула на Фазре.

— Я знаю, кто мои друзья, — сказала она.

— Хорошо, — ответила дроу и позволила своему платью скользнуть на землю.

Имоэн тихо охнула и открыла рот, чтобы заговорить, но наружу не вырвалось ни звука.

Фазре, не отрывая взгляда от Имоэн, шагнула в ванну и опустилась в воду так же медленно, как девушка до того. Ванна была достаточно велика, чтобы двух женщин разделяло добрых полдюжины ярдов тёплой воды.

— Ты знаешь, что такое мифал? — спросила Фазре.

Имоэн покачала головой. Её тело неожиданно напряглось.

— Через несколько дней один окажется в моём распоряжении, и всё, что для этого нужно — отправить несколько сотен бесполезных солдат моей матери через врата в какой-то лес поверхностных эльфов. Сколько сотен лет они этого ожидают? Эти высокомерные глупцы и в самом деле думают, будто нам тут внизу нечем заняться, кроме как планировать их бессмысленное поражение.

Имоэн снова закрыла глаза, заставив себя расслабиться, и сказала:

— Так зачем исполнять их желание?

— Мне было примерно шесть, когда мать впервые сказала мне никогда не заключать сделок с вампирами, — загадочно отозвалась Фазре.

От слова «вампир» по коже Имоэн пробежали мурашки, и её рука дёрнулась, немного взволновав воду.

— Да, — сказала Фаэре, неправильно истолковав жест. — Это нелегко переварить, уверяю тебя, но я остаюсь в выигрыше. У моих союзников есть какое-то тайное оружие — какие-то ничего не подозревающие люди, страдающие от проклятия, которое должно им помочь. Типично неловкое человеческое коварство. Вампирша даже отправила какого-то круглолицего человечка, чтобы по какой-то причине помочь заманить этих людей во врата. Никак не могу понять, как человек может не догадываться, что хозяйка сразу после этого планирует его убить. Впрочем, сама вампирша не намного умнее. Уверена, что кровососущая сука даже не знает, что такое мифал, и понятия не имеет, что собирается отдать мне в обмен на отвлекающий манёвр моих солдат.

— Отвлекающий манёвр?

Фаэре скользнула ближе к Имоэн, подняв тёплые волны, докатившиеся до самого подбородка девушки.

— У них какая-то вражда с одним из поверхностных эльфов, — сказала Фаэре, которой заметно наскучил разговор. — Я заставлю его думать, что великое второжение дроу наконец началось, и в последующем хаосе Бодхи и Айреникус сделают то, что хотят. Взамен я получу достаточную власть, чтобы занять одну из высочайших позиций в Уст Ната.

— Хорошая сделка, — заметила Имоэн.

Когда Фаэре упомянула Бодхи и Айреникуса по имени, по её спине снова пробежали мурашки. Когда Фаэре коснулась её, возникло чувство совсем иной природы.

* * * * *

Абдель волновался за Имоэн. Она притворялась удивительно хорошо, но Абдель понимал, что каждое проведённое в Уст Ната мгновение приближает их к разоблачению. Не говоря уже о том, что дракон предупреждал их — время действия заклинания ограничено. Если магия выветрится, и они раскроют свою человеческую природу, оказавшись неспособны даже говорить на местном языке, они попадут в серьёзную — очень серьёзную — передрягу.

Джахейра тоже притворялась всё лучше и лучше, но до Имоэн ей было далеко. Абдель пристально следил за ней и находил некоторое утешение в том факте, что Соласейн принимал его странное поведение за простую ревность. Дроу решил, что Джахейра делает с Абделем то же, что Фаэре несколько часов назад сделала с самим Соласейном. Пускай думает, что хочет, решил Абдель, если принесёт им яйца.

Пробраться мимо стражников оказалось достаточно легко. Соласейн был их капитаном, и они подчинились, не осмелившись спросить, что он здесь делает или кто его незнакомые спутники. Абдель не раз сам выполнял такую работу и понимал точку зрения солдат. Дело не в том, что они боялись спросить — им просто было всё равно.

— Превосходно, — сказала Джахейра, стоя перед выложенными в ряд огромными яйцами.

Соласейн, слегка навеселе, судя по его неровной походке, широко ухмыльнулся в ответ на реакцию своей новой госпожи.

— Как я и обещал.

— Целое состояние, — подсказал Абдель, всё ещё неохотно играя свою роль.

— Достаточно, чтобы создать мой собственный... — сказала Джахейра и осеклась, когда поняла, что стражники могут подслушать.

Соласейн сразу же рявкнул:

— Эй вы, погрузите яйца на телегу снаружи, и пошевеливайтесь — только будьте осторожны. Госпоже нужны они в другом месте.

Удовлетворившись приказом, стражники принялись за работу. Требовалось двое дроу, чтобы перенести каждое яйцо, и Джахейра, Абдель и Соласейн молча стояли, ожидая, пока они закончат.

Когда стражники справились, Соласейн сказал:

— Оставьте нас. Теперь здесь больше нечего охранять.

Стражники дроу кивнули и сполна воспользовались возможностью прекратить торчать на месте, разглядывая груды гигантских драконьих яиц, обгоняя и едва не опрокидывая друг друга на пути к выходу.

Снаружи ждала повозка Соласейна, в которую был впряжен ящер, длиной втрое превосходивший лошадь. Из ящеров, похоже, получались неплохие вьючные животные. Они уверенно чувствовали себя в пещерах и были достаточно сильны, чтобы таскать тяжёлые грузы. Абдель решил, что ящер вполне способен заменить упряжку из трёх, а может и четырёх лошадей.

— Нам следует отправляться в путь, госпожа, — поторопил Абдель.

Джахейра повернулась к нему и ответила:

— Ты прав, нужно...

— Их перемещают? — прозвучал слишком знакомый голос в пустом помещении. Абдель, Джахейра и Соласейн обернулись одновременно. При виде Йошимо, которого сопровождали два несчастных стражника-дроу по бокам, у Абделя закружилась голова. — Я надеялся сам заполучить эти огромные драконьи яйца.

Джахейра произнесла «Ээ...» и отвернулась.

Абдель попытался проделать то же самое, не выдавая себя.

— Что это... существо здесь делает? — спросил стражников Соласейн.

— Это человек, сэр, — сухо ответил один из них. — Он — гость госпожи.

Абдель заметил выражение на лице Йошимо и понял, что кодзакурец не понимает, что говорят дроу.

В голове Абделя всё смешалось. «Что Йошимо здесь делает?»

Значит, он в союзе с Айреникусом... всё это начинало приобретать смысл. Абдель понял, что в первую очередь необходимо позаботиться о том, чтобы Йошимо не узнал его или Джахейру. До сих пор, похоже, не узнал.

— Этот человек нам знаком, — сказала Джахейра Соласейну, и Абдель почувствовал, как его охватил приступ паники. Джахейра встречала Йошимо в тюрьме Айреникуса, но остального не знала. Она не знала того, что знал Абдель.

— Он будет мне полезен, — продолжала Джахейра. — Отпусти стражников.

Она повернулась спиной к Йошимо, и Соласейн немедленно сказал:

— Вы слышали госпожу. Мы позаботимся о нём.

Эти солдаты уже не горели желанием бросать свои обязанности, но всё равно поклонились Соласейну и покинули помещение. По лицу Йошимо расплзлась глупая улыбка. Он был удивлён таким поворотом событий, и даже не глядя на него прямо, Абдель мог сказать, что он нервничает.

— Я не хотел мешать, — сказал Йошимо.

Абдель не хотел смотреть на него — не хотел ничем выдавать, что понимает, что говорит кодзакурец.

— Я не понимаю этого человека, — сказал Соласейн.

— Должен попросить у вас прощения, мой чернокожий друг, — сказал Йошимо, — но я не знаком с языком вашего подземного города.

Абдель почувствовал, как по всему его телу прокатилось странное зудящее чувство и был удивлён — даже немного разочарован — своей нервозностью.

— Абдель? — тихо, проникновенно спросил Йошимо.

Соласейн что-то сказал. Абдель не понял — и неожиданно осознал, что это чувство было вовсе не от нервов. Он перестал быть тёмным эльфом.

* * * * *

Имоэн чуть дрожала от усталости и беспокойства, когда шагала на цыпочках, босоногая, по холодным мраморным плитам спальни Фаэре.

Из ванны слили воду, её изодранную одежду забрали. На ней было роскошное платье из паучьего шёлка, позаимствованное из обширного гардероба Фаэре, и хотя Имоэн была напугана, сейчас она чувствовала себя лучше, чем... сколько прошло? Дни? Даже десятки дней? Она была чистой; они поели, расслабились и познакомились поближе — таким способом, о котором в Крепости Свечи Имоэн могла только мечтать. В её разуме сражались противоречивые эмоции, но девушка мыслила достаточно трезво, чтобы понимать, что ей необходимо сделать. Она не могла оставаться тёмным эльфом вечно, какой бы соблазнительной эта мысль не казалась.

Имоэн легко нашла жезл там, где его оставила Фаэре, и спрятала в складках платья. Она начала разворачиваться, но остановилась вполборота, когда раздался голос Фаэре.

— Ещё одна ванна? — голос дроу эхом отразился в остальном бесшумной, пустой мраморной комнате.

Имоэн втянула в себя воздух и сказала:

— Ты испугала меня.

— Мне приказать мальчикам приготовить тебе ещё одну ванну? — настаивала Фаэре.

— Нет, — ответила Имоэн, — нет, спасибо. Я просто... просто...

Она сделала беспомощный жезл одной рукой, придерживая другой платье и жезл в нём.

— Ладно, — сказала Фаэре, видимо понимая, что пытается сказать Имоэн. — Тогда я тебя оставляю.

Имоэн кивнула, и тёмная эльфийка чуть задержалась, сохраняя долгий, приятный зрительный контакт, который Имоэн не хотела разрывать. Наконец Фаэре отвернулась и скользнула обратно во мрак спальни.

У Имоэн начался зуд, и она была удивлена и пристыжена этим чувством... пока не поняла, что лишилась своей прекрасной чёрной кожи.

* * * * *

Абдель ударил Соласейна в лицо так сильно, что нос дроу взорвался всплеском крови. Дроу моментально рухнул.

— Это вы! — воскликнул Йошимо. Он казался искренне счастлив видеть Абделя и Джахейру. — Друзья мои, я так счастлив, что нашёл вас!

— Хватит, Йошимо, — сказала Джахейра, удивив Абделя, потиравшего разбитые костяшки. Соласейн не шевелился. — Что ты здесь делаешь?

— Ищу вас, конечно же, — ответил кодзакурец.

Абдель приставил меч к горлу Йошимо, прежде чем тот успел сказать что-либо ещё.

— Что, именем Девяти Адов, всё это значит?

— Я всё могу объяснить, — отозвался Йошимо, глядя на клинок Абделя со смесью страха и оскорблённой невинности. — Но сначала, пожалуй, нам стоит покинуть этот город дроу, а?

— Проще сказать, чем сделать, — прорычал Абдель. Он повернулся к Джахейре и сказал: — Мы потратили слишком много времени.

— Я знаю путь наружу, — сказал Йошимо, — но он займёт какое-то время.

— У нас есть повозка, — отозвалась Джахейра. Она заметила сомневающийся взгляд Абделя и сказала ему: — Нам нужно убираться отсюда. Если он сможет доставить нас к дракону, мне всё равно, зачем он это сделает.

— Он работает на Айреникуса, — сказал Абдель. — Мне следует выпустить ему кишки.

— Мой дорогой друг, я понятия не имею, о чём ты говоришь, — слабо сказал Йошимо. — Я пришёл помочь — таково моё единственное желание.

Соласейн, по-прежнему не поднимаясь, застонал и немного перекатился на бок.

— Он просыпается, — предупредила Джахейра. — Нам нужно убираться отсюда.

— Я могу доставить вас прямо на поверхность через весьма впечатляющие волшебные врата.

— Мы не идём на поверхность, — сказал Абдель, глядя на Джахейру решительным взглядом.

— Сначала мы должны вернуть драконице её яйца, — сказала та.

— После того, как найдём Имоэн, — поправил Абдель.

— Имоэн? — спросил Йошимо.

— Мы пришли с ещё одной женщиной-человеком, замаскированной под тёмного эльфа, — сказал Абдель.

— А-а... Она с Фаэре.

— До сих пор? — спросила Джахейра, не ожидая ответа.

— И врата доставят вас к дракону, — пообещал кодзакурец.

— Каким образом? — спросил Абдель, уже толкая Йошимо к двери.

— Мне объяснили, что вы всегда попадаете в то место назначения, о котором сосредоточенно думаете.

— Ничего лучше мне в голову не приходит, Абдель, — быстро заметила Джахейра, — и нам нужно убираться отсюда немедленно.

Абдель улыбнулся, посмотрел на Йошимо и сказал:

— Веди.

Глава 17

Фаэре чувствовала себя несчастной. Девушка Дженра куда-то исчезла ночью, и Фаэре считала это неуважительным. Она открылась Дженре сама и открыла для неё свой дом — так искренне и быстро, как никогда не делала раньше, и хотя Фаэре была достаточно толстокожей, она просто не могла не принять это близко к сердцу... и выместить на ком-то своё разочарование.

Она хлестнула мага по лицу сильным, умелым ударом, от которого мужчина-дроу отлетел назад. Чародей ударился о мраморные плиты площади, и сумка с компонентами заклинаний, которую он носил на поясе, раскрылась, разбросав по плитам нитки, кристаллы, перья и живых пауков. Маг в ужасе взглянул на Фаэре, ожидая, что его сейчас убьют.

— Готовность! — заорала Фаэре на мужчину. — Полная! Подготовка! Эти слова что-нибудь для тебя значат?

— Врата готовы, госпожа, — быстро отозвался дрожащим голосом маг. — Даю вам слово. Я...

Она с силой пнула его между ног, и мужчина сложился пополам от боли.

— Мне не нужно твоё слово, ты, маленький...

Её оборвал рёв вьючного ящера, пересекающего площадь. Она обернулась. Увиденное заставило её несколько раз моргнуть, прежде чем Фаэре смогла поверить своим глазам.

Вьючный ящер тащил открытую повозку, в которой были сложены драконьи яйца. Повозкой правили люди, блеск их бледной кожи в мягком сиянии ворот на площади нельзя было ни с чем перепутать. Один из них, тот что крупнее, казался знакомым — но откуда? Там была полуэльфийка — Фаэре никогда раньше не видела настоящих полуэльфов. Она не впечатлилась.

Это была команда Бодхи, хотя Фаэре думала, что их должно быть трое. Она насчитала двоих плюс круглолицего человека, которого Бодхи вызвала из врат, чтобы... ну, видимо, чтобы сделать то, что он делал в данный момент. Повозка направлялась к вратам.

Фаэре сделала рукой сигнал, который заставил стражу отступить от врат. Арбалеты и ручные арбалеты нацелились на повозку, но стражники были достаточно послушны, чтобы следовать приказам и не стрелять.

Фаэре улыбнулась, хотя была по-прежнему разочарована. Началось.

* * * * *

Абдель перестал пытаться сосчитать все случаи очевидной лжи, которой кормили его в последнее время — такое происходило слишком часто. Он увидел

владычицу-дроу Фаэре, стоявшую над каким-то съезжившимся мужчиной-дроу у края площади в центре Уст Ната. Она подняла руку и сделала какой-то жест. Абдель не понимал язык знаков дроу — даже не знал, что такой существует — но видел, что стражи, окружавшие площадь, отступили. Они все смотрели на Фаэре, и хотя взяли арбалеты на изготовку, стрелять не стали. Под управлением Абделя повозка быстро мчалась по узким улицам. Открытая конструкция не давала им никакого укрытия. Он полагался на простую удачу, пытаясь добраться до врат, но благодаря Фаэре удача им не понадобилась. Всё было так, как будто она ожидала их — а это не могло означать ничего хорошего. Он так и сказал Джахейре и Йошимо.

— У нас нет выбора! — крикнул Йошимо, перекрывая грохот колёс по мраморным плитам. — Это единственный путь отсюда!

— Это ловушка! — повторил Абдель.

— А где их нет? — загадочно ответил Йошимо. — Доверься мне хоть раз.

Абдель открыл рот, намереваясь перечислить Йошимо полный список причин, по которым он никогда не доверял кодзакурцам, когда на повозку позади него запрыгнуло стройное, бледное тело.

— Имоэн! — охнула Джахейра.

— Не проходите через ворота! — крикнула Имоэн Абделю, хватаясь за его плечо, чтобы сохранить равновесие в шатающейся повозке.

Это было всё, что хотел услышать Абдель. Он с силой натянул поводья, и ящер резко остановился. Всё и все в повозке резко скользнули вперёд, и Абдель чуть не распластался на спине ящера. Имоэн и Джахейра врезались в него сзади, и вскрикнули все хором. Йошимо ударился о спинку сиденья Абделя, разбив себе нос.

— Уничтожить их! — выдохнула Имоэн, как только повозка остановилась. — Нам нужно уничтожить эту штуку — они хотят провести через неё армию!

— Просто прекрасно, — сказал Абдель, потянув поводья влево, заставляя огромного ящера развернуться.

На площади стражники-дроу сделали шаг вперёд, но по-прежнему не стреляли. Абдель знал, что потребуется всего один взмах Фаэре, чтобы все они превратились в подушечки для иголок.

— Как мы их уничтожим? — спросила Имоэн Джахейра. — Нельзя просто взять и...

— Этим! — воскликнула Имоэн, вытащив кристальный жезл из своего мерцающего платья.

— Не делайте этого, — сказал хриплым и отчаянным голосом Йошимо. — Умоляю вас именами всех ваших предков. Это наш единственный путь из этого города. Нужно...

Абдель резко выбросил назад локоть, ударив Йошимо в висок. Кодзакурец рухнул на одно из драконьих яиц, сдвинув, но не разбив его. Секунду он пытался встать, затем обмяк, лишившись сознания, распластавшись на яйцах серебряного дракона.

— Сделай это, — сказал Абдель. — Какая разница, когда умирать.

* * * * *

У Фаэре оборвалось сердце, и она молча прокляла себя, когда увидела, как третий человек бежит по крыше амбара на краю площади и прыгает в повозку. Это была Дженра, и она была бледной, как человек. Она была *человеком*.

Мать Фаэре составила список её недостатков. На вершине списка была её слабость к определённому типу женщин, телесная слабость, которая заставляла её принимать поспешные, необдуманные решения, основанные на страсти, а не на хитрости. Фаэре всегда хотела думать, что эта страсть мотивирует её не хуже хитрости. Благодаря ей она приняла несколько лучших решений в своей жизни, но...

...но это было не одно из них. Фаэре поморщилась, вспомнив, сколько она рассказала женщине в ванне, в постели, шептала ей на ухо, в мягкий, плавный изгиб её шеи... именем жутких зубов Лолс, она рассказала этому человеку всё.

Фаэре взвела собственный ручной арбалет и наложила отравленный дротик, когда повозка резко остановилась, чуть не перевернувшись, перед фиолетово-синими воротами. Дженра, если её действительно так звали, вынула из платья — одного из платьев Фаэре — длинный, тонкий, блестящий...

— О боги, нет, — прошептала Фаэре. Это был жезл. Неужели она действительно это сделала? Неужели она прошептала командное слово на ухо Дженре? Да, прошептала.

Фаэре нацелила арбалет в Дженру, но что-то заставило её зрение помутиться. Неужели это была слеза? Вот до чего она дошла? Сейчас Фаэре знала две вещи; она не может убить девушку, и всё, что она запланировала, всё, ради чего она так усердно трудилась, терпело крах прямо у неё на глазах. Всё было кончено. Она не выстрелила.

Девушка, казалось, не заметила её, не узнала, что Фаэре пощадила её, что Фаэре терзает совесть из-за того, что она позволила этой человеческой женщине — которая манипулировала ею так умело, что с тем же успехом могла быть дроу — уничтожить врата.

Фаэре не слышала, как Дженра произносит командное слово, но с кончика жезла ударила сине-белая дуга молнии и встретилась с клубящейся магией врат. Там, куда ударила молния, фиолетово-синяя энергия пошла складками и собралась в бурлящее грозное облако.

Фаэре увидела, как люди прыгают с повозки, оставляя яйца в отчаянной попытке избежать того, что, как понимали даже молчаливые стражники дроу, сейчас должно было произойти.

Врата взорвались, во все стороны полетели облака и шары фиолетово-синей энергии и полосы белых молний. Фаэре закрыла глаза рукой, когда повозка вспыхнула красным светом, ярко выделяющимся на фоне холодных цветов пожирающих себя заживо врат.

В мгновение ока повозка исчезла, забрав с собой людей и драконьи яйца.

Ещё секунду царила тишина и мрак, затем врата взорвались снова.

Глава 18

Они упали с высоты трёх-четырёх футов на холодную, грубую каменную поверхность пещеры. От удара у Абделя перехватило дух, перед глазами замелькали фиолетовые и красные вспышки. Он сразу же попытался оттолкнуться и перекатиться, но смог только бросить вверх один короткий, тупой взгляд. Прежде чем потерять сознание, он увидел огромную лапу серебряной драконицы Адалон и услышал, как рокочущий голос произнёс: «Они в безопасности».

Его разбудила Джахейра, встряхнув за плечо. Он в жизни так никому не радовался. Абдель сел, голова кружилась несколько секунд, но затем прояснилась.

— Сколько? — спросил он друида.

Джахейра пожала плечами и встала, повернувшись лицом к дракону, возвышавшемуся над ними, как живой собор из жидкого серебра. Драконица плакала. От этого звука Абделя переполнили эмоции, и неожиданно и сразу он понял, понял всё. Обман, манипуляция, интрига — неважно, настало время поступить правильно. Настало время разделаться со злом, настало время положить всему этому конец — навсегда. Он хотел спасти Имозн и Джахейру, и спас, но следовало сделать ещё кое-что. Оставался Айреникус, и хотя Абдель не понимал, какое зло тот собирается сотворить, он знал, что должен каким-то способом остановить некроманта.

Он посмотрел в сторону, увидел Имозн, сидевшую у сталактита, обхватив себя руками. Девушка не скрывала слёз. Джахейра опустилась на землю там, где стояла, глядя на огромный коготь дракона, нависший над повозкой, нависший над своим потомством. Коготь величиной с двух мужчин медленно опустился и погладил одно из яиц с такой нежностью, на которую, как раньше казалось Абделю, даже человек был неспособен — а тем более существо величиной со средних размеров крепость.

Абдель отвёл взгляд и увидел Йошимо.

Кодзакурца, сверлившего крупного наёмника взглядом, казалось, ни капли не трогает сверхчеловеческое счастье дракона.

— Это было глупо, — низким и хриплым голосом сказал Йошимо, обращаясь к Абделю. — Это было очень глупо... чего ради?

Джахейра повернулась, чтобы посмотреть на Йошимо. Абдель медленно поднялся, потянувшись к мечу. Йошимо достал собственный меч, лицом к лицу встречая сына Баала.

— Какой же ты идиот, Миликки свидетельница, — зашипела Джахейра на Йошимо. — Ты хоть понимаешь, где находишься и чего смог избежать?

— Избежать? — оскалился Йошимо. — Ты даже не представляешь, друид, что это были за врата и какая сила их питала... Вам не следовало быть такими... активными.

— Мы должны были вести себя как послушные маленькие пешки, не так ли? — спросил Абдель, удивляясь тому, что почти не чувствует злости.

Йошимо вздохнул, бросил короткий взгляд на дракона и вложил меч в ножны.

— Пока что ничего не кончилось.

— Она собиралась убить тебя, — неожиданно сказала Имоэн полным боли голосом. — Вампирша собиралась убить тебя, как только мы прошли бы через врата.

— Чего ради? — спросил Йошимо, но по взгляду было ясно — он понимает, что девушка права.

— А чего ради ей оставлять тебе жизнь? — ответила за Имоэн Джахейра. — Из милосердия? Из благодарности? Она питается такими, как ты... их кровью, во всяком случае.

Лицо Йошимо рассекла абсолютно неуместная ухмылка, и он издал короткий мучительный смешок.

— Не стану опускаться до жалких возражений, друид.

Абдель вложил меч в ножны и оглянулся, чтобы увидеть, как дракон аккуратно вынимает яйца из рассыпающейся повозки.

— Йошимо, — сказал он, — при любых других обстоятельствах я прикончил бы тебя на месте, но... я тут подумал. Ты можешь пойти с нами. Можешь получить шанс на...

— Искушение, — с улыбкой подсказала Джахейра.

Абдель кивнул и сказал:

— Иначе я тебя убью. Уж поверь мне.

Йошимо глубоко поклонился и сказал:

— Я верю подобным обещаниям сына Бога Убийств, друг мой. Но я — наименьшая из ваших тревог. Вас не будет там, где ждёт Айреникус, но это не значит, что вы в безопасности. Ты забыл про ритуал. Ты забыл о крови, которая течёт у тебя и твоей сводной сестры в жилах. В следующий раз прекрасному друиду может не повезти избежать встречи с созданиями, в которых вы превращаетесь.

Абдель сделал долгий выдох через нос, затем сказал:

— Да. Мне нужно поговорить об этом с господином Айреникусом.

— И мне тоже, — прошептала Имоэн.

— Вам обоим представится такая возможность, — сказала драконица громким, но мягким голосом. — Я покажу вам путь на поверхность, к окраине Тетирского леса. Найдите эльфа по имени Эльхан и расскажите ему вашу историю. Вам предстоят две битвы: одна за Сулданесселлар, а вторая — за ваши души. Сомневаюсь, что можно выиграть одну, не одержав победы в другой.

* * * * *

Свет был ослепительным, а они даже не успели покинуть пещеру. Абдель заморгал и оглянулся на Джахейру. Её глаза были красными, по грязным щекам текли слёзы. Абдель решил, что причиной тому — свет, струящийся снаружи, но знал, что она, может быть, плачет от облегчения. Абдель и сам готов был заплакать.

— Драконица сдержала слово, — заметил Йошимо.

Голос убийцы чуть не напугал Абделя. Увидев конец тоннеля, они до сих пор не произнесли ни слова, испытав невероятное облечение от окончания сводящего с ума подземного путешествия. Абделю даже было всё равно, где они оказались.

* * * * *

Веди своих людей в Сулданесселлар, сказал в разуме Бодхи Джон Айреникус, и будь готова убить их всех.

Она как раз собиралась ответить, но мягкую бледную плоть её живота пронзил арбалетный болт и вырвался с другой стороны. Вампирша, совсем не пострадавшая, несмотря на кратковременное неудобство, подняла взгляд. Из мрака за большим каменным мавзолеем возник отряд Теневых Воров. В ограждённом стенами Могильном квартале Аткатлы ночь была глубокой и тёмной, но Бодхи с её сверхъестественным зрением видела пятерых убийц вполне отчётливо. Одной из них была старая женщина, о которой Бодхи слышала от своих людей. Жрица Ксвима по имени Ниила.

Она слышала, что Ниила мертва, но Бодхи и сама была когда-то непродолжительное время мертва. Жрица взяла с собой лишь четверых, женщину и трёх мужчин в знакомом чёрном облачении Теневых Воров. Бодхи позволила себе улыбнуться тому, как странно, но всё же уместно они выглядят здесь, ночью в некрополисе.

— Шита... — сказала Бодхи, кивая в сторону убийцы, отчаянно перезаряжавшего свой арбалет, пока его товарищи наступали. В свисте пращи маленькой женщины-орка почти потерялся звук вырванного Бодхи из своего тела болта.

— Просто разделайтесь со всеми, — прошипела жрица, чей голос далеко разнёсся в неподвижном ночном воздухе.

Камень покинул пращу Шиты, и с силой ударил в один из натянутых арбалетов, прежде чем убийцы успели подойти хотя бы на полшага. Тетива соскочила, болт упал в сухую колючую траву. Убийца отдернул руку и зашипел от боли. Он выпучил глаза, увидев, как арбалет медленно рассыпается на куски. Бодхи улыбнулась, зная, что дело не в силе выстрела — Шита просто знала, куда надо бить. Бодхи нравилась Шита.

Жрица сбавила шаг, но трое других убийц продолжали наступать. Один вытащил из-под своей чёрной рубахи короткую штуку с острым концом. Женщина достала два тонких метательных ножа, а другой мужчина заставил свистнуть свою саблю, вынимая её из ножен.

— Горам, — сказала Бодхи, — Невилла, Нарис и Кевлан, присоединитесь к нам, пожалуйста.

Когда из-за склепов и больших надгробий позади Бодхи выступили ещё четверо, среди Теневых Воров не удивилась только жрица. Нарис, в прошлом сам — Теневой Вор, взмахнул сверкающим, бритвенно-острым бердышем и захихикал. Кевлан, тоже бывший член гильдии, достал два коротких меча. Горам и Невилла, вампирские рабы Бодхи, зашипели, демонстрируя приближающимся убийцам клыки. Трое воров замешкались — дольше, чем позволяли им тренировки. Вор с разбитым арбалетом просто застыл на месте, не зная, что делать.

— Вы Теневые Воры, — напомнила своим людям жрица.

Двое из них бросили на неё быстрый взгляд, все трое ускорили шаг.

Ближе всех к Бодхи оказался обладатель короткого, заострённого оружия, в котором вампирша быстро узнала заточенный деревянный кол. Значит, они приготовились. Бодхи вынуждена была признать, что для человека убийца был довольно быстр, и требовалась немалая смелость, чтобы напасть на вампира —

пускай даже с деревянным колом. Кол мог бы представлять для неё опасность, если бы не Невилла, подошедшая к Бодхи слишком близко. Бодхи грубо схватила Невиллу за плечо и закрылась ею, когда ассасин нанёс удар. Невилла, очевидно, успела осознать, что должно произойти — она испуганно вскрикнула, когда ассасин на полпути исправил траекторию удара, чтобы вместо Бодхи ударить в неё. Должно быть, он решил, что один вампир ничем не хуже другого.

Кол с громким хлопком вонзился в грудь Невиллы, и младшая вампирша онемела.

Убийца улыбнулся — и это стало последним выражением на его лице. Кевлан оказался позади него и скрестил два острых меча перед шеей убийцы, потащив их назад и сложив, как ножницы. Голова оторвалась с фонтаном крови, от которого Бодхи спаслась, швырнув в обезглавленный труп онемевшее тело Невиллы и отбросив обоих от себя.

Бодхи довольно улыбнулась Кевлану. Мужчина ответил ей волчьим оскалом и повернулся к остальным убийцам. Бодхи с ним повезло. Она думала о том, чтобы сделать его своим рабом. Теперь, когда Невилла была мертва, Бодхи решила начать этот процесс пораньше. Среди убийц, которых она по приказу Айреникуса перевербовала у Теневых Воров, Кевлан и Нарис порадовали её больше всего. Теневой Совет, жалкие бюрократы, правящие своим ничтожным королевством убийц, наверняка считали, что последние полтора месяца Айреникус был занят созданием собственной гильдии-конкурента. В какой-то степени это была правда, но этих убийц не будут посылать за жирными купцами ради кошелька золотых монет. Эти мужчины и женщины послужат высшей цели Айреникуса, плану, который и не снился Теневому Совету. Но Бодхи немало смущало, что её гильдия была действительно хороша и с каждым днём становилась всё лучше, превращаясь в настоящего конкурента Теневых Воров. Поначалу это была просто ещё одна услуга в длинной цепочке услуг, оказанных ей человеку, которым Бодхи восхищалась, но теперь она начала думать о... возможностях.

Забрать всех моих милых маленьких убийц в какой-то эльфийский город лишь для того, чтобы они погибли, подумала она, отправляя мысли в далёкий разум Джона Айреникуса, кажется напрасной тратой ценного ресурса.

О нет, быстро ответил он, ни одна капля их крови не прольётся зря, моя дорогая. Эти твои игрушки помогут мне выпустить из дитя Баала такую силу... я призову Губителя.

И всё это ради убийства единственного эльфа?

Единственного эльфа, да, ответил Айреникус. Единственного эльфа, гибель которого снова сделает меня бессмертным.

* * * * *

— Это же пятнадцать дней, — сказал Абдель. — Мы что, были внизу пятнадцать дней?

Джахейра и Имоэн потрясённо смотрели на него.

— Я даже не знаю, — медленно сказала Имоэн, — это больше или меньше того времени, которое прошло по моим ощущениям.

— И тебе сказали ожидать нас? — спросила Джахейра худого эльфа с суровым лицом, который был предводителем патруля.

— В каком-то смысле, друид, — ответил тот на всеобщем с сильным акцентом.

— Кто нас ожидает? — с подозрением спросил Йошимо.

Эльф без выражения посмотрел на Йошимо, очевидно не желая отвечать на этот вопрос. Он повернулся к Джахейре и произнёс одно-два предложения на певучем эльфийском, от которых Джахейра покраснела. У Абделя шерсть встала дыбом от того, что он не мог участвовать в этом разговоре. Имоэн скорчила гримасу.

— Мы должны отправиться вместе с ними в их лагерь, — сказала Джахейра.

— Ещё несколько дней... пешком, — спокойно сказал командир патруля, как будто речь шла о вечерней прогулке.

Абдель вздохнул. Ему приходилось совершать переходы и подлиннее.

Командир патруля выскользнул из своего красного плаща и протянул его Джахейре, которая приняла плащ с благодарным кивком. Ночь была холодной. В лесных кронах свистел пронизывающий ветер. В тёмном лесу раздавались звуки тысяч животных всех размеров и обличей, провожающих последние пятна индиго в чернеющем небе и приветствующих россыпь сверкающих через густую листву звёзд.

Суровый эльф посмотрел на Абделя и сказал:

— Это необычно.

— Во всём происходящем нет ничего обычного, сэр, — заметила Имоэн, позволяя просочиться наружу сарказму.

— Королева в опасности, — сказал эльф. — Приходится делать исключения — даже позволять людям войти в лес.

— Королева... — повторила Джахейра, бросив удивлённый взгляд на эльфа. — Эллисим.

Командир патруля долго смотрел на неё, ничего не отвечая, затем нетерпеливо улыбнулся и сказал:

— Исключения случаются. Нам приказано считать это одним из них.

Патруль одновременно развернулся, и Абдель, Джахейра, Имоэн и Йошимо последовали за ними дальше в Тетирский лес — место, в котором приходилось бывать мало кому из людей.

— Мы достигнем ворот до первых лучей солнца, — сказал эльф, небрежно оглядываясь через плечо.

— Ворот? — спросил Абдель.

Джахейра улыбнулась и вздохнула — устало и благодарно.

— Мы будем в лагере завтра ночью примерно в это же время, — сказал эльф.

* * * * *

Убийца с арбалетом наконец бросился бежать.

Горам и Нарис отпустили его, продолжая следить за жрицей. Позади них Шита зарядила камень в пращу. Бодхи следила за происходящим без лишнего беспокойства.

Жрица произнесла череду кажущихся бессмысленными слов и проделала ещё более бессмысленные жесты. В одной руке у неё что-то было — и исчезло, когда она выхаркнула последние слова молитвы. Горам шагнул вбок, хотя Бодхи не могла

различить, от чего он пытается уклониться. Нарис прыгнул вперёд, выставив лезвие бердыша прямо перед собой, но не успел добраться до жрицы, прежде чем она закончила заклинание.

Нарис отвёл правую руку, чтобы воспользоваться своим оружием, и в этой позе застыл. Бодхи услышала, как выпал на землю камень из пращи Шиты, и повернулась, чтобы посмотреть на неё. Невысокая женщина-орк тоже застыла без движения. Её маленький лоб хмурился, глаза пылали, но она и мускулом не могла пошевелить. Горам и Кевлан не пострадали, и ещё стремительнее бросились на противницу.

Теневой Вор с саблей вышел вперёд, чтобы встретить Кевлана. Оба они злобно улыбнулись, когда сталь зазвенела о сталь.

— Заставь эту сучку пожалеть, Горам, — жёстко сказала Бодхи, и вампир без малейшего промедления напал на жрицу.

Когда? спросила Бодхи Айреникуса через разделявшие их мили.

Когда Имоэн и Абдель будут там, ответил он. Скоро.

Ниила достала зачарованную булаву. Жрица замахнулась ею на несущегося в атаку Горам. Кевлан был занят в бою с вооружённым саблей убийцей, а Шита и Нарис парализованы. Бодхи поняла, что пора и ей принять участие в битве.

Теневой Вор сумел заставить Кевлана отступить. Бодхи бросила взгляд в ту сторону, чтобы узнать, как дела у её подчинённого. Два коротких меча Кевлана сверкали в ночи, выбивая искры на сабле убийцы. Бодхи отвернулась, когда увидела, как Кевлан случайно задел парализованное тело Нарис.

— Проклятье! — захрипел он.

Теневой Вор засмеялся, довольной неожиданной передышкой.

Прежде чем Горам успел добраться до жрицы, на него посыпался поток метательных ножей. О Гораме Бодхи не беспокоилась — простые стальные лезвия рабу были не опаснее, чем самой вампишре — но меткость женщины из Теневых Воров впечатляла.

— Не трать их, Селарра, — сказала жрица своей подопечной. — Берись за кол.

Молодая женщина обшарила взлядом землю в поисках кола и обнаружила его по-прежнему торчащим в неподвижной груди Невиллы. Бодхи улыбнулась и шагнула в сторону. Селлара осознала, что Бодхи стоит между нею и телом Невиллы.

Кевлан наконец-то нашёл брешь в череде бесконечных выпадов Теневого Вора и воспользовался растущей самоуверенностью противника. Даже когда Кевлан распотрошил его, Теневой Вор всё ещё смеялся, наконец осознав, что проиграл, только когда второй клинок Кевлана рассёк ему горло.

Когда Бодхи в насмешку преградила Теневой Воровке путь к колу, она оказалась на расстоянии вытянутой руки от жрицы. Вампишра воспользовалась тем, что Горам наконец-то атаковал жрицу своими длинными, похожими на звериные когти ногтями, и хлестнула Ниилу по лицу собственными когтями. Горам увернулся от быстрого удара зачарованной булавы — ему пришлось практически броситься на землю, чтобы избежать молниеносной атаки. Жрица гневно закричала, когда Бодхи резким рывком когтей вырвала ей глаз. Булава выпала из руки Ниилы.

— Я могу забрать их всех, сучка, — сказала Бодхи жрице Теневых Воров. — Я могу забрать всех твоих убийц — всю твою гильдию.

Вампишра повернулась к Селларе, но заговорила со своим рабом.

— Жрица твоя, — сказала она. — Я хочу ту, что с ножами.

Глава 19

Во время путешествия по лесу, который командир патруля называл Вилдатом вместо Тетира, Джахейра, казалось, целиком ушла в себя. Она выглядела одновременно счастливой и грустной, как будто пребывание здесь потревожило ту её часть, которая могла назвать эти места домом.

Йошимо продолжал шагать, не убирая ладонь с рукояти меча, и Абдель видел, что убийца в любую секунду готов исчезнуть среди тёмного леса. Как эти эльфы — кто угодно, если уж на то пошло — могли доверять одному из Теневых Воров?

От ворот командир патруля провёл их напрямик к огромному дереву. Несмотря на усталость, им не терпелось предупредить королеву об опасных врагах, готовых выступить против неё. Их провели коридорами внутри дерева, которые могли быть естественными жилами в древесине, если бы не размер. Нырнув под занавес из бусин, они оказались в удивительно большой, высокой комнате, освещённой ключьями холодного, судя по всему — магического света.

Помещение было обставлено немногочисленной изящной мебелью из дерева и перевитых лоз. Изгибающаяся стена полукруглой комнаты была украшена тонкой резьбой, изображающей растущую из вьющихся ветвей листву. На фоне резьбы стоял стройный мужчина-эльф в простой одежде путешественника. На его поясе висел меч, от которого у Абделя чуть не потекли слюни. О лунных клинках ему приходилось только слышать, но наёмник был уверен, что этот меч — один из них.

Эльф улыбнулся и жестом указал им на сидения в центре комнаты. Джахейра глубоко поклонилась и сказала что-то на эльфийском. Прямо на эльфа она не смотрела. Тот вернул ей поклон, наклонив собственную голову.

— Нам следует использовать всеобщий, — сказал с сильным акцентом эльф, — чтобы не оскорбить наших гостей.

— Как пожелаете, сир, — ответила Джахейра.

Все пятеро сели в глубокие кресла, лицом к простому деревянному сидению. Эльф, не забывая о длинном клинке у себя на поясе, осторожно присел на край стула и поднял бровь.

— Королева в опасности, — просто сказала Джахейра.

Эльф улыбнулся и сказал:

— Я Эльхан. А вы?

Джахейра, волнуясь, ответила:

— Джахейра... друид, служащий Миликки.

— И арфистам, разумеется, — добавил за неё Эльхан.

Джахейра покраснела и сказала:

— Я здесь не по их поручению.

Она не спрашивала, откуда эльфу известно о её связи с арфистами. Видимо, эльфийские принцы просто знали подобные вещи.

— Я Йошимо, — сказал кодзакурец, как обычно заполняя неловкую паузу. — К вашим услугам... сир.

— Я Имоэн, — слабо сказала девушка. Путешествие по Подземью, а затем по лесу, похоже, далось ей необычайно тяжело. Она казалась слабой и измученной.

— Меня зовут Абдель, — сказал наёмник.

Эльхан повернулся к нему и кивнул.

— Про тебя я слышал. Что привело сына Баала в Вилдат?

Абдель повернулся к Эльхану и сказал:

— Сулданесселлар в опасности. Могущественный некромант, человек по имени Джон Айреникус надеется провести некий ритуал...

— Действительно, — оборвал его Эльхан. — Айреникус нам известен. Он... моя сестра — Эллисим — достаточно долгое время поддерживала с ним... отношения. Они по-прежнему сохраняют связь, природу которой, честно говоря, я и сам до конца не понимаю. Когда Эллисим чувствует Айреникуса через эту связь, она ощущает лишь его апатию. Она отказывается верить, что он желает ей зла, и даже что он в ответе за то, что Сулданесселлар был запечатан.

— Что значит «запечатан»? — спросила Джахейра.

— Именно это и значит, — пожав плечами, ответил Эльхан. — Мы больше не можем попасть на Лебединый луг. Каким-то образом Айреникус отрезал нас от дома.

— Что можно с этим сделать? — спросил Йошимо. — Видимо, мы должны помочь вам вернуться в ваш город, чтобы вы могли спасти королеве жизнь.

— Мы поможем, — сказала Джахейра, нахмурившись на кодзакурца.

— Эллисим нельзя убить, — просто сказал Эльхан. — Простите, что не объясняю, как такое возможно. Я боюсь не её гибели, но если Айреникус станет бессмертным сам, он сможет беспокоить мою сестру очень долго — на протяжении, по меньшей мере, нескольких веков — и в процессе навредить городу, да и всему Вилдату.

— Мы не до конца понимаем, зачем мы здесь, сир, — признал Абдель. — Знаем только, что ваши и наши, — он кивнул на Имоэн, — судьбы связаны, и каким-то образом это имеет отношение к Айреникусу.

Эльхан заинтересованно поднял бровь, и Абдель добавил:

— Я потомок Бога Убийств — и не только я. У меня есть сестра по отцу. Айреникус собирается использовать нашу кровь, чтобы призвать некую силу — если не самого Баала, то его эссенцию, некоего аватара. Именно эту богоподобную силу по какой-то неизвестной причине и хочет заполучить Айреникус.

Эльхан кивнул и улыбнулся.

— Видимо, я могу пролить для тебя свет на всё это, Абдель Адриан. В конце концов, наши судьбы действительно связаны. Я рад, что вы добрались сюда. Очень рад.

* * * * *

Бодхи проснулась рано, как часто бывало, и осталась лежать в гробу, зная, что солнце ещё не полностью село. Как обычно за последние дюжину дней, она проснулась с мыслями об Абделе. Ощущение его рук на своём теле, его языка во рту, их чувственных объятий продолжало дарить ей наслаждение. Она никогда не

использовала бы слово «любовь», или даже «страсть», но, может быть, в той жалкой части, что ещё оставалась в ней от человека, Бодхи испытывала оба этих чувства — и даже больше.

Абдель многого не знал, но и она сама пока что не знала о нём настолько же много. Бодхи надеялась, что у неё ещё будет шанс.

Она потянулась, и её локоть скользнул по нескольким неровным кускам холодного металла. Айреникус приказал ей держать рядом с собой эти части какой-то сломанной древней вещи. Бодхи чувствовала скрытую в них магию и знала, что это имеет какое-то отношение к ритуалу. Айреникус сказал, что есть немалый шанс того, что Абдель придёт к ней в поисках этого предмета. Она была счастлива хранить его ради такой возможности.

Вампирша прошептала его имя лишь ради того, чтобы почувствовать этот звук на кончике языка. В замкнутом пространстве не было эха. Воздух, пропахший почвой её практически забытого дома, был слишком мёртвым, чтобы пропустить нечто столь изящное, как эхо.

— Любовь, — вслух сказала она в затхлом воздухе гроба. Звук заставил её улыбнуться.

Бодхи коснулась своего тела и закрыла глаза, зная, что этой ночью убьёт всех своих ассасинов во имя Айреникуса. Бодхи больше не беспокоило, что её новорождённая гильдия никогда не будет ей служить — так или иначе, эту роль исполнит сын Баала.

* * * * *

— Айреникус и Бодхи несут ответственность за худшую катастрофу, что когда-либо случалась с Сулданесселларом, — объяснил Эльхан.

Абдель был счастлив наконец узнать факты, с помощью которых сможет разобраться во всём этом беспорядке, счастлив ощущать спокойствие, которого уже долгое время не испытывал. Эльфы описывали древесный зал как «лагерь» и «временное пристанище», но Абделю оно казалось достаточно постоянным. Эльфы повсюду приносили с собой свои традиции.

— Мы не знаем, что они хотели сделать. Никто из нас даже не представлял, что они будут такими... не знаю. Мы не подозревали, — продолжал Эльхан. — В первых волнах прокатившейся по городу силы погибло много самых старых, слабых горожан. Дерево Жизни... они атаковали само Дерево Жизни.

Джахейра охнула, и Эльхан кивнул ей.

— Эллисим — моя сестра, наша королева, — продолжал он, — тоже едва не погибла. Подвергнуть опасности её, подвергнуть опасности всех нас, подвергнуть опасности Дерево. Мы — все мы — не могли осознать подобное. Всё это, почти весь город, эльфы, хранившие мудрость тысячелетий... всё это погибло ради какой-то мелкой выгоды... личной выгоды.

— И они не понесли наказания? — спросила Джахейра, изумлённо распахнув глаза.

Эльхан улыбнулся и пожал плечами.

— Не совсем. Их наказали согласно пожеланию Эллисим. Они получили противоположность того, чего желали. Была использована великая, Высшая магия,

чтобы превратить их в людей. Их лишили эльфийской природы и отправили в изгнание. Они не только стали смертными, но... простите меня, — сказал он, кивнув трём людям по очереди, — но у них осталось всего несколько лет, чтобы раскаяться в своих преступлениях, прежде чем время казнило бы их за нас.

— Чего он искал? — спросил Абдель.

— Бессмертия, — прошептала Джахейра.

Эльхан сделал долгий глоток сладкого эльфийского вина из бокала и подтвердил:

— Бессмертия. Самая простая и самая странная цель тех, кто лишён широты ума. Жить вечно — значит презреть господство Времени.

— Но успеха он не добился, — сказал Абдель.

— Он был близок. Он изучал заклинания и ритуалы, которых сторонилось не одно поколение.

— Но Бодхи, — сказала Джахейра. — Она всё-таки стала бессмертной, не так ли?

Эльхан опять пожал плечами и сказал:

— В каком-то смысле. Бодхи — нежить. Она не бессмертна. Это очень разные вещи, которые на первый взгляд действительно могут показаться похожими. Став человеком, Бодхи пыталась найти быстрый, простой ответ. Ей всегда было свойственно подобное поведение. Пока Айреникус занимался исследованиями, она начала действовать. Бодхи стала вампиром, но осталась с человеком, которого звала братом, в надежде, что продолжавшиеся исследования Айреникуса однажды принесут выгоду и ей тоже.

— Не уверен, что понимаю, — сказал Абдель. — Айреникус снова хочет стать эльфом?

— Не только это, — ответил Эльхан. — Мы живём очень долго — достаточно, чтобы некоторые из вас считали, что мы действительно бессмертны — но время в конце концов берёт своё. Айреникус был одним из лучших среди нас. Прежде чем опуститься до полоумной некромантии, он был, возможно, самым могущественным магом всего Фазруна — одним из них, по крайней мере. Более того, он был возлюбленным моей сестры — был настолько близок к трону, насколько это вообще возможно. Она любила его, и может быть, давным-давно он тоже её любил.

— Так что с ним произошло? — спросила Джахейра. — Что могло заставить его предать Эллимис?

— Бодхи, — без выражения сказал Эльхан. — Хотя мне неприятно возлагать ответственность на неё. Но если мы с сестрой верим, что намерения Айреникуса когда-то были чистыми, сомневаюсь, что про Бодхи можно сказать то же самое. В ней есть что-то... не знаю, и не хочу знать. Я предпочту считать, что она — просто противоестественное отклонение.

Абдель неожиданно ощутил потребность встать, и так и поступил. Джахейра вздрогнула, но ничего не сказала. Эльхан молча смотрел, как Абдель подошёл к окну и выглянул наружу.

Почувствовав повисшее в комнате напряжение, Абдель сказал:

— Продолжайте.

— Бодхи всегда была самой доверенной советницей Айреникуса. Какое-то время она училась вместе с ним, помогала ему, заботилась о нём. Они действительно были

похожи на брата и сестру. Эллисим, к её чести, сделала всё, чтобы принять Бодхи, предложила свою дружбу, даже в каком-то роде сестринские отношения, но Бодхи всегда держалась в стороне. Иногда мне кажется, что это просто фантазии моей сестры... что Бодхи заставила Айреникуса провести ритуал. Они оба хотели одного и того же — жить вечно. Бодхи убедила Айреникуса, или он убедил её, или они убедили друг друга провести ритуал столь омерзительный...

— Древо Жизни? — спросила Джахейра полным недоверия голосом. — Подобная гордыня...

— Я слушал вас с огромным интересом, — сказал Йошимо, — и должен спросить — что такое это Древо Жизни?

— Это духовное сердце Суладенесселлара, — сказала Джахейра. — Это сила, которая может быть старше самих богов. Все божества уважают её. Некоторые говорят, что это — источник всей жизни.

— Друиды хорошо тебя обучили, Джахейра, — с улыбкой сказал Эльхан. — Айреникус пытался выпить жизненную силу прямо из Древа. Не могу представить себе поступка более отвратительного или более запретного для нас.

Абдель вздохнул и снова отвернулся от окна.

— Так что мы будем делать? — спросил он. — Они собираются предпринять новую попытку, не так ли?

Эльхан кивнул.

— Боюсь, что на сей раз ты и твоя сестра имеете к этому какое-то отношение, Абдель Адриан.

— Что ж, — ответил Абдель, — я уже не раз бывал в центре волшебных ритуалов. С этим ритуалом я не хочу иметь ничего общего.

— Хорошо, — искренне сказал эльфийский принц. — Тогда вам придётся кое-что ради всех нас сделать.

— Скажите, что.

— Вернуться в Аткатлу, — сказал Эльхан. Его пылающий взгляд впился в глаза Абделя. — Найти Бодхи, убить её и принести назад части Риннского Фонаря.

Сердце Абделя на миг остановилось, и желтая дымка начала подступать к краям его зрения. Он плотно сжал веки и постарался взять себя в руки.

— Риннский Фонарь? — спросил Йошимо. — Маленькие кусочки бронзы, которые можно сложить в единое целое?

Эльхан кивнул.

— Я видел его у вампирши, — сказал кодзакурец. — Айреникус отдал ей их на сохранение.

— Зачем нужна эта штука? — спросила Джахейра.

— Если говорить прямо, она приведёт в порядок ваши души, — ответил Эльхан. — Она подавит аватара внутри тебя, Абдель, и спасёт жизнь Имоэн.

Абдель оглянулся на Имоэн и впервые заметил, что девушка заснула или потеряла сознание. Её дыхание было ровным, но она выглядела бледной, глаза запали, губы посерели.

— Значит, я отправляюсь в Аткатлу, — тихо сказал Абдель, не сводя с Имоэн глаз.

— Как и все мы, — заметила Джахейра.

— Нет, — быстро сказал Абдель. — Я должен сделать это сам.

Абдель посмотрел на Джахейру, и она кивнула. По щеке друида медленно покатилась слеза.

Глава 20

Ему самому сложно было в это поверить, но Абдель действительно начал привыкать к телепортации.

Он никогда не считал себя поклонником телепортов. Телепортацией занимались маги, фаэримм, демоны и боги. Он был тем человеком, которому платят за охрану складов или сопровождение караванов с большим мечом в руках. Он путешествовал традиционным способом. Пешком. Иногда он ехал на лошади, в повозке либо в фургоне, и разок-другой плавал на кораблях. Моментальное преодоление сотни миль меньше чем за секунду во вспышке магического света вызывало у него головокружение и чувство потери контроля над происходящим — что в первую очередь и беспокоило Абделя.

Но он уже давно перестал контролировать практически всё происходящее, так что, может быть, дело было в этом. То, что один из магов Эльхана его телепортирует, было наименьшей из проблем Абделя.

Он стряхнул с себя головокружение после телепорта и огляделся вокруг, убеждаясь, что попал в нужное место. Потолок был низким, почти касался макушки. В воздухе пахло мусором и кислой медовухой. Было темно, но Абдель видел очертания мешков с мукой и бочонков с вином и элем. Он слышал шаги над головой и скрежет стульев по половицам. Ворчливый голос отчётливо произнёс: «Всё готово, Бу», и Абдель понял, что оказался там, где надо.

Он стоял в том самом месте, где занимался любовью с Бодхи. Она загипнотизировала его. Абдель снова повторил себе это, хотя и не поверил. Запахи и звуки этого места сделали воспоминания достаточно яркими, чтобы он больше не мог притворяться. Он шагнул к лестнице вверх, и его взгляд привлёк клочок тени на полу всего в паре шагов слева. Глаза быстро приспособились к темноте, и шагнув в ту сторону, он увидел в тени люк.

Абдель подумал, что ищет вампира. Была ночь, но пока ещё ранняя. Бодхи должна находиться где-то как можно дальше от солнца. Погреб под погребом — что это за место? Хранилище для овощей? Не винный погреб, только не здесь. В любом случае, для вампира место было подходящим.

Маг Эльхана казался уверенным, что Бодхи находится здесь. Он каким-то образом чувствовал её, ощущал. Ещё одна невероятная способность, которой Абделю придётся довериться.

Абдель нагнулся над люком и взялся за холодное железное кольцо, служившее ручкой. Он уже хотел открыть люк, но потом остановился. Он вытащил меч, взвесил его в руках, позволил скрипу шагов Минска над головой успокоить себя, и понял, что не хочет убивать Бодхи. Эльфы рассказали ему, какое зло она сотворила, и в любом случае оставался тот факт, что она была вампиршей, но это было не всё. Была

причина, достаточная, чтобы не убивать её. Он посмотрел в темноте на лезвие своего меча и понял, что этого оружия всё равно не хватит, чтобы прикончить вампира.

Он вернул меч за спину, и правая рука нащупала деревянный кол, заткнутый за пояс. Абделю его дали эльфы. Кол был вырезан из сломанной ветром ветки, ветки дерева в Тетирском лесу, на краю запечатанного, обречённого Сулданесселлара. Они дали ему кол, чтобы убить Бодхи, потому для их выживания нужна была её смерть и артефакт, который вампирша наверняка не отдаст по доброй воле.

Он стиснул кол и открыл люк.

Пространство внизу освещали три свечи, стоявшие в старом канделябре с шестью гнездами. Потолок был слишком низким, чтобы Абдель мог выпрямиться, ни ступеней, ни лестницы не было. Он соскользнул с края и приземлился на грязный пол. Пахло плесенью и крысиным помётом, и единственное, что находилось здесь помимо канделябра и Абделя — пустой гроб.

То, что гроб пустовал, наполнило Абделя неуместным облегчением.

* * * * *

Имоэн снова спала, лежа под удивительно прочным навесом, который эльфы сплели из лоз, веток и листьев. Над ней сидела Джахейра, одной рукой сжимая свой священный символ, а вторую положив на голову спящей девушке. Молитва подходила к концу, но там, где должен был струиться поток исцеляющей силы, была лишь пустота.

Силы Имоэн стремительно таяли. Её кожа была холодной и бледной, и большую часть времени девушка проводила во сне. Это была третья исцеляющая молитва, которую пробовала Джахейра. Ничего не помогало. Похоже, что из-за ритуала Айреникуса текущее в жилах Имоэн зло высасывало её душу. Миликки отказывалась даровать ей свою благодать. Это казалось несправедливым, но Джахейра пыталась понять.

— Фазре... — пробормотала во сне Имоэн.

— Она умирает, — напугав Джахейру, сказал у неё за спиной Йошимо.

— Да, — не оглядываясь, согласилась друид.

Йошимо шагнул вперёд и уселся чуть позади.

— Чего только не сделают люди... — задумчиво произнёс кодзакурец.

— Ради бессмертия? — спросила Джахейра, намочив полотенце и выжимая его.

— Ради бессмертия, — согласился Йошимо, — ради денег, ради верности короне, знамени или человеку.

Джахейра положила мокрое полотенце на лоб Имоэн — зная, что это глупый, напрасный жест, но всё равно желая его сделать — и сказала:

— Пойдут на убийство?

Йошимо засмеялся в ответ на очевидный выпад в его сторону.

— Там, откуда я родом, — сказал он, — убийца — почётная профессия.

— Убийство есть убийство, — сухо отозвалась Джахейра, — где бы ты ни находился.

— Разница во взглядах, — сказал кодзакурец. — Люди убивали и за меньшее, не так ли?

Джахейра нежно убрала полотенце со лба Имоэн.

— Абдель спасёт её? — спросил Йошимо. Казалось, он рад сменить тему.

— Абдель? — пробормотала во сне Имоэн.

Джахейра легонько коснулась её плеча, и Имоэн открыла глаза.

— Абдель! — воскликнула она. В тишине эльфийского лагеря голос прозвучал громко и отчётливо.

— Он будет здесь, — сказала ей Джахейра. — Он...

— Молчать! — рявкнула Имоэн, на сей раз глубоким и грубым голосом. Её глаза вспыхнули жёлтым, Джахейра охнула. Имоэн резким движением села, и Джахейра почувствовала, как сзади её хватает и оттаскивает чья-то рука. Челюсти Имоэн клацнули прямо перед лицом Джахейры, как будто девушка пыталась её укусить.

— Имоэн... — сказала Джахейра.

— Она сама не своя, — прошептал Йошимо.

Имоэн засмеялась, и это был не её обычный приятный смех.

— А чья же, кодзакурец?

— Баала... — ответила за него Джахейра.

Как будто в ответ, Имоэн рухнула обратно на ложе из листьев и уснула.

* * * * *

Абдель ударил Гаэлана Бэйла не в полную силу, и только поэтому Бэйл выжил.

— Я с радостью тебя прикончу, — сказал ему Абдель.

Единственным ответом был надрывный кашель.

— О, — выдохнул Минск. — Это наверняка было больно, Бу.

Абдель оглянулся на рыжеволосого безумца и сказал:

— Пойди, что ли, прогуляйся, Минск. «Медная корона» закрывается на ночь.

Минск посмотрел на Бэйла, затем на Абделя, улыбнулся и быстро ушёл, бормоча «Похоже, Бу, нам придётся искать новую работу».

— Где она? — в третий раз спросил Абдель. — И не забывай, что случится с тобой, если мне придётся спрашивать четвёртый раз.

Бэйл поднял взгляд и выдавил слюнявую улыбочку.

— Ладно, — выдохнул он, — ладно... две тысячи... золотых монет. Это моё последнее... последнее предложение.

Абдель ответил на его улыбку и снова занёс руку. Бэйл закрыл глаза, пытаясь подготовиться к предстоящему удару, который скорее всего должен был его прикончить.

— Я знала, что ты придёшь, — сказала Бодхи, выскользнув из-за ведущего в заднюю комнату занавеса. — Можешь отпустить его.

Абдель повернулся обратно к Бэйлу. Тот улыбнулся и подмигнул. Абдель вонзил свой кулак ему в лицо и отшвырнул бармена прочь. Он не стал смотреть, куда тот приземлится. Он поднял взгляд на Бодхи, рассматривая её целиком. Она была одета в облегающее шёлковое платье, на котором мерцали узоры, изображавшие лозы и пауков. Её волосы обрамляли бледное лицо и подчёркивали серые глаза. Её лицо было благородным и безупречным, и Абдель видел, что когда-то она действительно могла быть эльфийкой. Ни драгоценностей, ни туфель на ней не было.

Она шагнула к нему и сказала:

— Ты пришёл, чтобы убить меня.

Абдель заметил, что вампирша бросила взгляд на кол, висящий у него за поясом. Он посмотрел в серые глаза Бодхи. Они казались спокойными и уверенными. Абдель знал, что вампирша уверена — он не собирается её убивать, но это было не так.

— Тебе все лгали, Абдель, — сказала Бодхи, и Абдель никогда не слышал такой искренности в голосе. — Я лгала тебе... снова и снова... но не только я. Что они тебе сказали?

— Кто? — спросил Абдель.

— Эльфы, — ответила она, шагнув ещё ближе. Рука Абделя потянулась к колу, но не вытащила его. — Что они тебе сказали? Что я однажды была эльфийкой? Что я совершила с ними или с одной из их священных безделушек нечто ужасное?

— Они сказали...

— С огромным горшком или подковой...

— Хватит! — взревел Абдель, выхватывая кол из-за пояса, но отступив на шаг.

— Абдель... — сказала она и их взгляды снова встретились. — Прости. Мне пришлось всё это совершить. У меня, как и у тебя, не было выбора.

— У меня...

— Не было выбора, — снова сказала она. — Назови хоть один поступок за прошлый месяц, который ты совершил по собственной воле.

Абдель вздохнул, и взгляд Бодхи смягчился. Её зрачки как будто расширились, и Абдель почувствовал, как расслабилась челюсть, как расслабилась сжимающая кол ладонь, и его зрение заволочло жёлтым туманом.

— Абдель, — прошептала Бодхи, — будь со мной...

* * * * *

Айреникус предупреждал её, что такое может случиться, но Бодхи легко отмахнулась от предупреждений, заявив, что уже встречала чудовищ. Разве она сама во многих отношениях не была чудовищем?

Но к тому, во что превратился Абдель, она была не готова.

Кол в его руке треснул посередине, затем связь, которую установила с ним Бодхи, моментально оборвалась, его тело забилося в судорогах и начало превращаться.

Бодхи была быстрой, достаточно быстрой, чтобы не подпускать к себе этого Абделя-Баала — свирепого, кровожадного зверя. Он разбил в щепки барную стойку, расшвырял стулья и кресла так быстро и сильно, что они посшибали штукатурку со стен. Воздух заполнился белой пылью, в комнате стоял оглушительный шум; рёв, шаги тяжелее слоновьих, разбивающееся стекло, ломающееся дерево, крошащийся кирпич и разлетающаяся штукатурка.

Сначала чудовище просто ломало всё вокруг, всё, до чего могло дотянуться. Бодхи не знала, что ей делать. Никто из ныне живущих не бывал ближе к тому, чтобы стать полноценным аватаром Бога Убийств, и она призналась себе, что это ей не по зубам.

Она знала, что не может броситься наутёк... или может?

Шанса решить ей не предоставилось. Существо, которое прежде было Абделем, повернулась и устремило на неё взгляд своих пылающих жёлтых глаз.

Глава 21

Джахейра практически задыхалась, и после того, как Имоэн рухнула обратно в глубокий, не приносящий отдыха сон, рука Йошимо ещё долго лежала у неё на плече.

— Перед собственной смертью она может убить нас всех, — сказал Йошимо.

Джахейра вывернулась из-под его руки и отрезала:

— Ну хватит!

Кодзакурец склонил голову, не отрывая взгляда от глаз Джахейры, и сделал решительный шаг назад.

— Она одержима, — настойчиво сказал он.

Джахейра закрыла глаза, немного успокоилась и ответила:

— Хотела бы я, чтобы всё было так просто, Йошимо.

Открыв глаза, она увидела, что Йошимо смотрит на Имоэн, а правая рука подрагивает на рукояти его меча. Ей нужно было увести кодзакурца прочь от Имоэн, прежде чем он попытается сделать что-то трусливое или героическое. Она шагнула к нему и положила твёрдую руку ему на грудь.

— Давай позволим ей отдохнуть, — сказала она.

Йошимо покосился на неё, потом снова бросил взгляд на Имоэн и сказал:

— Разве это будет самым безопасным поступком?

— Её душа отрывается от тела, часть её крови содержит эссенцию Бога Убийств, — объяснила Джахейра. — Ты не видел, на что она способна. Гневная вспышка и тревожная перемена в голосе — это пустяки... ты даже понятия не имеешь, Йошимо.

— Тем больше причин, — сказал он, глядя в глаза Джахейре. — Другого шанса может и не быть.

Джахейра легонько потянула его за собой.

— Давай поговорим об этом снаружи.

Йошимо опустил взгляд и неохотно кивнул.

— У тебя есть несколько секунд, но если она снова пошевелится...

Джахейра вздохнула, радуясь тому, что Йошимо наконец отошёл, и ещё сильнее — тому, что он отвернулся и вынырнул из-под навеса.

— Если придётся, — сказала она ему в спину, — я убью её сама.

Она последовала за ним наружу, и они немного прогулялись в молчании, прежде чем Йошимо повернулся к ней.

— Что может тебя убедить?

— Исчерпавшаяся надежда, — спокойно отозвалась Джахейра.

— Сказано истинной жрицей, — был короткий ответ.

— Вообще-то друидом, — пошутила она, хотя веселиться совсем не хотелось.

— Есть шанс, что Абдель уже потерпел поражение, — сказал Йошимо. — Я понимаю твою уверенность в нём, но Бодхи — не обычная женщина и твой сильный молодой друг ей не ровня, несмотря на всю божественную кровь в его жилах.

— Вынуждена повторить: ты понятия не имеешь, на что способна эта кровь.

* * * * *

Всё тело Бодхи взорвалось от боли — от пылающей агонии, какой она не испытывала с тех пор, как стала вампиром. Её кожу и раньше протыкали различные предметы, но стальное оружие или когти никогда не причиняли ей боли. Чтобы заставить её кровоточить, клинок должен быть зачарован. Ни один кулак не мог повредить ей, и никакие когти не могли её ранить, но вот — это существо разрывает её на части голыми руками.

Она пыталась заговорить с ним, загипнотизировать его, убежать — ничего не сработало. С «Медной короны» сорвало крышу, открывая тёмное, безлунное небо. Существо, которое было Абделем Адрианом, разрушило таверну, затем обратило своё внимание на Бодхи. Она даже попробовала рассказать ему, где найти части Риннского Фонаря. Она пыталась признаться во всей своей лжи и манипуляциях. Даже пыталась сказать, что сожалеет.

Оно оторвало ей ногу, и боль буквально была ослепляющей. Оно оторвало ей руку, и Бодхи почти потеряла сознание. Она чувствовала, как по всей поверхности тела стекает холодная кровь.

Существо вгрызлось в её грудь. Бодхи ощутила, как разрывается сердце, и кровь хлынула ещё сильнее. Одна из её грудей оторвалась, оставшись в пасти чудовища, и она закричала. В ушах этот крик казался таким же чуждым, как и в её глотке.

— Абдель! — закричала она, и вместе с именем из рта хлынула кровь, накопившаяся в её горле. — Я люблю тебя... я любила тебя, Абдель...

Сверкнули нечеловеческие, безумные глаза, горевшие густой, горячей желтизной, и крупная уродливая голова склонилась набок.

— Абдель, — сказала Бодхи, и впервые за много лет — большинство людей даже считать до такого числа не умели — заплакала.

Он моментально начал возвращаться, и наблюдая за его превращением, Бодхи действительно сумела отвлечься от того факта, что её разорвали на части. Существовало не так уж много способов убить вампира, но это был один из них. Тем не менее её голова по-прежнему крепилась к шее, и по крайней мере какая-то часть её сердца конвульсивно содрогалась в груди. Бодхи посетило кошмарное осознание, что она может прожить часы, дни, годы и даже целые века именно в таком состоянии — в агонии.

— Бодхи, — сказал он голосом, который уже был похож на голос Абделя.

— Абдель, пожалуйста...

Его протянутая рука снова стала обычной, пока она тянулась к острой половине сломанного деревянного кола. Желтизна пропала из его глаз.

— Где? — спросил он. С его слишком человеческого лица капала кровь.

Она выхаркнула ещё один кровавый сгусток и сказала:

— Мой гроб... под землёй. В грязи.

Слеза вытекла из глаз Абделя, и Бодхи захотелось, чтобы слеза упала на неё. Может быть, так и случилось, но она не могла этого ни увидеть, не почувствовать.

— Осторожно, — прошептала она, пошевелив своими промокшими от крови плечами, чтобы повернуть к нему свою открытую грудь. От этого движения по телу катились новые и новые волны обжигающей боли, но она должна была это сделать. Ему и так будет сложно.

Абдель занес кол над последним оставшимся фрагментом сердца Бодхи.

— Прости, — прошептал он.

Она почувствовала, как кол входит в сердце, услышала звук, похожий на шорох сухих листьев по камню, а затем была только пустота.

Наконец-то.

* * * * *

Джахейра как раз собиралась вернуться под навес, когда резкий поток горячего воздуха сбил её с ног.

Её поволокло по сухим листьям. Друид остановилась, наткнувшись на распластавшегося Йошимо.

— Мёртвые предки, — воскликнул кодзакурец. — Да она же взорвалась!

Джахейра встала на ноги, не обращая внимания на трясущиеся коленки, и сделала шаг к навесу, прежде чем поднять взгляд. От увиденного Джахейра застыла на месте.

Навес исчез — видимо, поглощённый чем-то вроде вихря из серого, чёрного и серебряного дыма. Вихрь стоял дыбом перпендикулярно земле. Из вихря вышел мужчина — как будто вошёл в гостеприимную таверну, чтобы приятно провести ночь. Он увидел Джахейру и улыбнулся.

— Айреникус! — оскалилась Джахейра.

Некромант не ответил, только наклонился. Его ноги были скрыты бурлящими волшебными облаками. Он выпрямился, что-то сжимая в руках — чужую руку, тонкую и бледную. Это была рука Имоэн.

Джахейре на ум пришло заклинание и она начала свою молитву, как можно быстрее произнося слова, но обнаружила, что они выстраиваются в собственный ритм, отказываясь торопиться.

Айреникус бросил на неё ещё один безразличный взгляд, прежде чем поднять остальное обмякшее тело Имоэн на руки и просто сделать шаг назад.

Заклинание Джахейры подошло к концу в тот самый миг, когда Айреникус и Имоэн исчезли. Молния шириной с рост Джахейры ударила в магический проход, и ослепительная вспышка заставила Джахейру закрыть глаза. Волосы встали дыбом, кожу защищало.

Йошимо сказал что-то на незнакомом ей языке, и она открыла глаза.

Вихрь исчез. Айреникус и Имоэн тоже.

— Должен заметить, что это решает сразу несколько наших проблем, — произнёс Йошимо.

Джахейра рухнула на землю и ударила кулаком о безразличную почву.

* * * * *

Абдель практически скатился по ступеням в подвал. Он был с ног до головы покрыт холодной кровью и едва не ослеп от сокрушающего чувства вины и ненависти к себе. Он нашёл бочку с водой и разбил её голыми руками. Он перевернул на себя бочку и немедленно промок до нитки. Как мог, он стёр с кожи кровь; его потребность избавиться от крови Бодхи намного превышала потребность вернуть части Риннского Фонаря.

Она сказала, где найти эти части, а он убил её — миссия выполнена. Абдель знал, что там, в Тетире, узнав о случившемся, они будут праздновать, радоваться шансу победить Айреникуса. Сейчас и здесь Абделя это не заботило. Он просто не мог заставить себя волноваться об этом. Всё, что он прямо сейчас хотел — вернуться назад в Крепость Свечи, приползти назад, если придётся, и просто спрятаться там. Он опять пролил кровь из-за того, что был сыном Баала. Снова и снова и снова проливал кровь. Он мог просто остаться в Крепости Свечи, за прочными стенами, в монастыре. Какое место подошло бы ему лучше? Кто сможет найти способ избавить его от проклятия или наконец убить, если не монахи?

Абдель посмотрел на себя. На теле по-прежнему оставалось много крови. Он увидел, как вода из бочки течёт к люку и стекает через него вниз. Там был гроб, в котором хранился так нужный эльфам артефакт — так нужный ему артефакт, и так нужный Имоэн артефакт.

Имоэн.

Они могли бы вернуться в Крепость Свечи вместе.

Абдель встал и решительно направился к люку. На этот раз Абдель открыл его без промедления. Фонарь решит две проблемы. Одна из них была важнее второй.

Он вытряхнул землю из гроба Бодхи и услышал, как зазвенело железо, когда неровные куски посыпались на грязный пол. Абдель сгрёб их своими крупными, испачканными в крови руками, и фрагменты привели в действие телепорт — как ему и обещали маги Эльхана. Погреб исчез во вспышке синего света.

Глава 22

— Я хочу... — прошептала Имоэн, разум которой заволокла неистовая пелена стремительно надвигающегося ада, — ...домой.

Усмирённая с помощью магии, она была распята на большой потрескавшейся плите из зелёного мрамора с грубыми краями, в середине давно сгинувшего города, который эльфы когда-то называли Миф Ринном. Вокруг располагались останки великого города, поглощённого зарослями и заселённого как благородными, так и демоническими существами. Мраморная плита лежала под острым углом к земле. На ней распласталась Имоэн, лишённая своей изорванной одежды, и сотни изгибающихся сигиллов и знаков исчертили её бледное, покрытое гусиной кожей тело.

Плиту окружало кольцо эльфийских статуй, вдвое превосходивших размерами настоящего эльфа. Стёртые ветром мраморные лица смотрели вниз на Имоэн и Джона Айреникуса с отстранённым спокойствием, которого в это время в этом месте не смог бы достичь ни один живой представитель любой расы.

Айреникус поперхнулся собственной желчью и попятился. Он потерял голос от потрясения, отвращения и извращенного, мерзкого удовольствия при виде того, как сбывается его последняя отчаянная надежды. Он сорвал голос, читая заклинания, и его обращённые к Пряже, к богам, чьи имена больше никто не произносил — к любым силам, которые могли прислушаться — мольбы были услышаны.

— Да, — прошептал он, хотя прозвучало это, как болезненный хрип. — Да. Превращайся!

Имоэн закричала, и это был последний звук, который она издала, будучи человеком.

Раздался громкий звук рвущейся ткани, и кожа красивого, молодого, гладкощёкого тела осыпалась рваными окровавленными лентами. Обнажившийся череп приобрёл цвет старого известняка, поплыл, вытянулся, с каждой секундой изменяя форму. Её зубы удлинились, превратились в игольчатые клыки, затем опять выросли, когда челюсть с треском расширилась. Телесные жидкости, кровь, и какая-то густая субстанция, на которую Айреникус предпочёл не обращать внимания, засочилась, закапала, а затем потоком хлынула из сотен, а потом и тысяч крохотных ранок по всему содрогающемуся телу девушки. Имоэн билась в конвульсиях, дрожь прерывал громкий, хлюпающий треск, с которым открывались новые раны. Её кожа слезла, затем растворилась полностью, и там, где когда-то был живот, выросла новая рука. Рука была крупной, не меньше дюжины футов длиной, и венчалась поблёскивающим пузырьём слизи.

Существо, которое было Имоэн, одним внезапным, волнообразным движением превратилось в бледно-серое чудище, которое отрастило шипы на спине с такой скоростью, что они едва не сломались о мраморную плиту.

— Баал... — прошептал Айреникус, чьё лицо исказилось в извращённом сочетании триумфа и потрясения. — Это ты... это ты...

Из тела показалась вторая рука, а тем временем лопнул пузырь на конце первой. На выросшей из пузыря ладони было больше пальцев, чем Айреникус мог сходу сосчитать. Пальцы росли из длинной прямоугольной ладони под такими углами и обладали таким расположением суставов, что подобной руки не существовало во всём Фаэруне. Пальцы выпустили длинные загнутые когти с бритвенно-острыми краями.

— Разоритель, — прошептал Айреникус. — Разоритель пробуждается.

Ещё одна рука вырвалась из копошащейся массы, потом следующая, четвёртая. Пузыри лопнули, обнажая ещё три ладони с многочисленными когтистыми пальцами. Разоритель издал крик боли новорождённого, и Айреникус рухнул на землю, отброшенный одной лишь силой этого ошеломляющего вопля. Ноги, которые когда-то принадлежали Имоэн, удлинились и с громкими, тошнотворными чмокающими звуками выгнулись назад, потом снова вперёд, отращая новые суставы.

Грязно-бурые полосы резко выделялись на сторбленной бледно-серой спине чудовища. Оно открыло глаза, поначалу слепо уставившись в синее небо. В безднах глазниц загорелись красные огни. Когда огни засверкали ярче, чудовище содрогнулась в последних резких конвульсиях, и его жёсткая, похожая на хитин шкура как губка всосала в себя слизь, кровь и жидкости.

Оно исторгло хриплый рёв, затем втянуло в себя воздух. Дыхание твари быстро выровнялось, и она повернула свою огромную крокодилью голову к Айреникусу.

У некроманта задрожали колени, но он сумел устоять на ногах.

— Подчинись мне, — прошептал он.

Чудовище одним движением поднялось и нависло над Айреникусом. Его согнутые плечи возвышались ярдов на десять над гравием площади. Оно вытянуло руку, как будто помогая себе выпрямиться, и обхватило своими веретенообразными пальцами одну из древних статуй. Оно едва напряглось, и каменная фигура рассыпалась облаком пыли и обломков, не крупнее кулака Айреникуса.

— Подчинись мне! — рявкнул существу Айреникус, и нечеловеческий взгляд устремился к нему. От Имозн не осталось ничего — вообще ничего человеческого.

— Сулданесселлар! — крикнул Айрениус. — Эллисим! Дерево!

Разоритель взревел в мёртвом утреннем воздухе Миф Ринна, гневаясь на встающее солнце, затем повернулся в сторону Сулданесселлара и сделал свой первый шаг. Земля задрожала, и Айреникус прижал руку к животу, чтобы успокоить взбунтовавшиеся внутренности.

Он чувствовал и следил за чудовищем на его пути к Сулданесселлару, к Эллисим, на пути к собственному бессмертию Айреникуса. Джон Айреникус зарыдал.

* * * * *

Абдель ворвался в Тетирский лес в синей вспышке и просто рухнул на землю. Куски артефакта выскользнули у него из рук, и он даже не пытался их удержать или собрать заново.

Он услышал, как Джахейра зовёт его по имени, и упёрся рукой в землю, собираясь оттолкнуться, встать и посмотреть на неё. Он слышал, как она бежит к нему. Друид резко остановилась рядом среди покрова из листьев.

— Риннский Фонарь, — сказал Эльхан где-то неподалёку, позади и чуть выше Абделя. — Он справился.

— Я справился, — прошептал Абдель сквозь болезненный комок в горле.

Тёплые, мягкие руки Джахейры прикоснулись к нему, и он перевернулся, чтобы посмотреть на неё, стыдясь бегущих по щекам слёз. Слёзы смешивались со следами крови Бодхи.

— Ох, — выдохнула Джахейра, — во имя Госпожи...

— Соберите их! — крикнул Эльхан, затем пролаял ещё одну серию команд на незнакомом Абделю языке — наверняка на эльфийском.

Он отполз в сторону. Джахейра продолжала сжимать его в объятиях. Дюжина рук быстро и аккуратно просеяли мёртвые листья, хватая неровные куски железа, которые стоили Бодхи жизни.

— Крепость Свечи, — сказал Абдель, поворачивая лицо к Джахейре. — Я забираю Имозн назад в Крепость Свечи.

Джахейра всхлипнула, но быстро взяла себя в руки.

— Где она? — спросил Абдель.

* * * * *

Эльхан стоял на краю Лебединого луга. Перед ним возвышались деревья Сулданесселлара.

— Сделайте это, — сказал он магам на эльфийском. — Откройте его.

Эльхана окружали несколько самых могущественных и несколько слабейших магов Тетира. Эльфы всего двадцати лет от роду стояли бок о бок с эльфами,

которые прожили две тысячи лет. Хотя некоторые из них обладали такой силой, какой другие и представить себе не могли, здесь они все были равными; их объединяла не только сила, но и цель. Всё, что должен был сделать каждый из них — держать фрагмент Риннского Фонаря.

— Сулданесселлар должен снова открыться перед нами, — сказал Эльхан.

Он посмотрел в ясное утреннее небо и увидел, как на горизонте собираются непроницаемые чёрные тучи. Готовясь к новому штурму Древа Жизни, Айреникус отрезал их от Сулданесселлара, но наконец-то — благодаря крайне неожиданному союзнику — они смогли собрать достаточно фрагментов Риннского Фонаря, чтобы разбить чары и вернуться в город, который так долго оставался в плену.

Эльхан окинул взглядом строй магов. Те соединили фрагменты воедино и принялись читать слова, которые были древними ещё в тот день, когда люди впервые вышли из пещер, чтобы в тупом изумлении вытаращиться на звёзды.

Эльфийский принц вынул свой лунный клинок и шагнул вперёд. Он потянулся и дотронулся до гудящего, холодного барьера. Тот был осязаем, хоть и незрим, и от прикосновения к нему Эльхан испытал приступ тошнотворной ненависти.

— Обрушьте его, верные слуги, — воскликнул Эльхан. — Обрушьте!

Части соединились в праведных руках эльфийских магов, и гремящая дрожь разорвала землю под ногами Эльхана. Некоторые из магов не устояли на ногах, несколько даже выронили свои части фонаря, но это уже не имело значения.

С небес обрушился ветер, и от его силы Эльхану пришлось закрыть глаза. Принца бросило на одно колено.

Скоро всё это кончится, сестра, подумал он, позволяя своему разуму коснуться Эллим.

Один из магов закричал, следом воскликнул второй: «Фонарь!»

Эльхан открыл глаза и увидел, как части артефакта соединились и слились в по-прежнему незавершённое целое. Один из магов вытянул руку, чтобы коснуться его, и из фонаря ударила дуга зелёной молнии, преодолев три шага, разделявших фонарь и мага. Несчастного отшвырнуло в облаке искр, и раздался ещё один грохот, громче и сильнее предыдущего, который сбил Эльхана с ног.

Проход открыт, раздался в его голове голос Эллим, но всё только начинается.

* * * * *

Абдель чувствовал дрожь подошвами своих ступней, чувствовал головокружительные последствия телепортации, чувствовал, как вокруг падают друзья, чувствовал, как внутри поднимается старый гнев, чувствовал ту жёлтую дымку, которая всегда возникала перед тем, как он проливал чью-то кровь, но ничто из этого не смогло просочиться из его подсознания в действующий рассудок. Он бежал к Имоэн. На сей раз он заберёт её назад в Крепость Свечи и позаботится, чтобы её тем или иным способом избавили от крови Баала — как и самого Абделя.

Айреникус стоял спиной к нему, но Абдель даже не пытался скрывать свои оглушительные шаги и громкое, тяжёлое дыхание. Некромант обернулся, продемонстрировав Абделю безумное лицо с дикими глазами. Он улыбнулся, широко развёл руки, как будто пытаясь обнять несущегося навстречу наёмника.

Абдель едва не столкнулся и едва не опрокинул его, но Джон Айреникус исчез, чтобы возникнуть в нескольких ярдах сбоку. Некроманту хватило гонора рассмеяться.

Абдель упал лицом вниз и покатился по грубому гравию, остановившись у наклонённой мраморной плиты. Он быстро встал, не обращая внимания на кровоточащие следы на запястьях. Он повернулся к Айреникусу, который перестал смеяться и нетерпеливо фыркнул.

— Она умрёт! — воскликнул некромант. — Я снова стану эльфом. Победа будет моей. Я отправлю её в ад, а следом и тебя, и вы вдвоём будете гореть там вечно. Кровь твоего отца не сможет мне помешать, твои жалкие друзья не смогут мне помешать, и эльфы Тетира тоже не смогут мне помешать!

— Где она? — крикнул Абдель низким, жестоким и властным голосом. — Что ты сделал с Имоэн?

— Твоя сестра, — засмеялся Айреникус, — исполнила своё истинное предназначение. Она топчет Фаэрун в облике аватары твоего отца. Баал мёртв, но его кровь живёт, его сила живёт, и я искажил её, повелел убить Эллимис из Сулданесселлара и вырвать из этого проклятого дерева то, что нужно мне для вечной жизни.

Абдель с мечом в руках снова бросился на Айреникуса.

Некромант поднял руку и сказал:

— Ты разве не хочешь увидеть? Не хочешь это увидеть?

Его голос превратился в нераборчивое бормотание.

Абдель занёс свой меч, полный решимости проверить, сможет ли некромант жить без головы, но тут что-то ударило его в грудь. Как будто он врезался в каменную стену, и стена дала сдачи. Абдель отлетел на какое-то неизмеримое расстояние. В ушах свистнул ветер, затем раздался голос Айреникуса:

— Не хочешь увидеть лицо своего отца?

Абдель с силой ударился о землю, но не выпустил меч из рук. Он почувствовал, как в поясице что-то ломается, услышал треск, и его ноги внезапно онемели. В сознании билось отчаянное «нет!». Некромант сломал ему спину. Абдель лежал, распластавшись на гравии, глядя на устремлённое вниз неодобрительное лицо мраморного эльфа.

Он сумел приподняться на локтях, и там, в добрых пятидесяти ярдах от него, был Джон Айреникус, потрясающий кулаками над головой и бегущий к Абделю.

— Тогда ты умрёшь, прежде чем увидишь его! — завывал некромант. — Увидимся в аду; там я вырву твою душу, соединю её с эссенцией дерева, и стану богом!

Абдель закричал в пылающее утреннее небо от бессильной ярости, и Айреникус ответил ему новым потоком грубого, гортанного речитатива. Абдель снова посмотрел на некроманта. Тот остановился на полпути к наёмнику и указал на Абделя длинным, костлявым, трясущимся пальцем. Из уголков его бормочущего рта летела слюна.

Абдель почувствовал приступ непреодолимой тошноты. Глаза заволокло серой пеленой, голова закружилась. Он повернулся на бок, желудок вывернуло, но рвотных масс не было. По спине прошёл холодок, и в ушах зазвенело.

— Умри! — завизжал Айреникус хриплым и пронзительным голосом. — Умри, будь ты проклят, умри!

Абдель не умер, но потребовалось немало времени, чтобы тошнота отступила.

— С-сын Б-баала, — забормотал Айреникус. — Ты сын Баала. Этим заклинанием я убил тысячу человек... тысячу смертных.

Некромант загоготал, упав на одно колено. Его глаза были красными, по-прежнему выпученными, и казалось, что они вот-вот лопнут.

— Оно должно было убить тебя. Оно всегда убивало жертву — кроме Эллисим. Ох, ты послужишь мне, ты прекрасно мне послужишь.

Что-то лопнуло у Абделя в спине, и с волной жалящей боли к ногам вернулась чувствительность. Он встал, покрепче стиснул меч и устремил яростный взгляд на Айреникуса.

— Позабавился со мной — и хватит, некромант, — прорычал Абдель.

— Абдель! — где-то закричала Джахейра.

Затем раздался голос Йошимо, затем снова Джахейры.

— Где она? — спросил Айреникуса Абдель.

— Ты больше ничего не сможешь для неё сделать, Абдель, — ответил Айреникус неожиданно спокойным голосом. — Всё кончено. Я победил.

Абдель, зарывав как тупое разъярённое животное, бросился вперёд. Айреникус сказал три незнакомых слова и исчез, прежде чем Абдель сумел снести ему голову.

Глава 23

Джахейра. Если он убьёт Имоэн, что она подумает? Она изо всех сил пыталась избавить его от проклятия отца. Любая смерть от его рук станет предательством. Разве нет?

Пылающая сфера достигла основания дерева и покатилась вверх по стволу. Разоритель соскользнул с дерева и по пути вниз как будто по собственной воле пролетел через огненное заклинание. Волшебные огни просто рассеялись вокруг чудовища, которое не обратило на них никакого внимания.

Позади Абделя выругалась Джахейра, и он услышал, как друид призывает Миликки и просит у неё милости, прежде чем снова перейти на свой волшебный язык.

— Имоэн, — ещё раз произнёс Абдель, прочно упираясь ногами в землю.

— Абдель, дружище, — сказал Йошимо, скользнув ему за спину и снова закашлявшись от дыма. — Что мы должны здесь сделать? Что можно сделать со... сколько, примерно сорока ярдов? Будем его атаковать? Как человек может остановить такое... такое...

Раздался рёв, сверкнула фиолетово-чёрная вспышка, и тигр, подобных которому Абдель не то что не видел — никогда и представить себе не мог, возник перед ним на лугу.

— Вы знаете, что делать, девочки мои, — сказала Джахейра, постаравшись, насколько могла, заставить голос звучать спокойно и уверенно.

Абдель развернулся, чтобы посмотреть на неё, и прежде чем увидел Джахейру, насчитал шестерых крупных кошек. Перед друидом стояли ещё две. Из тигриных пастей росли похожие на сабли клыки. Некоторые из тигриц бросили на Абделя мимолётный взгляд, а затем все они решительно бросились к Разорителю. Две начали обходить его справа, две слева, и четыре атаковали спереди.

— Я пришёл сюда, чтобы... — сказал Йошимо Абделю. — Я пришёл сюда не за этим. Мне пора... идти.

Первая тигрица набросилась на Разорителя свирепо и стремительно, когти попытались вонзиться в шкуру чудовища, захватить и разорвать её. Тварь отреагировала на повисшую на ней тушу тигра скорее раздражённо, чем с болью или страхом. Онахватила за зверя, как будто это был простой котёнок, и сломала ему спину единственным движением массивной руки. Другая рука Разорителя поймала вторую кошку в прыжке. Единственный косой удар оторвал тигрице голову. Оставшиеся тигрицы отступили, быстро перегруппировавшись перед лицом противника, к которому не были — не могли быть — готовы.

Разоритель прошёл через растерянных тигров и оставил в боку одного из них длинную рваную рану. Внутренности могучего зверя рассыпались по земле, и он погиб у ног чудовища. Другие кошки по очереди поглядели на Джахейру. По щеке друида бежала слеза, но она кивнула животным. Одна из тигриц вцепилась в ногу чудовища, с громким треском пробив экзоскелет своими крупными клыками. Разоритель задрожал, впервые получив ранение. Он схватил тигра и дёрнул его так резко и сильно, что туловище зверя оторвалось от головы, по-прежнему сжимавшей клыки на ноге чудовища. Разоритель отшвырнул безголового тигра прочь и попытался схватить другого, который ловко увернулся.

— Я не могу... — сказала Джахейра. — Я освобождаю вас. Бегите!

Четверо ещё живых тигров не стали мешкать, воспользовавшись советом Джахейры и отступив. Они рассыпались во всех направлениях, затем просто растворились в воздухе, не достигнув края луга. Оторванная голова пропала с ноги Разорителя, и из раны потекла густая зелёная жидкость.

— Его можно ранить, — сказал Абдель, и Йошимо кивнул.

Сверкнула ослепительная вспышка бело-голубого цвета — единственный могучий разряд молнии. Очевидно, её выпустил юный эльф, дерзко замерший у основания одного из могучих деревьев.

Разоритель отряхнулся от того скромного эффекта, который произвела на него молния, и резко повернулся к эльфийскому магу.

— Этот эльф очень скоро умрёт, — мрачно заметил Йошимо.

Разоритель сделал два больших шага к магу, от которых затряслась земля. Эльф оказался достаточно мудр, чтобы броситься бежать. Он сумел исчезнуть в дверном проёме у основания дерева, который Абдель никогда бы не заметил. Разоритель закричал от ярости — так громко, что у Абделя зазвенело в ушах.

Наёмник внутри него заметил неуверенность в шагах чудовища. Тигр ранил чудовище сильнее, чем сперва показалось Абделю.

— Йошимо, — сказал Абдель. — Мы должны его обездвигить.

— Обездвигить? — переспросил кодзакурец.

— Сделать... — замялся Абдель. — Сделать так, чтобы оно не могло двигаться. Сделать так, чтобы оно упало и не смогло опять...

— Понял, — оборвал его Йошимо, — спасибо. Значит, целим в ноги?

— Похоже на то, — ответил Абдель. — Избегай рук. Если мы сможем заставить его остановиться, может быть, я смогу с ним поговорить.

— Абдель... — начала Джахейра, встав у него за спиной.

— Это Имоэн, — ответил ей Абдель. — Где-то внутри это Имоэн.

— Абдель... — снова начала она.

— Не надо, Джахейра, — сказал он. — Это из-за тебя. До того, как повстречать тебя, я не стал бы мешкать — и множество раз убивал, не мешкая. Йошимо был бы уже мёртв, как и Гаэлан Бэйл — но благодаря тебе они живы, благодаря тому, что ты научила меня сражаться, следуя зову сердца, моего человеческого сердца, а не моей испорченной крови. Это существо — Имоэн. Я не могу убить её. Я убил Саревока, но её — не могу.

Джахейра грустно улыбнулась, затём её внимание отвлёк очередной предсмертный крик одного из эльфов.

— Йошимо? — спросил Абдель.

Йошимо кивнул, но посмотрел на Абделя, ожидая, что первый ход сделает он.

— Я попытаюсь, друг мой, — сказал кодзакурец. — Но уйду, если почувствую, что должен уйти.

Настала очередь Абделя кивать. Он сделал первый шаг, а затем они оба бросились в атаку.

Поток бегущих эльфов на какое-то время закрыл их от взгляда противника. Разоритель по-прежнему пытался найти мага, который послал в него молнию. Абдель подскочил к ноге твари и сумел нанести удар по уже открытой ране. Меч отскочил от бронированной шкуры существа, промахнувшись всего на полдюйма. Разоритель даже не заметил его.

Йошимо зашёл с другой стороны. Кодзакурец двигался почти бесшумно, и хотя казалось, что он хочет испустить боевой клич, он придержал свой язык. Его клинок глубоко вонзился в ногу Разорителя. Удар усилила инерция бега кодзакурца.

Чудовище резко развернуло голову и зашипело. Йошимо, стиснув зубы, начал дёргать меч в ране. Абдель не знал, пытается ли он вырвать клинок или наоборот, старается загнать его поглубже. Во все стороны хлестала зелёная кровь, быстро покрыв Йошимо с ног до головы.

— Зачарованный, — крикнул Йошимо. — Клинок зачарованный.

Разоритель потянулся к Йошимо, и Абдель, не зная, что ещё сделать, закричал. Это отвлекло Разорителя всего на долю секунды, но Йошимохватило, чтобы увернуться от руки со множеством пальцев.

Разоритель ударил в противоположном направлении и сбил Йошимо в сторону. Зачарованный меч вырвался из ноги чудовища, выпустив новый поток зелёной крови, и Йошимо отлетел на несколько шагов назад, ударившись о землю.

— Имоэн! — закричал Абдель. — Нет!

Разоритель взревел и наклонил голову к Йошимо. Оглушённый кодзакурец помотал головой и попытался встать.

— Йошимо! — крикнула Джахейра. — Убирайся оттуда!

Как будто кодзакурец хотел чего-то другого.

Разоритель опустил свою могучую голову и пронзил Йошимо спину одним из похожих на косы рогов, что росли по бокам его морды. Абдель увидел это и услышал, как аватар обнюхивает павшего Теневого Вора, как собака обнюхивает свою трапезу. Йошимо попытался встать, но тварь пришила его к земле. По телу кодзакурца прошла волна дрожи, и он закашлялся стремительно заполняющей горло кровью. При виде этого Разоритель даже как будто ухмыльнулся.

— Харасу... — сказал Йошимо прерывающимся голосом, его рука слабо скребла по земле, пытаясь нащупать меч. — Харасу...

Разоритель медленно опустил на Йошимо руку, вытащил свой рог и разорвал кодзакурца на кровавые ошметки.

Абдель закричал и занёс оружие, забыв о том, что бить этого тридцатифутового монстра простым мечом было бесполезно. Разоритель резко повернул голову к нему и глубоко втянул воздух ноздрями размером с ладонь. Существо наклонило голову, снова напомнив Абделю пса. Оно как будто узнало его. Абдель позволил руке с мечом упасть.

— Имоэн, — сказал он. — Это я.

Разрушитель заревел, и Абдель вскинул руки, чтобы закрыть уши, бросив бесполезный меч. И без того звеневшие уши заболели, и он отпрянул от потока зловонного воздуха, который послал в его сторону рёв чудовища.

— Абдель! — крикнула Джахейра. Он едва слышал друида. — Меч!

Меч!

Абдель бросился к клинку Йошимо, прыгнув сильнее и дальше, чем считал себя способным. Он приземлился, схватившись за меч, и немедленно ощутил, как левое плечо взорвалось болью. Разоритель пришил его к земле точно так же, как Йошимо чуть ранее.

Абдель чувствовал его горячее дыхание, и от вони его чуть не стошнило. Боль от пронзившего мышцы и кости рога заставила голову закружиться, вспыхнуть разноцветными огнями, едва не лишила его сознания. Жёлтая дымка вернулась, и Абдель уже сам заревел от ярости и гнева.

Абдель перевернулся на бок, позволив рогу разорвать свою и без того немеющую плоть. Он ударил мечом вслед за поворотом своего тела, до предела напрягая каждый мускул. Клинок рассёк рог, и с помощью его сильного поворотного движения рог отлетел с морды Разорителя, как отрубленная ветка с дерева.

Чудовище отпрянуло, и Абдель, которого сейчас наполнила одна лишь жажда убийства — всепоглощающая жажда крови, подобной которой он никогда не испытывал — повернул клинок и обрушил его на крокодилью челюсть Разорителя. Оторвалась вся нижняя челюсть, и лежащего наёмника окатило зелёной слизью. Абдель моргнул, но он зашёл слишком далеко, чтобы это могло его остановить. Он снова рубанул чудовище по голове, не обращая внимания на глубокие борозды, которые когти Разорителя оставили в его правом боку.

Рог выпал из чудовищной раны в плече Абделя, и даже не задумываясь, наёмник подхватил его, прежде чем рог упал на землю. Без промедления он вбил рог в залитую кровью глотку чудовища. Разоритель снова закричал, полностью оглушив Абделя.

Всё тело Абделя содрогнулось, напряглось, и глубокая рана в боку моментально закрылась и исчезла. Жёлтая пелена сгустилась перед глазами, и единственное, что он мог видеть, это Разорителя — его противник стал целым миром.

Наёмник ударил чудовище снова, снова и снова. Он не останавливался, пока огромный адский монстр не упал на землю с грохотом землетрясения, который не мог услышать только Абдель.

Глава 24

Молчание.

Не тишина; раздавались звуки. Звуки бегущих ног, пылающего дерева, плачущих детей, восклицающих на эльфийском голосов, спрашивающих, «все ли в порядке», «видел ли кто-нибудь моего мужа», «знает ли кто-нибудь, что случилось с моей семьёй» ...

Абдель слышал всё это как один неразборчивый, волнообразный гул. Он чувствовал, что из ушей течёт кровь. Глаза болели, как и голова. Ему было мокро, неуютно. Неприметная кольчужная рубаша и штаны, которые он принял от Бодхи, пропитались остро пахнущей железом и силой кровью.

Перед глазами всё плыло, зрение в каком-то смысле так же онемело, как плечо и бок. Над ним склонилась Джахейра, и хотя он видел, как её губы складываются в его имя, звук её голоса был похоронен под всеобъемлющим глухим рёвом. Эльхан тоже был здесь. Потом они оба тащили его по неровной, мшистой, пропитанной кровью земле. Они подтащили его к одному из деревьев, и Абдель застонал от пронзившей верхнюю часть туловища боли, когда они как можно более аккуратно прислонили его к грубой, но всё-таки приятной коре древнего дерева.

— Я убил её, — сказал он. Голос эхом отразился в его собственной голове, прозвучав неуместным контрастом к окружающим звукам. — Я убил её... я убил её... я убил...

Земля задрожала, и трясину приглушённого шума нарушило резкое шипение. Абдель попытался найти источник звука, хотя знал, что это не может быть Разоритель. Его глаза закрылись и больше не открывались.

— Я убил её... — сказал он снова.

— Это Разоритель, — произнёс Эльхан.

Абделя удивил звук голоса эльфа. Глухой гул превратился в пронзительный звон, но он начинал разбирать в нём отдельные звуки.

— Он всё ещё корчится, — добавил Эльхан.

Абдель хотел улыбнуться, но лицо не отзывалось.

— Раны Абделя уже затягиваются, — сказала Джахейра, не обращая внимания на агонию Разорителя. — Это невозможно. Кровотечение прекратилось, но дыра в его плече просматривается насквозь.

Абдель хотел снова сказать «Я убил её», но всё, что смог — заставить свою челюсть неподвижно повиснуть.

— Никогда не видел ничего подобного, — признал Эльхан. — Он был как безумец. А теперь эта регенерация... это... не по-человечески.

Джахейра покачала головой, её лицо растянулось в выражении, которое показалось Абделю похожим на благоговейный трепет.

— Теперь он как аватар. Он как Разоритель — только сильнее. Он не человек. Наверное, никогда и не был... не полностью. Я должна была понять, что он не сможет вечно отрицать то, чем является.

Джахейра прикоснулась к нему. Её руки казались тёплыми, мягкими и утешающими. Онемение отступало перед этим чувством — а ещё перед жгучей чесоткой. Джахейра прошептала заклинание, и Абдель ощутил, как благодать Лесной Королевы течёт по нему, смешиваясь с кровью бога, которому Миликки никогда не даровала бы свою милость.

Абдель смог открыть глаза и улыбнулся Джахейре. Ответная улыбка была облегчённой, но с нотками грусти.

— Тебе пришлось, Абдель, — мягко сказала она. — Её не стало ещё до того, как...

Друида прервал оглушительный треск, следом за которым раздались испуганные крики дюжины эльфов.

— Оно ломается! — воскликнул Эльхан. Он уселся рядом с Абделем, который сумел лишь качнуть головой, чтобы та неподвижно повисла в направлении павшего чудовища.

Клыкастая рука — не такая большая, как чудовищные лапы Разорителя — вырвалась из расширяющейся трещины в неподвижной груди чудовища.

— Да поможет нам Миликки, — выдохнула Джахейра. — Ещё одно.

Существо, что вытащило себя из тела Разорителя, как цыплёнок, вылупившийся из яйца, ростом не превосходило Абделя. По форме оно отдалённо напоминало человека, но тело было покрыто рядами острых, похожих на лезвия шипов. Голова была искажённой насмешкой над головой жука — пощёчиной чести насекомого мира. У него было только две длинных, жилистых руки, которые заканчивались ладонями, уже больше похожими на человеческие. Под руками у чудовища росли две меньших, практически рудиментарных конечности с единственным суставом вроде локтя. Эти меньшие конечности оканчивались костяными клинками, похожими на мечи.

Абдель сделал глубокий, рваный вдох, и существо встретилося с ним взглядом. Абдель чувствовал, как его почти затопляют волны парализующей паники от Эльхана слева и Джахейры справа.

Глаза чудовища полыхнули фиолетовым светом, и что-то в этой вспышке заставило раненого наёмника сказать: «Имозн».

Существо кивнуло. Оно издало звук, который заставил всех слышавших его молиться любым богам, чтобы это был не смех, и окончательно выкарабкалось из заполненной слизью грудной полости мёртвого Разорителя. Существо встало на выгнутых назад ногах и припало к земле.

Абдель потянулся к мечу кодзакурца, но нашёл только вспышку боли из своего разорванного плеча. Существо как будто снова кивнуло Абделю, затем прыгнуло в воздух, швырнув себя вертикально в небо, как болт из арбалета. Меньше чем за секунду оно уменьшилось до точки, а затем и вовсе растворилось в ярко-синем небе.

— О нет, — выдохнула Джахейра.

— Она выжила, — сумел прокаркать наёмник. От усилия по его пересохшему горлу прокатилась боль.

Джахейра прижала тёплый нежный палец к его губам и сказала:

— Не надо. Ты выздоравливаешь, благодаря своей крови, но тебе нужно время.

Абдель выдавил улыбку, прекрасно зная, что времени у них не было.

Эльхан не мог отвести глаз от распотрошённых останков Разорителя даже для того, чтобы взглянуть на дымящиеся руины, оставшиеся от некогда гордого древесного города Сулданесселлара.

— Где Эллисим? — наконец спросила Джахейра.

Эльхан обернулся к ней. Его взгляд был безумен. Он быстро взял себя в руки, сделал глубокий вдох, затем сказал:

— Королева в безопасности. Эллисим в Миф Ринне.

Абдель и Джахейра обменялись долгим, болезненным, измученным взглядом, и наёмник приступил к болезненному процессу попытки встать на ноги.

* * * * *

Эллисим снова закричала, и стражники вокруг неё поёжились от чистого, отчаянного страха, прозвучавшего в вопле их королевы.

Связь, которую она бесчисленные века делила с Айреникусом, никогда не позволяла обмениваться словами или даже осязаемыми мыслями. Они просто осознавали друг друга. Но сказать, что сейчас для Эллисим что-то изменилось, было бы огромным преуменьшением. Человек на другом конце этого объединения душ был охвачен одновременно предсмертной агонией и нарастающей волной самодовольного триумфа. Ужас того, во что превратился Айреникус, и чувство его души, разворачивающейся рядом с её душой, заставляли Эллисим кричать.

Что касается тех эльфов, которые сопровождали её в Миф Ринн, они и представить не могли, что испытывает королева. Стражники были заняты, укрепляя рассыпающееся здание, которое один из магов назвал крылом древней библиотеки Миф Ринна. Всё, что знали солдаты — что в стенах полно брешей, а потолок просто отсутствует.

Они слышали лишь фрагменты, собранные по крохам из магической связи разумов с оставшимися в Сулданесселларе близкими — что чудовище погибло, но новое было на подходе. Новое чудовище взлетело в воздух, и теперь стражники смотрели в небо над кольцом древних стен с ужасом и простым пониманием, что они не смогут помешать этой твари войти — а значит, придётся погибнуть с ней в бою.

Всем эльфам было неуютно в обычно запретных руинах разрушенного города с мифалом, но только не горстке магов, которых они взяли с собой. Волшебники-эльфы деловито изучали длинные, истёртые от времени свитки и собирали маленькие кучки различных предметов там, где до них легко можно будет дотянуться.

Неожиданное возникновение Абделя, Джахейры и Эльхана в самой середине древнего сооружения заставило многих эльфов схватиться за оружие. Один из волшебников едва не выпустил заклинание, прежде чем рассеять его с раздражённым ворчанием: «Чудовищу достанется на одно меньше».

Эльхан, у которого после телепортации кружилась голова, спотыкаясь, подошёл к Эллисим и коротко переговорил с ней на эльфийском.

— Я чувствую, как он рассыпается, — слабо сказала королева. — Он не может это контролировать.

Абдель, с плечом, затянутым красной, тонкой кожей и почти зажившим боком, стиснул в ладони волшебный меч. Ему надо было выбирать между этой женщиной, эльфийской королевой — видением невозможной красоты, и жизнью маленькой девочки, которую он помнил ещё по детским играм в винном погребе Винтропа.

— Как мы уб... остановим его? — спросил королеву Абдель. — Это существо однажды... однажды было молодой, жизнерадостной девушкой, которая ничего этого не заслуживает.

Эллисим кивнула, затем вздрогнула от незримой боли.

— Я встретила его здесь, — сказала она слабым голосом. — В этой библиотеке. Я хотела, чтобы он пришёл за мной сюда с этим своим аватаром. Если он увидит меня здесь, снова, всё это время спустя, может быть... может быть... По крайней мере, здесь достаточно далеко от Древа Жизни.

— На кону и другая жизнь, ваше величество, — заметила Джахейра, которую, как и всех остальных, держали на ногах адреналин, нетерпение и чистый ужас.

— Твоя сестра, — сказала Эллисим, впервые обращаясь напрямую к Абделю, — на тебя не похожа.

Абдель втянул воздух и сделал шаг вперёд, вынудив воителей-эльфов двинуться на перехват. Он отступил достаточно, чтобы дать понять, что если он захочет пройти через них — остановить его не смогут.

— Она достаточно похожа на меня, — прошипел Абдель, — чтобы ваш старый любовник смог превратить её в это... это...

— Будь Баал жив, — сказала Эллисим, — это был бы аватар. Но вместо него, это просто... нечто похожее. Это новое существо, Губитель, способно убить меня. Кровь твоей сестры спала, пока у твоей крови были возможности проявить себя. Какой род занятий позволил избрать тебе твой приёмный отец? Продажу своего меча? Наёмничество?

Абдель кивнул.

— А Имоэн?

— Её приёмным отцом был Винтроп, — сказал Абдель. — Хозяин постоянного двора. Не такой суровый человек, как Горион. Имоэн была радостной, не по годам разумной девушкой.

— И не происходило ничего, что могло бы пробудить в ней Баала, — понимающе добавила Джахейра.

— Какая теперь разница? — спросил Абдель, гневно нахмурив брови. — Мне придётся убить её. Вы привели всех нас сюда, и теперь это единственный способ всё остановить. Чтобы не позволить этому Губителю Айреникуса убить вас — убить нас всех — мне придётся убить Имоэн.

— Нет, — сказала Эллисим. — Есть другой шанс...

Глава 25

Айреникус возник в центре Сулданесселлара в обличье эльфа. Его маскировку мог бы раскрыть любой из мечущихся вокруг магов, пытавшихся помочь выжившим, с помощью единственного слова и пары взмахов руками. Царящее кругом безумие скрывало его не хуже заклинания иллюзии. Он спокойно стоял у основания Древа Жизни.

Айреникус улыбнулся Древу и закрыл глаза. Он чувствовал, как сила Древа пульсирует в нём подобно биению второго сердца. Дерево было жизнью, и для Айреникуса оно станет вечной жизнью.

Он опустил на колени и коснулся лбом священной земли. Ничем не отличаясь от тысяч верующих эльфов, которые каждый день приходили сюда, чтобы поклониться дереву, Айреникус начал повторять слова ритуала.

Он вытянул свою левую руку, и кончики пальцев коснулись тёплой коры Древа Жизни.

Рука задрожала от силы, потёкшей через неё в сердце Айреникуса.

— Вечно, — сказал Айреникус. — Вечно. Вечно. Вечно...

* * * * *

Звук, который издала королева Эллисим, был хуже любого слышанного Абделем крика. Это был мучительный вопль, который мог издать только тот, кто прожил достаточно долго, чтобы осознавать истинное значение происходящего.

— Дерево, — закашлялась она. — Айреникус... у Древа Жизни!

— Эллисим, — сказал Эльхан, продолжив успокаивающей чередой эльфийских слов, которых Абдель не понимал.

Тело королевы изогнулось, корчась от боли.

— Имоэн! — закричала она.

По коже Абделя пошли мурашки.

— Это Губитель, — выдохнула Эллисим. — Я его... чувствую...

Её лицо исказилось в маске отвращения столь сильного, что Абделю пришлось отвести взгляд.

— Помоги нам Миликки, — сказала Джахейра, упав на одно колено.

Абдель увидел решимость на лице друида и всё понял. Как и все эльфы, Джахейра считала эту женщину, которую знала всю свою жизнь, бессмертным символом своего народа. Эллисим была не столько женщиной, сколько монументом. Ничто не могло затронуть её — ни время, ни даже смерть. А теперь она корчится в агонии, страдая от ошибки, которую совершила до того, как стала сердцем Сулданесселлара, когда была ещё юной девушкой, соблазнённой грезившим о бессмертии эльфом.

Абдель шагнул к королеве и взял лицо Эллисим в свои крупные, грубые ладони. Глаза закатились в её голове, и Абдель почувствовал, как его кто-то крепко схватил за руку.

— Что ты делаешь? — резко спросил Эльхан. — Ей больно. Отпусти её!

Абдель оттолкнул его и требовательно сказал:

— Эллисим! Эллисим, посмотри на меня.

Королева всхлипнула и закрыла глаза, пытаясь вырвать голову из рук Абделя.

— Теперь он будет жить вечно. Он будет таким, как ты.

— Эллисим! — зарычал Абдель.

Эльхан шагнул вперёд и достал свой лунный клинок.

— Убери...

— Нет! — воскликнула Эллисим, глаза которой резко открылись и уставились на Абделя. — Связь установлена. Айреникус питается от Древа Жизни!

— Я понял, — сказал Абдель, хотя на самом деле он по-прежнему пытался осознать казавшиеся невозможными события. — Имозн — Губитель — ты видишь его? Знаешь, где она?

— Она идёт, — прошептала королева, перестав бороться с ним. По её щекам текли слёзы.

— Как нам его убить? — спросил он.

Её взгляд смягчился, в нём возникло облегчение.

— У тебя может быть шанс.

— Скажи мне.

— Риннский Фонарь... — ответила она едва слышно. В голосе Эллисим боль и печаль смешались с надеждой.

— Фонарь убьёт Губителя? — вставая, спросила Джахейра.

— Разрушит связь с Айреникусом и деревом и сделает его смертным. Не убьёт, но позволит убить, — ответила Эллисим.

Абдель позволил ладоням упасть, отпуская её лицо, и она опустила взгляд.

— Маги, — рявкнул Эльхан, — мы приготовим Фонарь.

Он начал повторять приказ на эльфийском, но Абдель поднял руку, прерывая его.

— Я не могу его убить, — сказал Абдель, сверля взглядом Эллисим. — Это... это была Имозн. Она не заслуживает смерти за твои ошибки, королева Эллисим.

Эльфийская королева повернула к нему своё лицо, по которому на кратчайший миг скользнуло выражение надменного неудовольствия, прежде чем Эллисим осознала, что наёмник прав.

— Чем ты рискнёшь, чтобы её спасти? — спросила она.

— Ничем, — ответил за него Эльхан. — Мы больше не будем рисковать жизнями ради этой девушки.

— Нет, — вмешалась Джахейра, прежде чем Абдель повернулся к эльфам. — Абдель прав. Это всего лишь один человек, но и одного достаточно.

Абдель улыбнулся и повернулся к Эллисим.

— Как? — спросил он.

— Связь, которую я делю с Айреникусом, перешла от него к Губителю, как только он соединился с Древом Жизни. Теперь он связан с Древом и отправил по этой связи Губителя, чтобы найти меня, — сказала королева. — Эта связь... её можно передать... от меня к тебе.

— Эллисим, нет... — сказала Джахейра.

— К чему это приведёт? — спросил Абдель, игнорируя друида.

— Ты делишь с Имоэн нечто большее, чем... ну...

— Продолжай, — поторопил Абдель.

— Если связь между её душой и твоей достаточно сильна, — сказала Эллисим, — возможно, что ты сможешь уничтожить Губителя, но вместе с тем удержать душу Имоэн на этом плане бытия. Аватар вернётся в породивший его ад, а Имоэн будет свободна.

— Или? — спросил Абдель.

— Или, — вздохнула королева, — это убьёт вас обоих.

— Абдель... — начала Джахейра.

— Шанс есть, — просто сказал Абдель.

Королева кивнула в ответ, и Абдель повернулся к Эльхану.

— Нам понадобится этот артефакт.

Принц кивнул и сказал:

— Губитель в любом случае будет уничтожен?

— Похоже на то, — ответил Абдель.

— Тогда займёмся делом.

— Абдель, — напряжённо вмешалась Джахейра. — Я не могу позволить тебе так рисковать. Со всем уважением, ваше величество, — обратилась она к Эллисим, — вы не знаете наверняка.

Королева скорчилась от боли, потом покачала головой.

— Если я позволю Имоэн погибнуть, — спросил Абдель Джахейру, — позволю её душе последовать за этим монстром в Геенну, чего ради были все твои уроки? Во что я превратился?

Джахейра не могла ответить. Она знала, что Абделя нельзя остановить, и ей не следует даже пытаться.

Он протянул руку и коснулся её щеки.

— Может быть, я был под гипнозом, — мягко сказал он ей. — Иначе ничего не вышло бы.

Она улыбнулась и позволила себе заплакать.

— Джахейра, — сказал Эльхан. — Ты нужна в Сулданесселларе. Отправляйся к Древу, но не вступай в бой с Айреникусом.

— Я иду с тобой, — сказала Джахейра Абделю.

Тот посмотрел ей в глаза и покачал головой. Она отвела взгляд, понимая, что он опять прав. Только Абдель мог сделать то, что нужно было сделать.

Эльхан помог Эллисим подняться на ноги. Абдель, не отрывая глаз от Джахейры, шагнул к ним, и все трое исчезли в фиолетовой вспышке.

* * * * *

Эллисим поставила его на неровную почву в центре кольца стоячих камней, которые могли быть колоннами величественного когда-то храма, за прошедшие годы стёртыми ветром до безликих обрубков былой славы. Волшебники уселись перед Фонарём в широкий круг, сложив ноги вызвавшим у Абделя недоумение способом. Эллисим по-прежнему слабела и могла передвигаться, только когда её нёс брат. Она жестом приказала Эльхану опустить себя на землю рядом с артефактом.

Маги завели пронзительный речитатив. Они все закрыли глаза, и Абдель видел, как их плечи опускаются в унисон. С помощью этих волшебных слов они как будто переливали всю энергию из своих тел до последней капли в свой разум и наружу.

— Сядь напротив меня, — сказала Абделю Эллисим густым, тихим и утомлённым голосом. С огромным усилием она положила свою правую руку на фонарь. Кивком она приказала ему поступить так же.

Абдель уважительно положил рядом с собой зачарованный меч и опустил одну мускулистую грубую руку на фонарь.

— Что дальше? — спросил он.

Эллисим не ответила. Она закрыла глаза, и шея задрожала, когда она попыталась покачать головой.

— Она умирает, — сказал Эльхан. Он стоял за пределами круга. Его лицо было серым от усталости и страха.

Абдель взглянул на него, но ему пришлось отвести взгляд. Эльхан шёл вдоль круга магов, пытаясь смотреть сразу во все стороны, но не в силах отвести взгляд от своей умирающей сестры.

Губитель упал с неба в пяти шагах от Эльхана, и неожиданное движение напугало его. Рука Эльхана инстинктивно потянулась к лунному клинку у него на поясе, древний меч вылетел из ножен и озарил круг синим мерцанием. Губитель поднял руки. Два вырезанных из кости кинжала появились в его ладонях будто из воздуха.

Эльхан не стал дожидаться удара чудовища. Он бросился на него с отчаянной храбростью, зная, что больше никто не может удержать тварь от нападения на продолжающих ритуал магов.

Абдель вздрогнул, и Эллисим прошипела «Нет!».

Наёмник посмотрел на неё. Её глаза были наполовину открыты, и их блеклый взгляд блуждал по нему.

— Ты не должен разрывать связь, — сказала она. — Ещё немного. Я... чувствую...

Эльхан был опытным и способным мечником, и хотя Губитель был быстрее, эльф сумел присесть под взмах его кинжалов и с силой резануть по укрытой шипами груди. Лунный клинок, сильнейшее оружие из известных в Фаэруне, отскочил от skóry чудовища, не оставив и царапины.

Эльхан охнул, впервые увидев, как меч предков его подвёл. Губитель засмеялся над ним. От этого звука на дыбы встал каждый волосок на теле Абделя. Смех казался зловеще знакомым. Это был смех его отца. Глаза Абделя начали светиться жёлтым. Сейчас это была не мимолётная вспышка, а ровный, пылающий свет.

— Вы все, — сказала злое существо. — Ваши души накормят легионы Геенны.

Аватар стремительно бросился на Эльхана, но эльф сумел уйти от удара. Он поднял лунный клинок и отбил один из кинжалов в сторону, оставив на нём зарубку.

Абдель снова едва не убрал руку с артефакта. Эльхан был хорош, но Абдель видел, что этого недостаточно.

— Пожалуйста, — сказала Эллисим, чей голос неожиданно стал сильнее. — Не помогай ему.

Абдель стиснул зубы, но удержал руку на Фонаре. Она была права. Ритуал необходимо завершить. Нужно было перенять от неё духовную связь, иначе Имоэн погибнет. Но как насчет сулданесселларского принца Эльхана?

Эльфийский принц парировал ещё один выпад Губителя, отбив в сторону одну из рук-клинков. Однако защита обнажила левый бок Эльхана, и Губитель сполна этим воспользовался. Двигаясь так неестественно тихо, что казалось, будто чудовища здесь вовсе нет, аватар резанул по нему другой рукой-лезвием и открыл в животе Эльхана глубокую и широкую рану, которой хватило, чтобы внутренности принца высыпались на мёртвую почву Миф Ринна.

Эллисим закрыла глаза и испустила долгий, дрожащий звук.

Губитель засмеялся, когда безжизненное тело Эльхана рухнуло на землю. Его смех прозвучал не только в ушах Абделя, но и в его груди. Мускулы, которые наёмник использовал, чтобы смеяться сам, напряглись и задёргались, и в горле засвистел воздух. Он это чувствовал!

— Пока нет, — предупредила его Эллисим, по щекам которой текли слёзы — она плакала, не в силах сдержаться.

Абдель почувствовал напряжение незнакомых мышц и посмотрел на Губителя. В воздухе перед ним вращались ещё шестеро жутких на вид костяных кинжалов. Поддерживаемые какой-то мерзкой магией, кинжалы вертелись в воздухе, и Губитель удовлетворённо рассматривал каждый из них по очереди.

Летающие кинжалы устремились к одному из по-прежнему сидящих кругом магов. Губитель немного отступил, как будто ему самому было интересно узнать, что произойдёт дальше. Маг осел на месте, закрыл глаза, его разум заиклился в непрерывной петле речитатива. Эльф понятия не имел, что на него надвигается, и Абдель знал, что не может убрать руку с фонаря, но он мог хотя бы предупредить — как этого волшебника звали?

— Эльф! — крикнул Абдель, потом: — Маг!

Маг ничем не выдал, что слышит его. Первый кинжал вонзился в его спину по самую рукоять, затем повернулся, разрезая кости и плоть. Другие пять кинжалов воткнулись в тело и тоже принялись резать. Маг рухнул окровавленной грудой отрезанной кожи. Абдель шёпотом выругался, силой заставляя себя сидеть на месте.

Тело мага сильно содрогнулось, затем взорвалось дождём крови и клочьями мяса. Все кости эльфа взметнулись в воздух и тоже взорвались облаком острых осколков. Осколки присоединились к танцу шести кинжалов, выстроившись перед Губителем. Аватар теперь стоял перед щитом из посвистывающих, бритвенно-острых костяных щепок. Любой шагнувший к чудовищу оказался бы порезан на куски.

И Абдель это чувствовал. Он чувствовал холодную силу и мог отследить каждый осколок на его безумной орбите. Он чувствовал.

— Иди! — крикнула Эллисим, и Абдель вскочил, сжимая в правой руке меч Йошимо, ещё до того, как слово растаяло в неожиданно беззвучном воздухе.

Окончив речитатив, все маги одновременно очнулись от своего транса и бросились бежать прочь от Губителя и его барьера из расколотых костей. Абдель бежал в другую сторону, прямо на свистящее облако лезвий. Ощущая каждый фрагмент, он начал сбивать их в сторону кончиком меча Йошимо. Костяные осколки

по одному вылетали из облака, чтобы упасть на землю, не причинив никому вреда. Абдель молчал, почти не шевелил ногами, и его дыхание было ровным и неглубоким. Губитель, если он вообще способен был на какую-то мимику, наблюдал за сценой со смесью раздражённого замешательства и изумлённого веселья.

У него за спиной истощённое тело Эллисим скользнуло на землю рядом с Фонарём. Она втянула в себя один глубокий, хриплый вдох и почти сумела открыть глаза. Один из магов подхватил её на руки и, кивнув другим магам на Фонарь, вынес Эллисим из круга, скрывшись за одним из камней.

Абдель не считал, сколько костей выбил из барьера. Вниз упало около сотни, прежде чем барьер рухнул и усыпал землю между сыном и аватаром Баала кусками костей.

Абдель быстро шагнул вперёд, но Губитель, поджидавший за тающим заслоном из костяных лезвий, оказался быстрее. Одной из своих рук-лезвий существо оставило глубокую рану в груди Абделя. Абдель зашипел от боли, но стерпел, резко опустив руку с мечом, чтобы парировать атаку второй руки-лезвия.

— Я сожру твою душу сырой, сын Баала! — завизжало ему чудовище. Абдель притворился, что не слышит в гулком голосе Имоэн.

Он шагнул назад, позволяя Губителю наступать, затем резко ударил вперёд и вниз. Меч отрубил одну из рук-клинков Губителя на уровне локтевого сустава, и тварь потрясённо отпрянула.

Что ж, значит, его можно ранить. Оно смертно.

Приободрённый знанием, что ритуал сработал хотя бы частично, Абдель бросился в атаку. Его меч полетел вниз в попытке лишить аватара второй руки. Но на этот раз чудовище оказалось готово — и по-прежнему было быстрее Абделя. Его рука тисками схватила Абделя за правую руку и остановила её так резко, что Абдель не смог удержать меч. Клинок сверкнул в свете позднего дня, вылетев далеко за пределы досягаемости наёмника.

Аватар с силой тысячи тягловых лошадей вывернул Абделя руку. Правая рука оторвалась от плеча со звуком рвущейся кожи, лопающихся сухожилий и горячим потоком крови. Закричал один из волшебников, другой развернулся и его вырвало.

Ярко-красная агония затопила Абделя, но вместо того, чтобы ослабить его, она наполнила его тело невообразимой силой.

Абдель, уже не думая об этой твари как о манифестации силы Бога Убийств, просто как о противнике, гневно зарычал и схватил другой локоть Губителя своей левой рукой. Существо было сильным, сильнее любого мужчины на Фаэруне, но Абдель был не слабее.

Губитель отпустил правую руку Абделя, позволив ей упасть на землю с мокрым шлепком. Аватар ударил Абделя, хлестнув холодными, острыми когтями по уже раненой груди наёмника. Сейчас Абдель не чувствовал никакой боли.

Он сильно надавил на руку Губителя, и та вывернулась в сторону. Абдель упал, заметил удивлённое, злое выражение Губителя и перебросил аватара через себя. Тварь распростёрлась на неровной земле, замахала конечностями, как краб.

Абдель схватил свою извивающуюся руку, орошавшую кровью землю Миф Ринна, и был рад почувствовать, что она всё ещё тёплая. Он вонзил разодранный конец в обрубок своего плеча. Волна зудящего наслаждения прошла по телу, и рука

приросла на место. К тому времени, как Губитель поднялся на ноги и снова начал наступать, Абдель снова смог пользоваться правой рукой, как будто её никогда не отрывали.

Он оглядел землю вокруг в поисках меча, но Губитель надвигался слишком быстро. Прежде Абдель даже не подумал бы сделать что-то подобное, но сейчас он погрузил руку в широкую, покрытую шипами грудь чудовища. Рука вонзилась в тело Губителя по самый локоть, и существо закричало от ярости.

На каком-то подсознательном уровне Абдель понимал, что если он вот так повернёт запястье... вот оно! Он сжал руку на чём-то тёплом, мягком и живом, и потянул.

Губитель снова закричал, когда рука Абделя вырвалась из его груди. Абдель сжимал кусок розовой плоти. На конце этого куска была рука. Рука с пятью пальцами, без когтей, шипов и хитина. За вырвавшейся рукой Абделя последовал поток зелёной крови. Он держал человеческую руку.

— Она моя! — завопил Губитель.

Абдель отпустил человеческую руку, не обращая внимания на её сжимающиеся пальцы. Он схватил Губителя за голову и начал выворачивать её.

— Она ничья, — проревел он в выпученные, неверящие глаза Губителя. — Она выходит!

— Нет! — закричала тварь, потом попыталась закричать снова, но звук оборвался в сомкнувшейся глотке.

Абделю пришлось напрячь всю свою значительную силу, чтобы вывернуть голову твари вниз и набок. Губитель ответил тем, что обхватил голову Абделя одной крупной, уродливой рукой. Его хватка была сокрушительной, и челюсти Абделя сжались с такой силой, что начали крошиться зубы — каждый трескался по очереди. Было больнее, чем если бы их вырывали. По скальпу Абделя потекла кровь. Череп громко затрещал на висках, и перед глазами заплескали фиолетово-синие вспышки.

Раздался громкий, перемалывающий треск, и Абдель подумал, что он, наверное, умер, но вместо него обмяк Губитель. Неожиданный вес потянул Абделя вниз, сверху на чудовище. Торчащая из него человеческая рука по-прежнему слепо хватала всё подряд. Рука нашла пропитанную кровью кольчугу Абделя и вцепилась в неё.

Наёмник не пытался стряхнуть руку. Он начал разрывать безжизненную голову Губителя, и ещё один эльфийский маг развернулся и исторг содержимое своего желудка наружу от раздающихся при этом звуков. Абдель раздирал голову чудовища, как будто это был апельсин. Под хитином, слизью, кровью и гибнущей плотью аватара находилось человеческое лицо, лицо девушки.

Она поперхнулась и втянула в себя воздух, заполняя лёгкие.

— Имоэн, — сказал Абдель, в глазах которого появились слёзы.

— Абдель, — выдохнула Имоэн, глаза которой пока ещё не могли сфокусироваться, но она узнала его по голосу. — Абдель... г-где мы?

Абдель слабо улыбнулся и только собирался ответить, когда Эллисим закричала:

— Дерево!

Абдель развернулся, но королевы эльфов не увидел. Вспышка горячего жёлтого цвета заполнила его зрение, обжигая глаза. Он застонал, что-то сжалось в груди, и голова взорвалась от боли.

— О нет, Абдель! — завизжала Имоэн. — Нет!

Абдель почувствовал, как что-то тянет его вниз, но не мог понять, за какую часть тела его держат. Это была не нога — наверное, его схватили поперёк груди. Он скользнул на землю и почувствовал запах наполнившей ноздри земли. Руки напряглись, и он ощутил, как они растут. Волна ярости смысла его рассудок прочь.

Глава 26

Джахейра очнулась со встревоженным возгласом, её голова запрокинулась назад, рот широко открылся, чтобы втянуть необычайно холодный воздух Сулданесселлара. Тело, подвешенное на похожих на паутину нитях, содрогнулось и качнулось вперёд, потом назад, и покачиваясь, спустя одну долгую, болезненную минуту остановилось.

Её веки чем-то залепило, и когда она наконец сумела открыть один глаз, то поняла, что второй просто не собирается подчиняться. Жуткая боль разрывала весь левый бок. Правая нога была болезненно вывернута, и друид чувствовала, как она распухла.

Единственный глаз видел смутно, но она разглядела Айреникуса, склонившегося перед Древом Жизни. Она не могла понять, это обман её расплывшегося зрения или настоящий феномен, но была уверена, что видит скелет Айреникуса, очерченный ярким светом, сделавшим кожу и мускулы некроманта прозрачными.

Древо Жизни было охвачено огнём.

Поначалу эта мысль никак не могла ужиться у неё в голове. Потребовалось два удара сердца, но когда она поняла, что видит, и осознала всю серьёзность катастрофы — не только для народа Сулданесселлара, эльфов Тетира, но для всех и вся на Фаэруне, на Абейр-Ториле...

Джахейра закричала.

Она услышала, как крик эхом раздаётся среди пылающих руин Сулданесселлара. Айреникус никак не отреагировал. Он просто сидел там, продолжая свой речитатив.

Она снова закричала, потом забилась в паутине, в итоге запутавшись ещё сильнее.

— Абдель! — крикнула она между двумя раздирающими тело всхлипами.

Это заставило Айреникуса обернуться. Его лицо было прозрачным, как и остальное тело, и она видела его скалящийся, безумный череп. Его глаза пылали прекрасно знакомым друиду ярко-жёлтым светом.

— Абдель, — сказал Айреникус голосом, похожим на воющий по Шаару ветер — голосом бога. — Да... Абдель.

Джахейра снова закричала и попыталась отвести взгляд, но её голова застряла, и она не смогла этого сделать.

Айреникус улыбнулся зубастой, злорадной, мерзкой улыбкой и погрузился в землю. Его тело просто рухнуло в дыру, которой на самом деле не было. Древо Жизни вспыхнуло диким оранжевым пламенем нескольких сотен футов в высоту, обжигая лицо Джахейры, и она опять закричала. От жара паутина начала растворяться, и нога Джахейры болезненно сдвинулась, затем её голова упала набок.

Она закричала: «Абдель, где ты?» пересохшим от обожжённых лёгких голосом и выпала из паутины, распростёршись на земле неподвижной грудой.

* * * * *

Абделя окатило жаром, и это вернуло его в сознание. Он не мог понять, в каком теле находится — чудовища или человека, но разум к нему вернулся. К несчастью, это произошло как раз вовремя, чтобы он успел обгореть до смерти.

Он не знал, насколько это хорошая идея, но открыл глаза, опасаясь, что они выгорят. Как ни странно, этого не произошло.

Поначалу глаза увидели только массу медленно вращающегося оранжевого, и Абделя показалось, что он погружается в кипящую лаву, но как такое могло происходить?

В оранжевом цвете возникли тени и превратились в фигуры, затем эти фигуры слились в крупные, более чёткие массы. Тени были каменными карнизами и выступами.

Абдель резко вдохнул и почувствовал, как открывается челюсть. Его рот открывался неправильно, вбок, как у чудовища, которым была Имоэн. Вопреки всему он спас её жизнь. Абдель отчётливо это помнил. Это произошло за минуту или около того, прежде чем его утащили в Ад.

Так вот оно что. Он был в Аду, и он был в теле — или его тело стало телом — отвратительного, демонического монстра. Абдель полагал, что это значит...

Он покачал своей огромной чудовищной головой, не в силах поверить, что он может плавать в реке лавы в каком-то настоящем Аду, раздумывая о...

Выходит, он вернулся домой?

Он задал себе этот вопрос.

«Я вернулся домой?

Неужели всё это время я должен был находиться именно здесь?

Значит, я здешний правитель, как мой отец?

Неужели именно этим я должен был заниматься?

Неужели Айреникус в своей отчаянной, слепой жадности толкнул меня к судьбе, которая всё это время была моей, которая всю жизнь текла в моих венах?

Я хотя бы остаюсь Абделем?

Или я Баал?

Что я такое? Просто воля к убийству, смерти и злу...

Я дома?

Это мой дом?»

Абдель открыл рот, втянул горячий, смердящий серой воздух, и позвал: «Отец!»

«Баал!»

Абдель плотно закрыл глаза и стал ждать ответа.

* * * * *

Джахейра знала, что ей нужно просто лежать смирно и дышать. Ещё она знала, что должна что-нибудь сделать. Дерево по-прежнему пылало.

Она позволила своим слезам намочить хрупкую траву и поползла прочь от огня. Пот смысл оставшуюся паутину.

Она вернулась в Сулданесселлар, чтобы найти Айреникуса, и нашла его быстрее и проще, чем ожидала. Он был прямо здесь, сидя на коленях перед Древом Жизни. Джахейра помнила чувство благодарности за то, что не понимает произносимых им слов. Конечно, этот отвратительный ритуал, созданный, чтобы разрушить всё, что она считала священным, был ей незнаком.

— Миликки, — сказала она, не волнуясь о том, что голос был хриплым от жары и от плача. — Миликки, добрая Госпожа Леса, пожалуйста...

Она упёрлась обеими руками о сухую траву и оттолкнулась, перекатившись на левый бок. От боли она вскрикнула, потом задохнулась, и наконец села. Она коснулась левого бока и почувствовала влагу, которая могла быть потом или кровью. Она не хотела убирать руку, чтобы проверить.

Джахейра посмотрела в небо и увидела только клубы чёрного дыма. Она увидела Дерево Жизни, отдающее себя по одному клочку копоти за другим. Джахейре казалось, что целый мир утекает в небо.

— Миликки, — прошептала она, и в рот скатилась слеза. — Дорогая богиня, просто скажи мне, где он. Где он?

Руки Джахейры взметнулись вверх, чтобы закрыть лицо, и она упала на спину, даже не обратив внимания на боль в боку. Она инстинктивно пыталась защитить лицо от вспыхнувшего перед глазами видения.

Оранжевое пламя.

Кипящие моря.

Корчащиеся тела.

Проклятые души.

Он был в Аду.

Абдель был в Аду.

Джахейра снова закричала, так громко, что её собственные уши зазвенели.

* * * * *

Абдель не открывал глаз, зная, что окружающий вид только отвлечёт его. Может быть, впервые за всю жизнь он собирался остановиться, просто позволить миру двигаться дальше самостоятельно, и наконец потребовать ответы у вселенной. Он собирался дожидаться, пока отец не ответит. Он мысленно начертил вокруг себя круг и мысленно же произнёс:

«Поговори со мной.

Скажи мне.

Где ты?

Чего ты от меня хочешь?

Что со мной будет?

Я стану тобой? Займу твоё место? Буду служить тебе?

Я позволю сгореть этому дереву, эльфийскому городу, даже Крепости Свечи. Мне всё равно. Я хочу знать.

Я узнаю.

Ты вернёшься, где бы сейчас ни был, и поговоришь со мной.

Поговоришь со мной, ублюдок.

Поговоришь.

Баал.

Бог Убийства.

Отец.

Поговори со мной».

И Абдель позволил себе плавать в адском потоке лавы, дожидаясь, пока голос отца не расскажет ему всё, не скажет ему, что делать. Он долго ждал в проклятых безднах, но отец так и не заговорил с ним.

— Ты мёртв, — сказал Абдель и открыл глаза.

* * * * *

— Ты вернулся, — сказала Джахейра. Её голос донёлся звериным рыком, странно прозвучавшим в её собственных ушах. — Ты вернулся ко мне.

Она перекатилась на живот и остановилась, переживая новый приступ боли. Она терпеливо ждала, и когда худшее закончилось, заставила себя встать.

Айреникус почти убил её, когда она встретила с ним у Древа Жизни. Повсюду вокруг них пылал Сулданесселлар, и Айреникус начал хлестать её своими заклинаниями. Она отвечала собственной магией, на помощь подоспели эльфы, но запас болезненных, калечащих тело заклинаний Айреникуса казался бесконечен. Он бил её молниями, жёг огнём, резал клинками, стеклом и шипами, и всё это время ублюдок смеялся. Когда Джахейра наконец упала, он подвесил её в паутине, чтобы она могла видеть, что происходит. И она видела.

Она видела, как он высасывает силу из величайшего источника жизненной энергии в мире, если не целой мультивселенной.

Он осушил Древо Жизни и оставил его таким сухим, что дерево загорелось от жара пылающего Сулданесселлара, и превратилось в огромное inferно, которое сжигало не только листья, кору и ветки. Этот огонь сжигал жизнь. Сжигал историю. Сжигал традиции, надежду и хрупкое достоинство вымирающей расы.

Затем Айреникус по собственной воле отправился в какой-то Ад, где ждал Абдель — ждал чего? Абдель наверняка оказался там не по собственному желанию. Они наверняка будут не по-братски там обниматься. Они будут сражаться, и как бы она ни любила, ни доверяла и ни восхищалась Сыном Баала, Джахейра не думала, что он может победить. Как?

Как можно выстоять против человека, который обладал могуществом сам по себе, но теперь был наполнен эссенцией Древа Жизни?

— Абдель, — сказала она земле вокруг. — Просто убегай. Убегай оттуда, Абдель. Возвращайся ко мне. Оставь его жить. Пускай вечно живёт в Аду. Возвращайся ко мне.

Она поняла, что смотрит в ту точку, где Айреникус провалился под землю. Она сделала шаг в ту сторону, и когда нога коснулась лесной поверхности, колено не

выдержало. Она упала на землю, но внимания на боль не обратила. Она попыталась снова встать на ноги, не смогла, и тогда начала ползти.

— Я иду, Абдель, — сказала она.

Глава 27

— Он мёртв, тупица, — ухмыльнулся Айреникус где-то в ревущем пламени Ада. — Твой отец мёртв, и ответов ты от него не получишь.

Абдель отдался ярости и потянулся к источнику голоса Айреникуса. Он нашёл что-то, похожее на плоть, и продрался через неё. Раздался хрип, он почувствовал кровь, затем прозвучал смех.

Рука схватила Абделя за горло и сжала. Абдель потянулся вверх когтистой ногой и вскрыл Айреникусу живот. Айреникус стиснул ладонь, и голова Абделя отделилась от шеи. Его зрение содрогнулось и поплыло, и Абдель понял, что этого не могло произойти — даже в Аду.

Он вернулся в собственное тело, и это было его тело, человеческое, целое, не чудовище, не демон.

— Глупое человеческое дитя, — сказал Айреникус. — Ждёшь приказов, ждёшь ответов. За время жизни, немногим превышающее жизнь блохи, ты не получишь ответов, дитя. Ты ничего не узнаешь. Ты не получишь ничего, кроме непродолжительных скитаний по миру, которые закончатся болезненной, бессмысленной, беспощадной смертью. Сейчас ты служишь мне, как служил всё это время. Я вытащил из тебя и маленькой сучки Разорителя, но Губителя извлёк ты сам. Только ты — отродье Баала — мог уничтожить Разорителя, и только когда Разоритель уничтожен, его место может занять Губитель.

— Почему? — спросил Абдель, отрывая от себя кусок души Айреникуса.

Некромант засмеялся, и Абдель почувствовал, как кусок души осыпается сквозь его пальцы.

— Почему? — переспросил Айреникус. — Глупое человеческое дитя. Человеческая песчинка. Только Губитель мог убить Эллисим. Подчинившись крови Бога Убийств и прикончив эту девушку, которая была так тебе важна, ты дал мне оружие, в котором я нуждался. Теперь Эллисим мертва. Теперь ты отдашь мне свою душу, а я воспользуюсь ею и силой этого отвратительного дерева, чтобы стать бессмертным. Я забираю. Я беру. Я получаю. Ты исчезаешь.

Абдель снова вытянул руку и почувствовал нечто такое, для описания чего у него не было слов. Он нащупал душу Айреникуса.

— А-а-а, — выдохнул некромант, — вот и ты.

— Эллисим жива, — сказал Абдель. Слова распространялись не по воздуху, не по огню или лаве, но посредством бессмертных душ.

Последовала тишина, которую заполнял лишь рёв лавового потока.

— Ты остаёшься здесь, Айреникус, — сказал Абдель.

— Ни один из нас не останется здесь, Абдель Адриан, — ответил Айреникус. — Нет даже такого места, как «здесь». Я вернусь на Фаэрун бессмертным, жива Эллисим или нет. Ты никуда не уйдёшь. Ты погрузишься в забвение.

* * * * *

Средний палец Джахейры переломился назад, но она не заметила боли. Она рыла, впиваясь в беспощадную почву под пылающим деревом, где Айреникус упал в Ад. Джахейра выбрасывала пригоршни земли и добралась на глубину около фута, но конечно, никаких признаков Ада там не было.

— Миликки, — сказала она. — Миликки, помоги мне.

Она продолжила рыть ещё немного, несмотря на всеподавляющий, простой факт того, что можно вечно рыть своими руками и не попасть туда, куда она стремилась. Абдель находился не под землёй. Он был на другом плане существования. Он был в месте, так отличавшемся от знакомого Джахейре мира, что между ними не было настоящей связи. Айреникус каким-то образом соединил два этих мира — Джахейра знала, что существует несколько способов проделать подобное — и затащил туда Абделя, а затем последовал за ним. Связь была не физической.

— Миликки, — зарыдала она, — помоги мне... скажи мне...

Она прекратила копать и позволила себе заплакать в сухую землю, отдаться на волю своей богини, как маленькое, слабое, отчаявшееся создание.

— Помоги мне, — умоляла она.

В ветре раздалось обращённые к ней слова — и Джахейра всхлипнула, услышав их: «Позови его».

— Миликки, — прорыдала Джахейра, — спасибо, Госпожа.

Она прижала лицо к земле в вырытой дыре и глубоко втянула в себя пахнущий почвой воздух.

— Абдель! — закричала она в землю. — Абдель!

Она вдохнула снова, не обращая внимания на боль в горле, и закричала: «Абдель!»

* * * * *

Айреникус побеждал.

Абдель чувствовал, что его тело превращается обратно в чудовище — они называли его Разорителем.

— Вот и всё, — практически мурлыкая, сказал Айреникус. — Вот и всё.

Абдель почувствовал, как от его души откусили кусок, и он отпустил его. Ему стало всё равно. Он позвал отца — своего отца. Идея была просто смешной. Он позвал Баала и не получил ответа. Айреникус предложил ему единственный ответ, который в конечном счёте был похож на правду.

— Я воспользуюсь ей с толком, Абдель, — прошептал Айреникус прямо в его распадающуюся душу.

Абдель почувствовал, как лопаются и изгибаются назад ноги, хотя он сомневался, что ещё обладает каким-то телом.

— ...дель... — голос женщины звучал так далеко, что Абдель был уверен, что это лишь его воображение. Он был потрясён тем, что находясь в Аду, решил, что нечто столь обыденное, как зовущий его по имени голос Джахейры был плодом вообр...

Джахейра.

— Абдель... — снова раздался её голос, на этот раз немного громче.

Абдель попытался заставить свой исказившийся, уродливый, чудовищный рот произнести её имя. Но не смог.

— Всё конечно, Абдель, — сказал Айреникус. — Она в прошлом. Она всё равно не могла быть твоей, не так ли? Друид-арфистка и сын Баала? Что могло случиться с такой... ну ладно. Теперь всё это неважно, дитя.

Абдель почувствовал, как кивает, затем снова прозвучал голос Джахейры.

— Абдель, — звала она, — прошу...

Последнее слово молнией пронеслось по растрёпанным останкам души Абделя, и он почувствовал Джахейру. Айреникус забрал у него так много — практически в прямом смысле съел — но одну часть он оставил. Он оставил ту часть, где обитала Джахейра. Может быть, в каком-то смысле она жила в каждой частице его души.

Абдель снова почувствовал себя человеком, и это его человеческий рот крикнул: «Джахейра!»

Каждый раз, когда она кричала его имя, угасала крохотная частичка пламени, поглощавшего Древо Жизни.

— Абдель!

Повсюду вокруг неё был дым, струясь по затылку и забираясь в дыру, щекоча ей горло.

— Абдель, пожалуйста!

Сверкнула вспышка, на которую Джахейра не стала обращать внимания. Это не был Абдель — она знала это на каком-то первобытном уровне — а значит, вспышка была неважна. Важен был только Абдель.

— Абдель!

— Джахейра! — сзади окликнула друида Имоэн.

— Она зовёт его, — объяснила Имоэн королева Эллисим.

Джахейра скорее почувствовала, чем услышала приближающиеся к ней шаги.

— Абдель! — снова закричал друид, не понимая, что почти сорвала голос.

— Помочь ей, — задыхаясь, сказала Эллисим. — Мы должны ей помочь.

Имоэн без промедления упала на землю рядом с Джахейрой. Из горящих глаз Джахейры снова потекли слёзы.

— Абдель! — закричала девушка, и её голос был громче голоса Джахейры.

— Абдель! — закричала Эллисим.

— Абдель! — закричала Джахейра.

Эллисим и Имоэн крикнули «Абдель!» вместе.

— Абдель! — кричала Джахейра. — Абдель!

* * * * *

— Абдель! — закричала Имоэн, и в ответ Абдель стянул к себе свою душу.

— Абдель! — раздался ещё один голос — Эллисим. Это была Эллисим, потом снова Джахейра, затем Имоэн, Эллисим и Джахейра в разных сочетаниях. Он отправил кусочки своей души в их сторону — вверх? Должен быть верх.

— Я здесь внизу, Абдель Адриан, — прорычал Айреникус. — Как и ты. Ты никуда не вернёшься. Возврата нет.

Абдель сосредоточился на голосах Джахейры, Имоэн и Эллисим. Он послал свою душу, потянулся наверх, и его человеческие руки последовали за ней. Его человеческие глаза отвернулись от оранжевого и посмотрели на каменную породу сверху.

— Нет! — пронзительно вскрикнул Айреникус, и этот крик забрал с собой кусочек души Абделя, но это был маленький кусочек.

— Ты будешь смотреть на меня! — вопил Айреникус. — Ты будешь сражаться со мной!

Абдель чувствовал отчаяние, текущее сквозь Айреникуса. Расклад сил быстро изменился. Абделю было куда возвращаться. У него было настоящее будущее, не иллюзия величественного бессмертия Айреникуса в качестве хозяина единственной вампирши и сумасшедшего дома на острове, которому никто даже не позаботился придумать название.

Даже если Абдель мог ждать только ночей с Джахейрой в его объятьях, это всё равно было больше, чем ожидало Айреникуса в бесчисленные грядущие века.

— Абдель, я здесь, — сказал голос Джахейры, и Абдель теперь чувствовал его, как точку в пространстве наверху. Он потянулся туда, но расстояние было слишком велико.

— Сразись со мной! — почти умолял Айреникус. — Сражайся!

Это всё, что оставалось некроманту. Он рассчитывал только на нужду Абделя сражаться, тот факт, что это было единственным умением Абделя: бой.

Но вместо этого Абдель просто наступил на Айреникуса; фигурально, если не буквально. Абдель чувствовал, что у него есть ноги, но не знал, правда ли это. Он мог находиться в таком месте, где наличие ног ничего не значило. Так или иначе, он наступил на Айреникуса, и это заставило некроманта рассыпаться нагромождением бессвязных речей.

Изрыгая ругательства и угрозы, Айреникус скользнул дальше в пропасть, и Абделя это не волновало. Он выбирался. Он начинал свою жизнь — не обладая ответами, но, в конце концов, кто ими обладал?

Абдель потянулся вверх и почувствовал, как его руки коснулась чужая рука. Кожа была гладкой, тёплой и знакомой. Разглагольствования Айреникуса затихли в гулкой тишине, и лицо Абделя покрылось землёй. Земля попала в глаза, в нос, в уши и в рот.

Он закашлялся и почувствовал, что голова вернулась в некую твёрдую реальность. Он снова чувствовал тело. Он снова мог двигаться. Он снова был живым и настоящим, и когда его лицо вырвалось из-под земли, он выхаркнул грязь, вытряс её из глаз, и сделал глубокий, дрожащий вдох.

— Абдель... — голос Джахейры был хриплым, грубым, зато близким и настоящим, а не далёким эхо из Фаэруна в Аду.

— Джахейра, — сказал он прямо в её лицо, находившееся всего в дюймах от его собственного.

Джахейра коснулась его. Она плакала, но была счастлива. Имоэн тоже была здесь, где бы это «здесь» ни было, и Эллисим тоже. Он огляделся и увидел огромное дерево, какого даже вообразить себе не мог. Дерево почернело, но чернота отпадала от него кусками, обнажая здоровую кору. Росли изумрудно-зелёные листья, и пока Древо Жизни возрождалось, Абдель был уверен, что слышит крик Джона Айреникуса.

